

Россия и США

то друзья,
то враги
уже 250 лет

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

«ТЕМНАЯ НОЧЬ» ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В ПОЛЬСКОМ ГОРОДЕ ГДАНЬСКЕ ДИРЕКТОР МУЗЕЯ ВТОРОЙ мировой войны во время «Европейской ночи музеев» выгнал со сцены музыкантов, исполнявших песню «Темная ночь».

Она была написана композитором Никитой Богословским к кинофильму «Два бойца», где ее исполняет Марк Бернес. На сайте музея песня названа «пропагандистским произведением», а исполнившие ее польские музыканты – провокаторами.

«Песня во вздорной манере рассказывает о размышлениях советского солдата, который скучает по оставленной дома женщине, вытирающей слезы у кровати, возможно, их общего ребенка. Хочется спросить, появляется ли эта ностальгия до, после или в перерыве между убийствами, грабежами и насилием, которые массово практиковались «романтичными» советскими солдатами на пути в Берлин через польские территории», – говорится в заявлении, размещенном на сайте музея.

Всякий раз кажется, что то или иное проявление русофобии, особенно в связи с историей Второй мировой войны, – это «дно», ниже которого опуститься уже не удастся. Но всякий раз находятся те, кто «стучит снизу», демонстрируя очередной «рекорд» даже не низости, а какого-то пещерного варварства и скудоумия.

При этом только на мемориальном кладбище в самом Гданьске лежит более 2,5 тысячи советских солдат и офицеров, павших при освобождении города. В боях за освобождение Польши в период с июля 1944 года по март 1945 года потери Красной армии составили: безвозвратные – 477 295 человек, санитарные – 1 636 165 человек, всего – 2 113 460 человек. В боях за освобождение Европы было убито более миллиона бойцов и командиров. Вряд ли в гданьском музее, при такой пози-

ции его директора, отдано должное этим павшим героям. В связи с чем можно вспомнить слова маршала Константина Рокоссовского, чьи войска в том числе освобождали Польшу, в частности Варшаву: «Нельзя научиться любить живых, если не умеешь хранить память о мертвых». Так что вот чего больше всего не хватает таким, как директор гданьского музея (не будем даже называть его по имени), – любви. «А кто не любит, тот не познал Бога». Это уже не Рокоссовский, это – Иоанн Богослов. ■

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественно-го фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Ректор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ИТАР-ТАСС

КАГАНОВ В.Ш.
Помощник заместителя председателя правительства

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Посол по особым поручениям МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

06 Борьба продолжается

ИНТЕРВЬЮ

10 «Я – человек
позитивный»

16 Именем
Пушкина

22 Россия и США:
то друзья, то враги

ИСТОРИЯ

28 В поисках
человека

34 Кто я?

НАСЛЕДИЕ

42 Фосфор в бешеном
блистанье

50 «Счастливая
звездочка»
Петра
Козлова

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

56 Клятва доктора Гааза

МУЗЕИ

62 На Старом
государевом дворе

ТРАДИЦИИ

68 Тавлинский конь

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

76 Долина тысячи зайцев

ПРОГУЛКИ ПО МОСКВЕ

82 Пельмени Ленивки

ФОТОРЕПОРТАЖ

90 Красная горка

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Арина АБРОСИМОВА
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Ирина ИВИНА
Виола ЛЕХНОВИЧ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке:
коллаж Антона БИЗЯЕВА

предоставлен ав. фот.

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

ОСОБЫХ ИЛЛЮЗИЙ У ЗАЩИТНИКОВ РУССКИХ ШКОЛ В ЛАТВИИ НЕ БЫЛО. ВЕДЬ И В 2005 ГОДУ КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД ПОДДЕРЖАЛ ВВЕДЕНИЕ В СТРАНЕ БИЛИНГВАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ, КОТОРАЯ ОСТАВИЛА ШКОЛАМ НАЦМЕНЬШИНСТВ ЛИШЬ 40 ПРОЦЕНТОВ ПРЕДМЕТОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ. ПРАВДА, ТОГДА ВСЕ ЖЕ ДЕЛАЛАСЬ ОГОВОРКА О НЕОБХОДИМОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ МОНИТОРИНГА ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕФОРМЫ. ЭТОГО СДЕЛАНО НЕ БЫЛО. ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ВЛАСТИ ЛАТВИИ В 2018 ГОДУ УТВЕРДИЛИ ПОПРАВКИ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИЕ ФАКТИЧЕСКИ ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОД ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ЛАТЫШСКИЙ ЯЗЫК ОБУЧЕНИЯ. ВЕСНОЙ 2019-ГО ГРУППА ДЕПУТАТОВ ОТ ПАРТИИ «СОГЛАСИЕ» ПОД ДАВЛЕНИЕМ РУССКОЙ ОБЩИНЫ ОБРАТИЛАСЬ С ИСКОМ В КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД.

ВЫСШАЯ СУДЕБНАЯ ИНСТАНЦИЯ Латвии признала законной ликвидацию русскоязычного образования в стране. Это касается государственных школ. Иски по частным школам будут рассмотрены летом.

Поправки к Закону об образовании предусматривают с сентября 2019 года переход к обучению на латышском языке в средней школе, а с 1 сентября 2021-го будет осуществлен полный перевод всех школ на государственный язык. По ста-

тистике, в Латвии проживает около 1 миллиона 900 тысяч жителей, для 37 процентов из них русский является родным языком, хотя он официально считается в стране иностранным. Не вдаваясь в подробности, отметим, что, по мнению судей, нацменьшинства при обучении на латышском языке быстрее должны интегрироваться в общество. Были приняты во внимание аргументы авторов реформы, заверяющих, что обучение всех учащихся на одном языке якобы обеспечит им равные права на получение образования и работу в Латвии и поможет созданию единой нации...

Политики, пытавшиеся оспорить в суде поправки, указали на три статьи Конституции, которые нарушила школьная реформа: о запрете на дискриминацию, о праве на образование и о защите национальных меньшинств. Кроме того, был нарушен латвийский закон о правах ребенка, где говорится, что каждый ребенок имеет право на образование на родном языке. Поправки также противоречат целому ряду международных документов, в том числе рамочной Конвенции о защите нацменьшинств и Европейской конвенции по правам чело-

Рига. Марш солидарности в защиту русских школ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

века. На это Латвии уже указывали и в ООН, и в Совете Европы, и в ОБСЕ. Рамочная конвенция, ратифицированная Латвией в 2005 году, предусматривает право родителей выбирать форму образования для своих детей в соответствии с их философскими и религиозными убеждениями. Например, когда на Северном Кипре, занятом турками, запретили учиться в школе на греческом языке, ЕСПЧ признал это нарушением прав на выбор языка образования. Так же было в Приднестровье, когда детей лишили возможности учиться на молдавском языке в латинской транскрипции. В Албании в 1935 году Международный уголовный суд при Лиге Наций констатировал нарушение прав нацменьшинств, когда их насильно всех заставляли учиться только на албанском языке...

В ИСКЕ – ОТКАЗАТЬ!

Но если международные рекомендации для латвийских судей – не указ, то оставалась надежда, что они прислушаются к мнению профессионалов: педагогов из школ нацменьшинств. В качестве экспертов в суд были приглашены директора трех рижских школ. Все они заявили о неготовности русских школ к языковой реформе. Так, директор Ринужской гимназии Денис Ключин отметил, что, если перевести детей, которым и без того не дается учеба в школе, еще и на неродной язык обучения, они совсем перестанут воспринимать информацию. Как рассказала директор другой гимназии – Светлана Семенко, уже в этом учебном году в качестве эксперимента в одном из седьмых классов они начали преподавать все предметы только на госязыке. Проблемы начались

Решение Конституционного суда многие посчитали крайне несправедливым

практически сразу же: часть детей перестали ходить на уроки, успеваемость остальных резко упала, кроме того, выросла агрессивность учеников. Никаких методик преподавания детям на неродном языке как не было, так и нет. Большая часть учащихся не сможет преодолеть эти сложности, что приведет к потере интереса к учебе и педагогической запущенности. Директор другой школы, доктор педагогики и бакалавр права Наталья Рогалева, отметила, что все эти годы никто не обучал и не готовил русскоязычных учителей вести предметы на латышском языке.

В русских школах Латвии остро не хватает как учителей латышского языка, так и педагогов-предметников, способных вести уроки на латышском языке. А учитывая то, что как раз сейчас в Сейме Латвии рассматривается вопрос об обязательной ежегодной переаттестации всех учителей школ нацменьшинств, школы могут вообще опустеть. В Министерстве образования уже прозвучала идея приглашать в качестве помощников студентов педагогических вузов, что тоже вряд ли положительно отразится на качестве образования. Детям придется тратить на освоение учебного материала на неродном для них языке значительно больше времени. Значит, им надо будет отказаться от занятий спортом, музыкой, изобразительным искусством. Не будет времени ни для чтения книг, ни для обычных детских игр...

Если в начальной школе не объяснять детям материал на родном языке, качество его усвоения наверняка будет страдать. И об этом тоже говорили в суде педагоги. Существует риск потери содержания предмета в старших классах с введением таких предметов, как химия, физика, геометрия, биология, где много сложных научных понятий, которые даже на родном языке не все ученики успешно могут усвоить.

Казалось бы, аргументы профессионалов, а также письменное обращение сообщества родителей к конституционным судьям должны были быть приняты судом во внимание. Но, увы, суд не нашел достаточных оснований требовать особого отношения к детям, чьим родным языком не является государственный...

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Нет выбора – нет свободы

**АССИМИЛИРУЙСЯ
ИЛИ ПОЛУЧИ ПО РУКАМ!**

По мнению депутата Европарламента Мирослава Митрофанова, школьная реформа нацелена на создание условий для насильственной ассимиляции русских в Латвии. «В качестве положительного примера «отец» школьной реформы – экс-министр образования, а ныне депутат Европарламента Шадурскис – ссылался на опыт Эльзаса во Франции, – говорит Митрофанов. – После окончания Второй мировой войны живших здесь немцев заставляли отказываться от родного языка, учиться в школе и говорить только на французском. Мне довелось как-то пообщаться с пожилым таксистом, который как раз учился в 1950-х годах в такой школе. Он рассказывал, как учителя их били металлической линейкой по рукам за каждое немецкое слово. Сейчас потомки немцев во Франции свой язык уже утратили. То же самое хотят сделать и с русскими в Латвии».

Что ж, похоже, все к тому идет. К примеру, в латышских школах русским детям между собой по-русски лучше не говорить – сделают замечание. В этом году не все русские школы в Риге решились праздновать у себя Масленицу. Во многих, еще пока русскоязычных детских садах утренники уже проводят исключительно на государственном языке.

Да, конечно, остается еще надежда на Европейский суд по правам человека, куда непременно последуют обращения от представителей нацменьшинств Латвии. Но, как предупреждают правозащитники, шансы на успех невелики. Во-первых, не исключено, что рассмотрение этого дела может начаться спустя годы. Во-вторых, ЕСПЧ вопросами образования занимается крайне редко.

Посольство России в Латвии выступило с критикой решения Конституционного суда, заявив, что латвийское правосудие на самом высоком уровне оказалось неспособно гарантировать представителям нацменьшинств реализацию их неотъемлемых прав. «Это решение никоим образом не способствует консолидации латвийского обще-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

В марше принял участие известный правозащитник Александр Гапоненко

ства, а лишь создаст дополнительные проблемы для русскоязычных школьников и их родителей, а также учителей. Будем надеяться, что международные структуры в очередной раз все-таки помогут латвийским коллегам сделать «работу над ошибками», – отмечено на сайте посольства.

Раскритиковал решение суда и первый зампред комитета Госдумы РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками Константин Затулин. По его словам, в Латвии осуществляется притеснение всех, кто хоть в какой-то степени занимает отличную от официальной позицию в отношении русского образования. «Вопиющим нарушением прав» назвал решение латвийского суда член комитета Совета Федерации РФ по обороне и безопасности Франц Клинцевич.

Да, после оглушительного решения высшего суда Латвии у многих родителей, учителей, учеников и их бабушек и дедушек настроение упало. В социальных сетях начали активно обсуждать альтернативные варианты – от домашнего обучения до эмиграции. Но наиболее активная часть русской общественности Латвии все же решила продолжить борьбу за будущее своих детей. Партия «Русский союз Латвии» тре-

бует от властей соблюдения всех прав нацменьшинств. В Европарламенте они уже заручились поддержкой 116 депутатов, подписавших обращение к руководству Латвии за сохранение русского образования. РСЛ поддерживают левоцентристская Европейская партия зеленых, часть социалистов и представители венгерских общин, которым близки и понятны проблемы русскоязычного меньшинства.

В прошлом году многие родители учащихся русских школ поддались уговорам политиков из партии «Согласие», призывавших к мирным компромиссам. Лидер «Согласия», мэр Рижской думы Нил Ушаков назвал протестные марши защитников русских школ балаганом, заверяя, что все вопросы надо решать юридическим путем. В качестве утешения Ушаков пообещал ввести в русских школах дополнительные уроки на родном языке для тех, кто не поймет, что говорилось на государственном. Но вот и юридический путь потерпел фиаско, да и самого мэра уже сместили с должности за недостаточный контроль за расходованием средств, так что и обещанные дополнительные бесплатные уроки для русских детей тоже, скорее всего, так и останутся благими предвыборными намерениями...

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

СВОБОДА НЕ ДЛЯ ВСЕХ?

Лидер «Русского союза Латвии» Татьяна Жданок призвала сограждан не сдаваться: «Решение Конституционного суда Латвии о языке образования доказало, что в Латвии нет независимой судебной власти. Наши конституционные судьи поступились своей репутацией для того, чтобы принять решение, подтверждающее стратегическую задумку – полностью уничтожить в Латвии русский дух, русскую культуру. Сделать это планируется посредством образования, через насильственную ассимиляцию наших детей и внуков. Все аргументы, приведенные в сегодняшнем решении Конституционного суда, категорически противоречат общепринятым международным нормам. Судьи заявили, что все международные рекомендации (а они все – отрицательные, критические по отношению к реформе) – это, мол, только рекомендации, а меньшинство должно заботиться о правах и интересах большинства. Мнение самого национального меньшинства не было принято во внимание. Еще раз было доказано, что только четкая позиция, только твердое сопротивление, только демонстрация нашего несогласия с насильственной ассимиляцией, с уничтожением Русского мира в Латвии, русской культуры,

русских традиций, нашей исторической памяти – только это заставит к нам прислушаться».

По призыву РСЛ 1 мая около 5 тысяч жителей Латвии приняли участие в массовом марше солидарности в защиту русского образования. На демонстрацию в Ригу приехали жители из Резекне, Даугавпилса, Елгавы, Екабпилса, Айзкраукле, Саласпилса, Юрмалы... В этом году Рижская дума не разрешила демонстрантам пройти по главной улице латвийской столицы – Бривибас, что в переводе с латышского означает «Свобода», и колонна с красными шарами, плакатами и флагами РСЛ направилась к центру города по параллельным улицам. Народ продемонстрировал властям свое категорическое несогласие с политикой дискриминации и лингвистического геноцида русской общины, веками жившей на этой земле. Люди громко скандировали: «Наши школы – наше право!», «Верить, бороться, не ныть – русским школам быть!» На этот раз к «Русскому союзу Латвии» присоединилась «Родительская шеренга», пусть и не столь многочисленная, как хотелось бы. Но в следующем году, когда дискриминационная школьная реформа ударит по тысячам детей, есть надежда, что очнутся и остальные. Активисты из числа родителей вы-

ступают за принятие специального закона об образовании для школ национальностей. По их мнению, принятие такого закона позволило бы латвийским властям «интеллигентно» выйти из создавшейся ситуации и снизить накал напряженности в стране. В Латвии начался сбор подписей под этой инициативой. «Родительская шеренга» шла под флагами Латвии и с табличками в руках, на которых на латышском языке было написано: «Я – Латвия!», напоминая властям, что русские – такой же народ страны, как и другие ее граждане... На Эспланаде, у памятника латышскому поэту Янису Райнису, который, к слову, высоко ценил и русскую культуру, и русский язык, состоялся митинг. Выступавшие политики Татьяна Жданок, Мирослав Митрофанов, Андрей Мамыкин призвали родителей и единомышленников не сдаваться. Борьба будет продолжена. Об этом говорил и представитель родительского движения Дэйги Караев, вышедший на трибуну с государственным флагом: «Латвия – наша страна, и пока у нас существует свобода волеизъявления, мы будем бороться за свои права, мы хотим дать нашим детям возможность получать образование на родном языке. Мы хотим видеть в своих детях и внуках самих себя и – это тоже наше неотъемлемое право!»

В митинге принимали участие и представители молодежи, недавно вставшие в ряды РСЛ. Юрист Андрей Пагор сказал, обращаясь к протестующим: «Хочу признать – я люблю эту страну. Я вырос, учился и служил в Латвии. На мой взгляд, ликвидация образования на родном языке – это история позора. Уже почти тридцать лет власти не проявляют политической воли, чтобы решить проблему неграждан, и это тоже – история позора. Призывать к сносу памятника борцам с нацизмом – история позора. Ежегодно чествовать в центре Риги 16 марта латышских легионеров Ваффен СС – это история позора! И мы категорически против этого! Мы должны продолжать думать и говорить по-русски – никто не имеет права запрещать нам это!»

Верить, бороться, не ныть...

«Я – ЧЕЛОВЕК ПОЗИТИВНЫЙ»

БЕСЕДОВАЛ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ [ФОТО АВТОРА]

ПЕСНИ ЭТОГО ЛЕГЕНДАРНОГО ТРИО ЗНАЮТ И ПОЮТ НА ВСЕМ ПРОСТРАНСТВЕ БЫВШЕГО СССР ДО СИХ ПОР, ХОТЯ С ТОГО МОМЕНТА, КОГДА СТУДЕНТЫ ИЗ ИВАНОВСКОГО ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ВПЕРВЫЕ ВЫШЛИ НА СЦЕНУ, МИНУЛО БОЛЕЕ СОРОКА ЛЕТ! «ПРЕКРАСНОЕ ДАЛЕКО», «НОСТАЛЬГИЯ», «РОМАНС МОРСКИХ ОФИЦЕРОВ», «ПРЕДЧУВСТВИЕ ЛЮБВИ», «ВОКАЛИЗ», «СОНЕТ О ЯБЛОКЕ», «ВОТ ОПЯТЬ ОКНО» – СПИСОК ХИТОВ ТРИО «МЕРИДИАН» МОЖНО ПРОДОЛЖАТЬ ЕЩЕ ОЧЕНЬ ДОЛГО. ОБ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ КОЛЛЕКТИВА И О ТОМ, КАК СЕГОДНЯ ЖИВЕТ «МЕРИДИАН», ЖУРНАЛУ «РУССКИЙ МИР.RU» РАССКАЗЫВАЕТ СОЛИСТКА АНСАМБЛЯ, ЗАСЛУЖЕННАЯ АРТИСТКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НАДЕЖДА ЛУКАШЕВИЧ.

— **НА** АДЕЖДА, ТРИО «МЕРИДИАН» – это целая эпоха в советской и российской музыке. И прекрасно, что ваш коллектив выступает до сих пор. Потому что репертуар трио – это всегда прекрасные стихи, положенные на прекрасную музыку. Из какой среды вырастают такие люди, как вы и ваши коллеги?

– Из читающей среды, конечно. Строго говоря, я считаю, что у меня несколько профессий. И одна из них – читатель. Я настолько люблю читать, что не мыслю своей жизни без книг. И уверена, это – совершенно нормально.

– На каких книгах вы росли?

– Я из Пятигорска. Это город жизни и гибели Михаила Юрьевича Лермонтова, там все пронизано лермонтовским духом и волшебными лермонтовскими стихами. В детстве у меня было три любимых книги. Конечно, бабушкин толстый старинный том «Сочинения Михаила Юрьевича Лермонтова» – в нем были и стихи, и проза. Я могла открыть его на любой странице и читать снова и снова. Вторая любимая книга – каверинские «Два капитана». А третья – «Сказки братьев Гримм», их, кстати, я тоже читала постоянно, до вполне взрослого возраста.

– Обычно после этого задают вопрос: что дали вам прочитанные книги? А я спрошу о другом. Чего они вам не дали?

– Думаю, главный минус в том, что книги, увы, не готовят тебя к неприятным сюрпризам в реаль-

ной жизни. К примеру, когда в молодости сталкиваешься с плохими людьми, то нередко оказываешься беззащитной, потому что книги, которые ты читала, учили тебя благородству, порядочности, доброте, но не дали тебе иммунитета от противоположных качеств. Ты не знаешь, как с плохими людьми обращаться и что делать.

Потом, когда с годами приходит опыт, понимаешь, что во всех нас намешано и плохое, и хорошее. И жизнь сложнее, чем любой роман. Мы все оступаемся, мы все совершаем ошибки. Но хороший человек, оступившись, раскается и в следующий раз, попав в аналогичную ситуацию, не повторит ошибку. По крайней мере, постарается. А плохой человек снова поступит неправильно. И обязательно найдет себе оправдание.

– Как вас, человека гуманитарного склада, с детства читавшего сказки, стихи и романы, занесло на механический факультет химинститута?

– А кто вам сказал, что у меня – гуманитарный склад? Я в школе, которую, кстати, окончила с серебряной медалью, обожала физику и математику.

– А как же стихи и романы?

– Так ведь одно другому не мешает.

– Но жизнь-то вас все равно вывела обратно на гуманитарную стезю...

– А это уже судьба. Хотя если бы я работала по специальности, то, наверное, уже стала бы академиком.

– Почему-то я в этом не сомневаюсь. А не жалеете? Или у вас дома есть тайная химическая лаборатория, в которой вы возитесь с колбочками... Философский камень не мечтаете найти?

– Боже упаси. Я человек очень практический в этом смысле. Я мечтала принести пользу в таком... промышленном масштабе. Извините за нескромность, я мечтала перевернуть мир – ни больше, ни меньше.

– Вообще-то я думаю, что вы и так перевернули мир многих мальчишек и девчонок, которые слушали трио «Меридиан». А когда вы запели?

– Пела я с детства. Мой муж, с которым мы вместе учились в школе в Пятигорске и который привез меня сюда, в Иваново, знал, как я пою. Его отец, Борис Матвеевич Бруштейн, переехал в Иваново на работу из Пятигорска. Здесь он работал главным режиссером Ивановского театра музкомедии. Мы переехали, я перевелась в местный химико-технологический институт из своего горно-металлургического в Пятигорске. И в какой-то момент муж мне сказал: «Ты должна петь, нельзя зарывать талант в землю». Я и пошла петь в студенческом ансамбле, в институте же самодеятельность была. Потом у нас родился сын, потом я вернулась в институт.

А затем ко мне подошел Владимир Ситанов, который учился в том же институте, только на другом факультете. И предложил: слушай, мы с Колей Сметаниным вдвоем поем, нам бы женский голос добавить. Я сначала не отнеслась к этому серьезно. Ну а потом... Они пришли вдвоем, стали на гитарах песни из репертуара «Битлз» брэнчать, запели... Вот так я и «пропала».

Начали мы репетировать. А тут городской конкурс «Студенческая весна» подоспел, у нас амбиции проснулись. Вот за две недели до «Студенческой весны» мы и собрались. Конечно же, сначала это был ужас. Я, получалось, солистка, а у них – голоса не очень сольные. Хорошие, красивые голоса, но не выдающиеся... В общем, не складывались у нас голоса. А я – человек музыкальный, я слышу, что ансамбль звучит нехорошо. И мне пришлось подстраиваться под них, приглушать свой голос. В итоге что-то получилось.

– И вы стали лауреатами «Студенческой весны» в 1975 году. А после какой песни вы почувствовали себя знаменитыми?

– Знаменитыми мы почувствовали себя сразу же после того, как стали лауреатами. Немедленно. Нас, как лауреатов, стали гонять по всем выступлениям, отправили на Всесоюзный конкурс самодеятельности. Там мы тоже стали лауреатами. Выступали в Кремлевском дворце, в зале Чайковского...

Потом я окончила институт, стала готовиться к кандидатскому минимуму. И продолжала выступать с ребятами. И вот как-то после очередного выступления подходит к нам художественный руководитель ивановской филармонии

Евгений Павлович Иванов и говорит: «Вам нужно петь. Вам нужно уходить с вашей работы. Это будет неправильно, если вы не будете петь профессионально». Говорил он очень убедительно, приводил серьезные доводы. И ему удалось посеять сомнения. Так что мы всерьез стали обсуждать наше будущее. Советовались. У Володи Ситанова и Коли Сметанина вообще не было никаких возражений, оба – неженатые. Это у меня – семья и ребенок. И уже фактически профессия... Я сомневалась.

Но тут в дело вступила тяжелая артиллерия в лице моего свекра и моего мужа, снова началась старая песня: «Нельзя зарывать в землю талант». И уговорили ведь! После этого мой замечательный муж стал «мапой» для нашего сына, потому что наше трио без конца ездило по гастролям и конкурсам. Мы как-то очень быстро стали популярными.

– И неудивительно.

– Спасибо. И, кажется, в 1979 году Евгений Павлович отправил нас за новыми песнями в Союз композиторов, где мы познакомились с талантищами – Алексеем Рыбниковым и Александром Флярковским. Александр Георгиевич дал нам несколько своих песен. И когда он их услышал в нашем исполнении и аранжировках Коли Сметанина, то почему-то удивился. «Это не мои произведения», – говорил он. Но ему очень понравилось.

А потом на одном из пленумов Союза композиторов, который проходил в Ташкенте, мы познакомились с Микаэлом Таривердиевым. Видимо, он тогда что-то важное понял про нас. И мы начали вместе работать...

– *Вы как-то очень грустно об этом говорите.*
– Потому что очень рано человек ушел. Очень рано. До сих пор не могу спокойно об этом думать. Для нас это был Учитель – во всех отношениях. Это был талантливый, умный и очень тонко чувствующий человек. Он прекрасно понимал, что мы можем петь только то, что нам нравится.

– *А кому из вас пришла идея создать цикл на стихи Вознесенского? Это же просто уникальная работа! Нечто потрясающее.*

– Это Микаэл Леонович. Цикл «Я помню этот миг» – это его идея. Понимаете, у трио «Меридиан» и композитора Таривердиева были взаимоотношения очень хорошо чувствующих и ценящих друг друга людей. Мы понимали друг друга с полуслова. Аранжировки делал Коля Сметанин, у Таривердиева к ним не было никаких претензий, ему они очень нравились. Мы были на одной волне, как говорится.

– *И у вас никогда не возникало трений с Таривердиевым?*

– Мы их избегали.

– *Надежда, а по какому принципу «Меридиан» отбирал песни для репертуара? Помимо тех, что были созданы в союзе с Таривердиевым.*

– По очень простому принципу: нравится – не нравится. А Коля говорил: это уже исполнили, и это – тоже. Кстати! На телевидении в то время работала фантастический редактор – Алла Дмитриева. Мы же на телевидении жили тогда, можно сказать. И вот как-то она услышала наш спор по поводу того, исполнять или не исполнять какую-то песню только потому, что ее уже кто-то спел. И говорит: «Вы еще не поняли, что вы – трио «Меридиан»? Вы можете петь все, что угодно».

– *По мне, «Ты меня никогда не забудешь» в вашем исполнении звучит намного лучше, чем на самом спектакле в Ленком. Включая исполнение Караченцова.*

– Вообще-то «Романс морских офицеров» мы исполнили раньше, чем состоялась премьера спектакля.

– *Даже так?*

– Да. Мы столкнулись с Алексеем Рыбниковым на лестнице Союза композиторов. И он дал нам послушать бобину с записанной оперой «Юнона и Авось», которая еще не шла на театральных подмостках. Вот так мы и спели «Романс морских офицеров».

– *У вас есть песни даже на стихи Пушкина, Пастернака, Шекспира... Вообще, по песням из вашего репертуара можно составлять поэтические сборники «Избранное». Как вы отбираете стихи?*

– Да все так же: нравится – не нравится. Мы много читаем. Причем это могут быть совершенно

разные стихи. Вот, к примеру, попалась нам первая книга Игоря Губермана, «Гарики на каждый день». Я прочитала и очаровалась. Подсунула ее Коле Сметанину. И Коля, который написал для «Меридиана» немало песен, нашел в ней гарики, которые положил на музыку. Так родился цикл «Карась в канализации», который тогда, в начале 90-х, звучал весьма злободневно. Когда Губерман услышал этот цикл, он был в восторге.

– *Ну, раз мы заговорили о гариках, то позвольте поинтересоваться, как вы относитесь к общенной лексике?*

– Не приемлю. Вообще. Меня это корбит. И оскорбляет. Я не понимаю, как можно в песнях, книгах, фильмах злоупотреблять матом.

– *И сами никогда не ругаетесь?*

– Не ругаюсь. Никогда. Такое воспитание. Это моя беда. Ой, как иногда хочется выругаться! А произнести эти слова не могу.

– *Не ругающийся матом артист – это сегодня нонсенс...*

– Ну вот, пожалуйста, любуйтесь. Я – нонсенс.

– *Очень приятный нонсенс. Как вы думаете, почему сегодня не появляются, условно говоря, новые «Меридианы», Беседины с Тараненко, «Маренич»? Почему вокруг только рэп и попса?*

– Давайте мы скажем абсолютно четко и честно, что происходит сегодня с нами.

– *Давайте скажем.*

– Когда в 80–90-е мы стали смотреть американские фильмы, мы понимали, что большинство из них внушает простую мысль: люди живут для того, чтобы зарабатывать деньги. Для нас тогда это было что? Да ничего. Ну молодцы, зарабатывают деньги, и пусть зарабатывают дальше. А у нас – были книги, мы стояли в очереди на Тарковского, зачитывались Булгаковым, Ахматовой, Цветаевой. Мы жили по-своему. И деньги не были чем-то основополагающим в жизни. А потом все изменилось. Когда во главу угла поставили деньги, то творчество и люди превратились во вторичные вещи, отошли на второй план. Рынок сегодня диктует все, что происходит в кино, в литературе, в театре. Вот эти бегающие голые задницы на сцене...

– *Вы, кстати, как к этому относитесь?*

– Это ужасно. Я посмотрела совсем недавно спектакль «Барабаны в ночи» в Театре имени Пушкина, поставленный режиссером Юрием Бутусовым. Прекрасный спектакль, потрясающая музыка. И вымазанный черной краской абсолютно голый актер бежит по сцене. Я представила: а если бы он не бежал голышом, спектакль что-нибудь от этого потерял бы? Думаю, ничего бы не потерял. И зачем мне чувство неловкости, разрушающее впечатление от хорошего спектакля? Это мое личное мнение.

– А за российским кино вы следите?

– Нет. Раньше я следила за новинками. Но потом... Понимаете, наше современное российское кино по большей части – это какая-то чернота, сюжет вращается обязательно вокруг чего-нибудь плохого. Как будто вся жизнь наша состоит исключительно из негатива. А я – человек позитивный. Я не могу все время всех ненавидеть, рыдать, злиться, копать в каких-то кучах грязного белья. Я поэтому больше люблю старые фильмы – наши, американские. Но больше всего мне нравится старое итальянское и французское кино.

– Можете назвать любимые старые фильмы?

– Тарковский прежде всего. Любимый его фильм – «Зеркало». «Жертвоприношение» смотреть не могу. Как и «Андрея Рублева».

– Почему же «Рублев» попал в немилость?

– Этот фильм для меня слишком жесток. Жестокое Средневековье... Я два раза его посмотрела, больше пересматривать не буду. Тяжело.

– А, скажем, фильмы Ларисы Шепитько?

– Видела все. Тоже пересматривать не буду. Понимаете, у меня нервы не выдерживают. Я очень чувствующий человек. Но я не спорю: это искусство высочайшего уровня.

– Знаете, не так давно одна моя знакомая, молодая женщина, посмотрела «Восхождение» Шепитько. Вердикт: Сотников – «дурак», фильм – «фигня». Я был в шоке.

– Ключевые слова: «молодая женщина». Я, кажется, понимаю, почему с ее точки зрения Сотников «дурак».

Хотите еще одну печальную историю? Ее рассказал мне отец 14-летнего школьника. Приходит подросток домой и говорит дедушке: нам про Вторую мировую войну задали, расскажи что-нибудь. Дед рассказывает, а внук возьми и ляпни: да что там Победа? Это американцы победили, а мы – не пришей кобыле хвост. Впервые в жизни этот школьник получил по физиономии – отец дал пощечину.

Понимаете, у молодых сейчас совершенно другие реалии. Совершенно другое образование. И даже совершенно другие нервы. Я, например, не понимаю, как можно смотреть вот эти кровавые триллеры и «ужастики». Но ведь сегодня это самые популярные фильмы. Жестокость становится обычным делом. А ведь это не проходит бесследно. Мир изменился. Большинству людей уже не нужны хорошие песни, хорошие фильмы, хорошие книги.

Человечность уходит куда-то. Помните, в советское время было выражение: «Ну, ты не просто серость! Ты еще и воинствующая серость!»

– Чувствую, пошли Стругацкие...

– Да!

– Они вам нравятся?

– Кому не нравятся Стругацкие?! Что вы, в самом деле?

– Честно говоря, я спокойно отношусь к Стругацким. Мне больше нравится Ефремов. А вы следите за современными литературными новинками?

– Ну, я вообще-то немного общаюсь с пишущими людьми...

– Простите! У вас же муж – Ян Бруштейн, поэт!

– Конечно. У него много знакомых из пишущей братии. И он получает много книг. Я читаю то, что меня заинтересовало, или то, что понравилось.

– Вы очень дипломатично ответили. А что еще вам нравится читать?

– Обожаю исторические романы. И старые, и новые. И наши, и зарубежные. А если там еще есть какая-то детективная линия – просто замечательно. Меня вообще история серьезно интересует. Очень люблю книги Пикуля, как бы его сегодня ни ругали. Еще очень нравится читать мемуары. По несколько раз иногда перечитываю, как, например, Одоевцеву. Мне это необыкновенно интересно.

– Давайте вернемся к вашему творчеству. Когда трио «Меридиан» начало выступать, вы попали в орбиту бардов?

– Ой, некоторых из них я обожаю! Но мы как-то не влились в их круги... Помню, был какой-то конкурс самодеятельной песни – кажется, в Саратове. Нас пригласили туда в качестве гостей. Мы вышли, спели. А на фестивале был Булат Окуджава. И вот он сказал: «Да. Красиво поете. Красиво одеты». А я спрашиваю: «А это что – грех?» Он промолчал. То есть он считал, что чем поганее гитара... И так далее... Так было до того момента, как барды стали зарабатывать большие деньги. Так что сейчас все изменилось.

– Надежда, а сейчас трио «Меридиан» исполняет новые песни?

– С новыми песнями вообще трагедия. Это беда всех легендарных коллективов. Последняя новая песня у нас появилась в 2008 году – про Плещ. И то написал ее Коля. А вообще-то последняя песня, созданная в коллективе, была написана и впервые исполнена в 1998 году. Но репертуар пополнялся постоянно – романсами, песнями кино, бардовской классикой...

– Почему же вы в концертах больше работаете на старом материале?

– А вы послушайте, что сейчас происходит. Я же говорю, что это – беда всех легендарных коллективов. Ты приезжаешь, начинаешь петь что-то новое. А это никому не нужно. Тебе кричат из зала: пой старое! Тебе говорят: мы пришли послушать

то самое – любимое. Давай «Прекрасное далеко»! Понимаете, спорить бесполезно. Ты выдаешь что-то для себя новое, например вот у Коли Сметанина есть дивный цикл на стихи Ахматовой, Пастернака, Мандельштама – это цикл «Поэзия Серебряного века». Мы эту программу исполняем даже со струнным квартетом. Ну, вот послушали ее два раза в школах – и все. Никому больше это не нужно. Я же говорю – трагедия.

– **Как вы думаете – почему?**

– Тяжелый вопрос... Я не раз бывала в школах и детских студиях. Насмотрелась всякого. Понимаете, сейчас разрушена система «учитель – ученик». Очень трудно найти ребенка, который готов что-то действительно воспринять от учителя. Нет у современных детей уважения к учителям. Да и откуда оно возьмется? Приходит мамаша и руки в боки: «Чо вы говорите ему непонятными словами?» А дома ребенку внушает: «Тебе все должны. Что ты ее слушаешь? Да пошла она». Вот и весь разговор. Ведь учитель сегодня поставлен в какие-то странные условия. Он сейчас не имеет права «психологически травмировать» ребенка. Этот политес иногда переходит все разумные границы, по-моему. А ведь должна существовать нравственная основа общения ученика и учителя.

– **Что вы имеете в виду под нравственной основой общения?**

– Знаете, я вот недавно разговаривала с одной юной особой. Человек учится, зная, что ей ничего не надо. Как вы понимаете, и отношение к учебе и учителям соответствующее. Да и не

только к учителям. Я ей объясняю: человек – всегда эгоист. Что такое воспитание? Это процесс, в результате которого человек из эгоиста должен превратиться в человека, который живет в обществе и уважает окружающих. И вот эта юная особа оскорбляет учителя. Я ей говорю: «Ты оскорбила учителя». – «А что я ему такого сказала?» – «Ты оскорбила человека. Ты об этом подумала?» – «А зачем?»

Проблема в том, что у молодого поколения совершенно нет понимания того, что ты причиняешь боль другому человеку. А ведь каждый человек с детства должен понимать, что у него есть не только права, но и обязанности: перед семьей, перед близкими, перед обществом. У каждого человека есть долг. Но это сейчас немногие осознают. Большинство живет как в пампасах: тебе все позволено и ты никому ничего не должен. Я считаю, что это неприемлемо.

– **Вы, случаем, не мизантроп?**

– Нет, абсолютно нет. Я просто не люблю эгоизм. И я уверена, мир спасут любовь и сочувствие, а они как-то не монтируются с эгоизмом, который часто порождает злобу, зависть и ненависть. Их сейчас столько, что иногда просто не знаешь, куда деться от этой негативной энергии. Вот я всегда думала: чем движется мир? Что такое для человека любовь? Всегда ли мир движим любовью? Ведь иногда человек из зависти или ненависти может совершить великие дела, горы свернуть. Другое дело, каков в итоге будет результат, понимаете? Каждый сам выбирает движущую силу. ■

ИМЕНЕМ ПУШКИНА

БЕСЕДОВАЛА

АРИНА АБРОСИМОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ОБ АЛЕКСАНДРЕ СЕРГЕЕВИЧЕ ПУШКИНЕ ОКСАНА БОГО ГОВОРИТ КАК О РОДНОМ ЧЕЛОВЕКЕ. ВЕРНЕЕ, О ПУШКИНЫХ. ИСТОРИЯ ОБРЕТЕНИЯ СВОИХ КОРНЕЙ И РОДОВОЙ ПАМЯТИ, ЧУТЬ БЫЛО НЕ УТРАЧЕННОЙ В ЭМИГРАНТСКИХ ЗАБОТАХ, И ПРЕКРАСНАЯ ИСТОРИЯ ЛЮБВИ – ОБ ЭТОМ МЫ ГОВОРим С ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТОМ МЕЖДУНАРОДНОГО ФОНДА А.С. ПУШКИНА В БЕЛЬГИИ. ОЧЕРЕДНОЙ ЮБИЛЕЙ – 220-ЛЕТИЕ ВЕЛИКОГО ПОЭТА – СПРАВЛЯЮТ ЕГО ПРАПРАВНУКИ МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА И АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ...

— **О** КСАНА, КАК ВЫ ОКАЗАЛИСЬ в Бельгии?

— Я родилась в Калужской области, в маленьком поселке Думиничи. С моим будущим супругом познакомилась в Киеве, он – итальянец и работал в делегации Евросоюза. Три года прожили мы в Киеве, потом переехали в Македонию – на четыре года, на следующую дипломатическую миссию, а потом – в Брюссель, где располагается штаб-квартира Евросоюза. У нас четверо сыновей. Они даже не билингвы, а полиглоты: знают русский, итальянский, английский, французский.

— Но сохранение родного языка в подобных обстоятельствах – не общее явление, да?

— К сожалению! Считаю большой ошибкой ограничивать в билингвальных семьях общение детей на языке одного из родителей. Кстати, в Брюсселе родители по своей инициативе организовали субботнюю школу, где я преподавала русский язык в течение двух лет. И в основном у меня учились дети иностранцев. И даже их мамы. Я их спрашивала: откуда этот интерес к русскому языку, может быть, для вас это просто что-то экзотическое? Но они понимают, что это ведет к каким-то большим перспективам. Ведь все чаще и чаще я вижу в людях интерес к России: что это за могучая загадочная страна? В СМИ они читают и видят одно, а когда развивается совместный бизнес или они начинают путешествовать, чтобы лично посмотреть, что и как происходит в России, то появляется интерес!

— Велика ли в Бельгии русская диаспора?

— 25 тысяч человек. Три волны эмиграции. Первая – после революции, потом – после Второй мировой войны кто-то остался, затем – 1990-е. Очень разная эмиграция и очень интересная – живут как общины. Но сейчас, мне кажется, они

стали больше друг с другом объединяться, взаимодействовать. И очень много в этом направлении делает российское посольство. Кроме того, в Брюсселе и других городах Бельгии работают и русские школы, и русские театры, есть много ассоциаций. Есть, к примеру, Бельгийская федерация русскоязычных организаций (БФРО), в этом году ей исполнилось десять лет. Ежегодно БФРО проводит культурный фестиваль «Рандеву с Россией», где выступают музыкальные коллективы, проходит ярмарка, готовят блюда русской кухни и стран СНГ.

— А как вы познакомились с потомками Пушкина?

— В Бельгии есть ассоциация «Ренессанс», помогающая детям из России и СНГ, которые нуждаются в операциях по пересадке печени. Марина Кулагина, директор школы, в которой я работала, предложила мне помочь этой ассоциации. Я занялась организацией благотворительных вечеров в помощь детям. В одном из них приняли участие Пушкины. Мария Александровна даже выиграла пару призов. И вот заканчивается вечер, подходят они вдвоем ко мне и говорят: «Оксана, мы рады знакомству с вами. Все великолепно, нам понравилось! Вы бы могли помочь в организации нашего благотворительного гала-вечера?» Они проводят его ежегодно в ноябре. Конечно, я согласилась! И главное – мы с Пушкиными общаемся по-русски! На встречу я пришла уже с четкой программой вечера – так все и началось. Это было в 2014 году.

— И вы сейчас официальный представитель фонда.

— Президент фонда – Мария Александровна Пушкина. У нас два вице-президента – Александр Александрович Пушкин и я. В этом году мы отмечаем двойной юбилей – 20 лет фонду и 220 лет

со дня рождения Александра Сергеевича. Это самая главная дата, естественно!

Пушкины живут в Брюсселе в небольшой квартирке, но это – эпоха... Фотографии, мебель, старинные потрясающие часы, которые работают уже триста лет. До сих пор бьют! Заходишь к ним в квартиру – и вот это «бам-м», – и Мария Александровна начинает накрывать на стол: салфеточки, серебро столовое, для сахара специальные щипчики. Садись пить чай – и три часа пролетают как одна секунда! Спускаюсь от них, открываю дверь на улицу, и как удар – машины, все гудит... Перемещение во времени. А есть мир, где все размеренно, тишина, картины, семейные фотографии, где почитается все, что досталось от бабушек. И знаете, это удивительное ощущение: ты как будто всю жизнь знаешь этого человека. У меня так с Марией Александровной все сложилось.

Я предложила план, объяснила, что надо ехать в Москву и взаимодействовать с местными структурами. Она выслушала и сказала: «Ну что ж, давайте поедem в Москву, на следующей неделе. Ну, что я могу сделать? Мы можем с Владимиром Толстым встретиться – с советником президента по культуре, я вас познакомлю со всеми, с кем я знакома. Сейчас я ему позвоню». Берет телефон, набирает, говорит: «Вот мы планируем приехать...»

– *Потомки великих писателей общаются...*

– Да! И это замечательно! Кстати, когда отмечали двухсотлетний юбилей Александра Сергеевича, собрался первый и последний съезд Пушкиных. Конечно, 220 лет – это серьезная дата, надо бы второй съезд созвать. Но у нас в фонде работают всего шесть человек, включая меня. Двое живут в России, четверо – в Бельгии. Естественно, мы все работаем на волонтерской основе. Пушкины – учредители, а также авторы всех инициатив – это их фонд.

– *В России имя Пушкина – это огромный «золотой ключик», который открывает, наверное, все двери. А на Западе?*

– В России – однозначно. В Брюсселе мы ежегодно отмечаем Пушкинский день. Мы являемся инициаторами этой традиции. Сейчас во многих школах проводятся Пушкинские дни, конкурсы рисунков по сказкам Пушкина. У нас открыто уже несколько русскоязычных школ, не только в Брюсселе, но и по всей Бельгии. Мария Александровна посещает все столичные мероприятия, связанные с именем Пушкина.

Пушкинский праздник – это не только чтение стихов и прозаических отрывков из его произведений, но и спектакли. На открытом воздухе, возле памятника Пушкину, на площади с одноименным названием – плас Пушкин, мы проводим Пушкинские чтения. Читаем Пушкина на разных языках. На первых порах это были фламандский, французский и русский, а в прошлом году у нас расширился языковой диапазон: при-

бавились итальянский и английский. И в этом году будем вновь читать Пушкина на пяти языках. Конечно, будет и возложение цветов у памятника поэту в Брюсселе. Знаете, этот памятник поставили в 1999 году, а уже в новом веке появилась вдруг идея проложить через эту площадь трамвайные пути. И вот тогда встал вопрос о сносе памятника либо переносе его в другое место. Международный фонд А.С. Пушкина встал на его защиту. Как раз в это время шла предвыборная кампания, и одна из депутатов помогла сохранить нам памятник на его месте.

Мы проводим Пушкинский день по субботам – обычно это первая суббота июня. В этом году наш праздник пройдет 8 июня. Это уже традиция, которой семь лет.

– *Насколько хорошо Пушкины владеют русским языком? Ведь они оба родились в эмиграции...*

– Достаточно хорошо. Мария Александровна вышла на пенсию и решила учить русский язык на курсах.

– *То есть она работала всю жизнь?*

– Да, они оба работали. Александр Александрович – инженер-электронщик, Мария Александровна –

бухгалтер. Они выросли на Пушкине, на его сказках, в семье о нем рассказывали, но у них даже не было представления о масштабе этой фигуры – кто такой Пушкин вообще в России! Ни их бабушка в свое время, никто из их рода не приезжал в СССР. Первые Пушкины, которые приехали уже в современную Россию, это наши бельгийские Пушкины! Они были приглашены Пушкинским музеем в преддверии юбилейных торжеств. А на юбилей в 1999 году собрались 200 Пушкиных! И они были просто шокированы тем, что в России Пушкин – везде. Памятники, музеи...

– Улицы, площади, станция метро, театры...

– Они вернулись в Бельгию с совершенно другим представлением о своем предке. И тут им официально предложили: а не хотели бы вы стать гражданами России? Конечно, они захотели! И первый паспорт им выдал лично президент Путин. После этого и родилась идея создать Фонд Пушкина.

– А вне России происходит общение потомков?

– Самые активные связи были с Англией – там своя Пушкинская ассоциация. В Европе, в Петербурге, в Москве, в Америке есть несколько пуш-

кинских организаций. Инициаторами прежних общих встреч потомков были музеи, а потом, после встреч, все разъезжаются по миру, каждый занят своей жизнью...

Мы не можем всех собрать в одно общество, но если бы все потомки Пушкина вместе отмечали бы ежегодно день рождения Александра Сергеевича – это было бы прекрасно. Эта тема нескончаемая, необъятная.

В Бельгии мы все-таки что-то делаем, приезжаем в Россию, но на самом деле, мне кажется, все должно выглядеть как-то масштабнее. Мне кажется, нужен Пушкинский дом.

– Сотрудничает ли Фонд Пушкина с музеями?

– Конечно. Это просто необходимо. Мария Александровна и Александр Александрович получали приглашения и посещали музеи, преподнесли им в дар ряд артефактов – например, Музею-квартире Пушкина в Санкт-Петербурге, московскому Музею Пушкина на Пречистенке. Они побывали также в Михайловском и Болдине...

И еще есть один маленький музей, он замечателен тем, что там похоронены предки Пушкиных. Это музей-усадьба «Лопасня-Зачатьевское», недалеко от города Чехова. Там есть кладбище,

где захоронены их предки. Александр Александрович и Мария Александровна были и в этом музее, отдельным стендом оформили свои дары.

– Конечно, эмигрантская жизнь полна трудностей, и, наверное, не было возможностей у родителей Александра и Марии прославлять за рубежом имя их великого прадедушки – надо было выживать... Но когда в их семье началось это возвращение утраченных связей с Россией?

– Очень серьезно этим занимался дедушка Александра – Николай Александрович Пушкин. Он внук поэта. Первое и главное, что он хотел, – это сохранить определенный костяк русского дворянства. И он писал гербы. У нас потрясающая коллекция этих гербов, мы их показываем на различных выставках. И сам он часто выступал на мероприятиях, связанных с памятью своего великого деда. Например, на 100-летие со дня смерти Александра Сергеевича Пушкина его пригласил в Париж Сергей Лифарь – есть уникальные фотографии с этого празднования! У Александра Александровича есть доклад, с которым его дедушка тогда выступал. В Бельгии Николай Александрович очень серьезно занимался наследием Александра Сергеевича Пуш-

кина, написал книгу о русском дворянстве. Он вообще очень трепетно относился к сохранению всего, что связано с Россией. И Александр Александрович от дедушки воспринимал историю своей семьи – вот эта ниточка. Кстати, их семья дружила с Набоковыми.

– И Набоков сделал замечательный разбор «Евгения Онегина». Оксана, а можно личный вопрос: вот как они, будучи троюродными братом и сестрой, поженились? Как это случилось?

– Они обожают эту историю рассказывать! Семья Александра Александровича после революции эмигрировала в Бельгию, а семья Марии Александровны – в Париж, во Францию. И была у них дальняя тетушка, она имела свой дом на Лазурном Берегу. Иногда она приглашала их семью в гости. И вот на лето приезжают туда семьи Александра и Марии, встречаются, чтобы пообщаться, чтобы узнать – кто куда уехал, как устроился в эмиграции. Марии тогда было 6 лет, Александру – 7. Есть потрясающая черно-белая фотография: все взрослые стоят, Александр сидит, а Мария села к нему на колени, крепко обняла троюродного брата за шею и мило так улыбается...

Проходят годы. Десять лет Мария и Александр не видятся, но переписываются. Спустя десять лет их семьи снова получают приглашения, приезжают. Марии уже 16, Александру – 17 лет. Все – любовь! С тех пор они бы и не расставались. Но у Александра Александровича был очень строгий отец. Он сказал, что, пока сын не отслужит в армии и не получит образования, никакой свадьбы не будет. Они, конечно, встречались. Александр Александрович служил в армии, Мария Александровна ездила к нему постоянно на выходные. И вот когда ему исполнилось 25 лет, отец жениха разрешил сыграть свадьбу. И они поженились. Свои романтические чувства они пронесли через всю жизнь. Как они между собой общаются! Всегда держатся за ручки, какие-то прикосновения, все очень трогательно, «Сашенька», «Машенька»... Взаимная забота – потрясающая! Это такая большая редкость. Они говорят: «Мы – общее целое, нет Саши, нет Маши, мы растворены друг в друге».

– В России имя Пушкина генерирует массу проектов! Но и в Европе он известен, хотя, конечно, это не тот уровень почитания.

– Да! И Пушкины не ожидали таких масштабов! После первого же визита в Россию они поняли,

что в Бельгии они сами будут популяризировать имя своего великого предка, развивать это как собственное дело. Все-таки они уже вышли на пенсию, появилось и время, и огромное желание сохранять память о Пушкине.

Начали они с того, что стали постоянно раз в год возить группы своих друзей, а потом и друзей созданного ими фонда по всей России. Обычно это группа числом 15 человек. Увлекательнейшие путешествия они совершили. Например, объехали всю Россию, включая Транссиб! По пушкинским местам был один тур, а в прошлом году они были на Соловках. Из Москвы в Санкт-Петербург плыли, а потом еще на Соловки. Тогда в числе участников группы был даже мужчина в инвалидной коляске. А ведь это было непростое путешествие. Но все были в восторге! Сначала в туры ездили самые разные люди, потом сформировалась активная и восторженная группа поклонников – настоящий фан-клуб: приезжают, потом показывают фотографии своим друзьям, другие люди начинают заражаться: «Ой, и нам интересно, мы тоже хотим поехать в Россию!»

Вообще, в Бельгии образованные люди Пушкина чтут и знают – его произведения переводились на французский язык. И я стараюсь идти как раз в этом направлении. Здесь в книжном магазине я приобрела сказки Пушкина на итальянском, английском и французском языках. У моего младшего сына было школьное задание: презентовать одну из стран своих родителей. И он решил рассказать о России! Мы сделали презентацию на французском языке по книге «Сказки Пушкина», моя знакомая испекла пряники по этим сказкам – это было потрясающе! И таким образом, через детей, мы доносим информацию о России и о великом русском поэте до бельгийских школьников. А дети потом с этими впечатлениями приходят в свои семьи и рассказывают об этом.

А несколько лет назад в Петербурге, в Музее Пушкина на Мойке и в «Литературном кафе», наш фонд устроил показ драматических спектаклей по произведениям Пушкина, поставленных в Бельгии.

К большому сожалению, в этом году наш фонд проведет памятные мероприятия только в Брюсселе. Связано это с состоянием здоровья Марии Александровны и Александра Александровича, именно поэтому мы решили отменить все планы, которые были задуманы в России. Сейчас, увы, им очень тяжело передвигаться на дальние расстояния, а собрать и провести мероприятие без их личного присутствия, найти спонсоров – очень сложно. Но, как и прежде, мы проведем Международные Пушкинские чтения. Главное торжество пройдет в Российском центре науки и культуры в Брюсселе. А 22 ноября 2019 года мы проведем очередной благотворительный гала-вечер, и, как всегда, средства, собранные нами, пойдут на помощь больным детям. ■

РОССИЯ И США: ТО ДРУЗЬЯ, ТО ВРАГИ

БЕСЕДОВАЛ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ДЛЯ МОЕГО ПОКОЛЕНИЯ, РОДИВШЕГОСЯ В 1960-Е, ОТНОШЕНИЯ СССР, А ПОТОМ РОССИИ С СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ АМЕРИКИ ВСЕГДА БЫЛИ НАПРЯЖЕННЫМИ. НО, СКАЖЕМ, МОЙ ОТЕЦ ХРАНИЛ ПОДБОРКУ ГАЗЕТ «БРИТАНСКИЙ СОЮЗНИК», В КОТОРЫХ РАССКАЗЫВАЛОСЬ СОВСЕМ О ДРУГИХ ОТНОШЕНИЯХ СССР С ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ И США В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ХОЛОДНАЯ ВОЙНА БЫСТРО СТЕРЛА ИЗ ПАМЯТИ ТЕ ОТНОШЕНИЯ БОЕВОГО БРАТСТВА, КОТОРЫМИ БЫЛА ОКРАШЕНА ВСТРЕЧА СОВЕТСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ СОЛДАТ НА ЭЛЬБЕ ВЕСНОЙ 1945-ГО.

Н О ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И США насчитывают два с половиной столетия. Как же в действительности они развивались? Какие взлеты и падения переживали? На эти вопросы «Русскому миру.ru» отвечает руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН доктор исторических наук, профессор Владимир Согрин.

– Владимир Викторович, готовясь к интервью, я с удивлением узнал, что первыми наладили контакт России с будущими США не политики, а ученые. Я имею в виду переписку русских академиков Франца Эпинуса и Леонарда Эйлера с Бенджаминем Франклином, который впоследствии стал первым американцем в Российской академии наук...

– Да, это верно. Бенджамин Франклин, один из отцов американской революции и демократии, был еще и знаменитым ученым, прославившимся опытами по улавливанию атмосферного электричества. Он в результате изобрел громоотвод. Его «Филадельфийские опыты» стали известны в России в середине XVIII века. У нас тем же занимались Михаил Ломоносов и Георг Рихман. Позднее княгиня Екатерина Дашкова, фаворитка Екатерины II и одна из центральных фигур российского просвещения – она была директором Петербургской академии наук, – действительно пригласила Бенджамина Франклина стать российским академиком, и он дал свое согласие. В свою очередь, Дашкова была избрана членом Американского философского общества, которое основал Франклин. Это случилось в 1789 году, когда бывшие

английские колонии в Америке уже выиграли Войну за независимость 1775–1783 годов и отложились от британской короны...

– Великобритания со времен Ивана Грозного была главным торговым партнером России на протяжении полутора веков. Как же могло случиться, что в Войне за независимость Россия поддержала не английскую монархию, а восставшие колонии?

– Это непростой вопрос. Для восставших колоний в Америке Англия была врагом номер один – тут все понятно. Для России все было сложнее. Действительно, Англия была главным российским торговым партнером. Но это было неравное партнерство. Кроме того, Англия была озабочена успехами Российской империи в Европе и на юге – в русско-турецких войнах – и в этом смысле противодействовала развитию России. Екатерина II понимала эту двойственность отношения Великобритании к России, и, когда английские колонии в Америке восстали, а британский король Георг III стал просить у российской императрицы 20-тысячный корпус солдат для усмирения бунтовщиков, она ответила вежливым отказом и заявила, что в этом конфликте придерживается строгого нейтралитета. Это был смелый шаг. Англия в конце XVIII столетия была самой сильной державой мира, и дерзить ей никто бы не осмелился. Есть такой закон неравномерности исторического развития. Скажем, в XVI веке самой могущественной мировой державой была Испания; в XVII веке – Франция. В XVIII веке соперничество Франции и Англии привело к тому, что Франция потеряла все свои владения в Кана-

де и Индии. Естественно, французы мечтали о реванше. Они первыми признали независимость США и даже послали к берегам Америки свой флот, чтобы не позволить Великобритании блокировать американские порты. Англия в ответ отозвала посла из Франции. Запахло войной. Но, в отличие от Франции, пойти на открытую конфронтацию с Англией Россия не могла, она могла лишь дать щелчок по носу английскому королю, что императрица Екатерина и сделала.

– Образование в Новом Свете американской президентской республики со своей конституцией должно было вызвать реакцию русских вольнодумцев...

– Александр Радищев, которого Екатерина II считала «бунтовщиком хуже Пугачева», под влиянием американских событий написал оду «Вольность». А впоследствии декабристы, разрабатывая проекты своих конституций, сплошь и рядом обращались к конституции Соединенных Штатов. Гораздо менее известны подвиги российского просветителя и литератора Федора Каржавина, который побывал в Америке в годы Войны за независимость, видел армию Джорджа Вашингтона и даже снарядил на французской Мартинике три корабля с добровольцами в помощь повстанцам. Позднее он был переводчиком в Конгрессе США, где, видимо, вел тайную агентурную работу против англичан в пользу России...

В 1781 году американцы прислали в Россию первого посланника, Фрэнсиса Дейну, с просьбой добиться аудиенции у Екатерины II. Та, однако, во встрече отказала, и Дейна имел продолжительную беседу лишь с вице-канцлером империи графом

Иваном Остерманом, после чего покинул Санкт-Петербург. Для России Соединенные Штаты были тогда на обочине политических интересов – гораздо важнее были отношения с Османской Турцией, Пруссией, Австрией, той же Англией. Но, принимая американского посланника, граф Остерман прощупывал возможности для расширения российской торговли с Америкой, которая во всю ширь развернулась уже в XIX веке, после того как Россия официально признала США.

– Когда, кстати, это произошло?

– В 1809 году при императоре Александре I в Санкт-Петербург прибыл американский посол Джон Куинси Адамс. В ответ Россия открыла в США аж три дипломатических представительства: посольство в Вашингтоне, консульства в Филадельфии и Бостоне. Александр I принял американского посла очень любезно. Речь, опять же, шла о расширении торговли и осуждении морской политики Англии.

Торговля быстро набирала обороты: из Америки в Россию пошли хлопок, сахар, кофе. Из России в Америку – пенька, парусина, меха. Денежные объемы этой торговли я вам сейчас по памяти не берусь назвать, но они были впечатляющи. Достаточно сказать, что в 1823 году американцы уже привозили в Россию три четверти необходимого стране сахара. Они везли товары не только из США и Латинской Америки, но и из Индии. Их торговый флот был многочисленнее английского, голландского и французского, вместе взятых. Все это в конце концов привело к тому, что в 1832 году правительство США и правительство

Николая I заключили договор о торговле и взаимопомощи... Правительство Николая I ведь тоже своеобразную пассивную модернизацию проводило. И та же Николаевская железная дорога, которая в 1851 году соединила Москву и Санкт-Петербург, была построена американскими инженерами по своим технологиям...

– *А этому всему не мешало существование Русской Америки? Само ее существование американцев тогда не бесило?*

– До 1803 года, когда Наполеон продал американцам Луизиану, французские владения в Америке – 13 тогдашних Соединенных Штатов – занимали сравнительно небольшую полосу вдоль побережья Атлантики. Эта полоса с Русской Америкой – полоской берега Тихого океана – никак не соприкасалась. И никаких недоразумений не было. И не могло быть. С присоединением французской Луизианы – а это огромная территория на правом берегу Миссисипи – размеры Соединенных Штатов увеличились вдвое. Но нужно было еще несколько десятилетий войн – с индейцами, с Мексикой за прерии, за Калифорнию и Техас, – прежде чем США достигли Тихого океана, и Русская Америка замыкала для них даже не как проблема, а как реальность, с которой нужно как-то считаться... Но мы в этом вопросе забегаем вперед. И если вы меня спрашиваете об отношениях России и Америки в XIX веке, то я должен сказать: они были хороши-

ми. Обе стороны не забывали, что подписали договор не только о торговле, но и о взаимопомощи. Америка поддержала Россию в Крымской войне. По крайней мере, снабжала оружием и продовольствием Русскую Америку, совершенно беззащитную перед любым вторжением. Торговлю с Россией США сохраняли в полном объеме. А после войны, уже в царствование Александра II, для модернизации флота были призваны именно американские военные инженеры, а не английские, как раньше.

– *А Россия поддерживала Америку?*

– После разгрома в Крымской войне Россия вступила на путь реформ, в числе которых была и военная. Но свой статус самой сильной державы Европы она потеряла. Тем не менее, когда в США разразилась Гражданская война промышленного Севера с рабовладельческим Югом, Россия вновь объявила о своем нейтралитете. Причем в самый разгар Гражданской войны к берегам Америки правительством Александра II были отправлены две эскадры – одна в Нью-Йорк, другая в Сан-Франциско. Их присутствие на рейдах этих городов было в общем-то символическим, но и символы порой многое значат в истории. Во всяком случае, ни Англия, ни Франция, поддерживающие Юг, ни на какие враждебные действия против сражающихся штатов не решились. Россия вместе с Америкой в тот период удерживала

баланс сил против Англии и Франции. Ослабление Штатов наверняка привело бы к усилению Англии. Поэтому Россия выступала сторонником скорейшего примирения воюющих сторон.

В 1866 году эскадра американских военных кораблей под командованием заместителя морского министра США Густава Фокса пришла с ответным дружественным визитом в Кронштадт. Причем командующий эскадрой поздравил царя Александра II со счастливой неудачей покушения на него террориста Дмитрия Каракозова...

– *Поздравления поздравлениями, а Алясочку-то в 1867 году пришлось продать...*

– Это долгая и запутанная история. Когда в середине XIX века США обрели приблизительно свои сегодняшние очертания, они вышли наконец к Тихому океану и здесь столкнулись с русскими владениями на Аляске. Сразу должен сказать, что российская колония в Америке была основана в XVIII веке и за столетие мало изменилась. В ней по-прежнему было 400–500 человек, по населению она не росла. По доходам тоже: главное, что поставляли колонисты, это пушнина. Но времена изменились, и пушнина перестала быть таким уж ходовым товаром. Снабжать колонию из метрополии было необыкновенно тяжело – на Дальнем Востоке Россия была еще очень слаба... Сторонники продажи Аляски Соединенным Штатам были как в самих США, так и в России. В США самым настойчивым был госсекретарь Уильям Сьюард, сторонник широкого присутствия США в Тихом океане. В России состоялось секретное совещание, на котором за продажу Аляски выступили Александр II, великий князь Константин Николаевич и посол России в США Эдуард Стёкль. В России к этому времени созрела своя доктрина «евразийской империи». В 1867 году начались русские походы в Среднюю Азию – на Коканд, Самарканд и Бухару... В эти представления Российско-американская компания просто не вписывалась. Она была убыточна. Кто ж знал, что на Аляске столько золота?! Американцы потом его нашли. А наши охотники и скупщики пушнины за сто лет так и не удосужились как следует копнуть... Короче, имущество Российско-американской компании было оценено в 7,2 миллиона золотых долларов, дело казалось почти решенным, как вдруг все уперлось в нежелание американских сенаторов подписывать этот договор. «Зачем нам этот холодильник?» – спрашивали они. Кончилось тем, что Стёкль начал лоббировать продажу Аляски и даже сунул взятки некоторым конгрессменам, чтобы проект был одобрен.

– *Но, говорят, царское правительство так и не получило этих денег?*

– Деньги оно получило. 7,2 миллиона – только не золотых, а обычных долларов, что фактически было на 2 миллиона меньше. И довольно толково использовало эти деньги на развитие железных дорог в России...

– *Значит, янки нас все-таки надули?*

– Тогда российско-американская дружба была в апофеозе, и такой «мелочи» никто не заметил. Если сейчас прочитать описание визита русской эскадры в Нью-Йорк в 1871 году, то для нас это будет звучать очень непривычно. Вот что писала тогда американская пресса: «Никто до сих пор не видывал такого единодушного выражения симпатий к кому бы то ни было... Пусть весь мир, смотрящий на нас и удивляющийся нам, подумает, что означали все эти залпы из орудий наших и русских военных кораблей у входа в нью-йоркский порт. Эта демонстрация на главной улице нашего города при встрече офицеров двух морских наций. Это огромное количество флагов двух стран на рейде и зданиях города. Эти восторженные крики приветствий из уст десятков тысяч американцев... Не выражается ли всем этим наша благодарность России за то, что она была нашим самым верным другом во время недавней междоусобной борьбы?»

Командующий эскадрой Константин Посьет докладывал правительству, что в Америке их встречали «овациями, которые нельзя не назвать восторженными...».

– *Что же послужило охлаждению отношений?*

– Упрощенно дело можно представить так: в 1881 году народовольцы убили Александра II. Его преемник, император Александр III, по сравнению с отцом был не то что консерватор, а реакционер. В России началась подлинная охота за революционерами, последовало несколько процессов, много народу было сослано в Сибирь. Как специально, в это время на Дальнем Востоке находился американский инженер Кеннан, участвовавший в прокладке телеграфного кабеля между Россией и США по дну Тихого океана. И вот в 1887 году в журнале Century он начинает публиковать, а потом издает отдельной книгой очерки «Сибирь и ссылка». Он пишет, что Россия – это запуганная страна, все лучшие люди которой сидят в Сибири, и вообще Россия – это тюрьма, протянувшаяся на полконтинента. Не знаю, как отреагировали тогда американцы на эти статьи. Симпатии не рождаются и не исчезают вдруг. Но, конечно, в годы холодной войны между СССР и США книга Кеннана пришлась американцам как нельзя более кстати...

Отношения России и США еще долгое время оставались дружескими. В 1891 году в России случился голод. Американцы собрали «для своих голодающих братьев в страну, всегда являющуюся другом Америки» четыре парохода с продовольствием и медикаментами на сумму в миллион долларов. Со своей стороны Россия, когда из-за экономического кризиса 1893 года в Штатах рухнула чуть не вся банковская система, собрала для США заем в 60 миллионов долларов... Такие примеры можно умножать. Но главное, что связывало Россию и США в те годы, – это торговля. Россия была неисчерпаемым рынком для Америки:

теперь наряду с сахаром из США в Россию отправлялись сельскохозяйственные и строительные машины, станки, инструменты, фотоаппараты, швейные машинки «Зингер», пишущие машинки «Ремингтон» и под конец автомобили. И в России, и в США капитализм развивался очень бурно, но все же Штаты опережали, почему Россия и оказалась торговым партнером, с которым выгодно поддерживать хорошие отношения.

Вообще, политика – вещь абсолютно циничная, и для того, чтобы отношения между странами действительно изменились, нужно столкновение их интересов. Впервые интересы США и России столкнулись в Китае. Китай в конце XIX – начале XX века представлял собой страну, растерзанную колониальными державами: Англией, Францией, Германией. Была в их числе и Россия. Она претендовала на Маньчжурию. Но на Маньчжурию претендовала и Япония. США в то время были тем, чем сейчас стал Китай – «мастерской мира». Они тогда делали всё. Это была пора совершенно неистового изобретательства. Один Эдисон получил в США более тысячи патентов на изобретения... Но что примечательно? Не успел он изобрести фонограф или лампочку, как один из влиятельнейших магнатов Америки, Дж.-П. Морган, дал ему деньги на обустройство лаборатории. Эдисон изобретает, делает в своей лаборатории пробный образец, и это тут же начинает производиться на фабриках Моргана. Конечно, американцы мечтали о таком рынке, как Китай, с его 400 миллионами населения. Но своего «сектора влияния» в этой стране у них не было, поэтому они стояли за свободную торговлю в Китае и призывали и Англию, и Россию, и другие страны отказаться от каких-либо территориальных претензий. Но колониальные державы на это не пошли. И поэтому, когда из-за Кореи, Маньчжурии и Порт-Артура между Россией и Японией все же началась война, Америка впервые заняла по отношению к России позицию очень-очень прохладного нейтралитета. Правда, когда в России в 1905 году разразилась революция – в том числе и из-за непопулярной войны, – в Америке решили, что хуже революции и анархии быть ничего не может, и Россию все-таки поддержали.

– Во всяком случае, после Цусимского сражения, где японским флотом была разбита российская 2-я Тихоокеанская эскадра, несколько наших кораблей, в том числе и легендарная «Аврора», укрылись в американских портах. Правда, там им предложили разоружиться...

– Важнее, что в Портсмуте, где происходило подписание мирного протокола об окончании русско-японской войны, президент США Теодор Рузвельт настоял на том, чтобы Япония получила не весь Сахалин, а только половину. Глава российской делегации граф Витте согласился с этим, за что и получил кличку «граф полусахалинский». А Теодор Рузвельт – Нобелевскую премию мира. Не то чтобы США хотели удружить России: просто

им было проще сплести на Дальнем Востоке свой клубок проблем, в которых, взаимно нейтрализуя друг друга, барахтались бы Россия и Япония...

– Мне кажется, определенные проблемы в отношениях России и США создала и иммиграция из России: речь шла все-таки о миллионах человек...

– Да, иммиграция евреев была действительно массовой. Как бы мы ни относились сегодня к Александру III, которого многие считают лучшим из русских императоров, права евреев в России в его царствование действительно были ущемлены. Сохранялась черта оседлости, ограничения при приеме в гимназии и университеты... Все это привело к тому, что из Польши, Литвы, Белоруссии, с Украины в Америку хлынули миллионы евреев. Русских эмигрантов было сравнительно немного. В 1920-х годах существовал «Союз русских рабочих США и Канады» – так вот, в нем насчитывалось около 20 тысяч человек. Проблема была в том, что вместе с новыми волнами эмигрантов Америка слотнула революционизм, анархо-синдикалистское рабочее движение. В 1914 году в Лос-Анджелесе была настоящая бойня между рабочими и полицией, когда погибли десятки человек... Одной из ярких фигур революционного движения была, например, Эмма Гольдман. Родилась она в 1869 году в Каунасе, в 16 лет эмигрировала в США, где стала анархисткой, активисткой женского движения и защитницей «свободной любви». Конечно, тогда ее выступления в Америке воспринимались как бред сумасшедшего. На нее были покушения, ее неоднократно арестовывали, лишали гражданства, пытались выдворить из страны как анархистку и в конце концов после очередной статьи про аборт выслали в Советскую Россию – шел уже 1919 год. Правда, умерла она все равно в Канаде.

Похожая история произошла и с Троцким, который в январе 1917-го был выслан вместе с семьей из Франции в США, где провел 10 месяцев. Уже на третий день по приезде он напечатал в русскоязычном издании «Новый мир» статью «Да здравствует борьба!» – и понеслось... «Свергнуть гнилое правительство» – эта фраза не сходила с его уст. Когда же Лев Давидович в октябре 1917-го решил вернуться в Россию, провожать его в порт пришли сотни тысяч человек. Этого Америка боялась. Это было ей совершенно не нужно – всякие социалистические идеи. Собственно, разрыв с Россией произошел, когда здесь большевики осуществили коммунистическую революцию. Америка шла своим путем. После участия в Первой мировой войне, когда выяснилось, что без помощи Америки ни Англия, ни Франция, ни Россия, вместе взятые, не могут победить Германию, США стали мировой державой номер один, заняли место Англии. После победы Антанты США стали не только «фабрикой мира», но и его финансовым узлом: если в 1914 году внешний долг США составлял 4 миллиарда долларов – то в 1922 году

уже европейские страны были должны Америке 16 миллиардов.

Постепенно складывалась американская идея неоколониализма под флагом «борьбы за демократию», идея исторического превосходства англосаксов, идея «золотого миллиарда» и другие малосимпатичные доктрины...

– И все же в первые годы советской власти интерес к США в России был очень велик. Главные фигуры культуры успели здесь побывать – Горький, Маяковский, Есенин...

– Ну, Горький-то был еще в 1906 году...

– Разве? А «Город желтого дьявола»?

– Это он тогда же, в 1906-м, и написал. Уже о тогдашней Америке как о царстве наживы. Но это действительно у американцев в крови – делать деньги. Даже великий Бенджамин Франклин говаривал: «Пустой мешок не может стоять прямо». Другое дело, что за общество построено в результате. Общество потребления. Сейчас, в начале XXI века, это не самая привлекательная и глубокая идея...

Маяковский приехал в США в 1924 году, после поездки по Европе и Мексике – гораздо более пафосно: побывал в нескольких городах, выступал, висели афиши, жил в лучших отелях, нашел себе пассию из русских эмигранток – Элли Джонс – и чуть ли не ежедневно встречался с нею... Америка ему, похоже, понравилась, хотя в стихах он

это и скрывал. Есенин назвал Маяковского «американцем», но сам для себя в Америке ничего не нашел. Да и что мог здесь найти певец уходящей русской деревни? Он же не ездил в глубинку. Сидел со своей Айседорой в Нью-Йорке. И в результате уехал из США совершенно опустошенный миром, в котором царит голый business...

– Это тоже, наверное, миф и наш национальный «пунктик» – убежденность в бездуховности Америки и, наоборот, в нашей первозданной духовности. В этом споре нужны серьезные аргументы. Но я хотел бы закончить наш разговор неплановым вопросом. Как, по-вашему, сохранит Америка свои позиции в ближайшем будущем?

– Америка в качестве мировой империи, на мой взгляд, на наших глазах терпит поражение, ибо экономически проигрывает Китаю. И в общем-то Трамп фактически признал, что Америке экономически не по плечу – с точки зрения ее ресурсов не по плечу – обеспечивать военной защитой все регионы, на контроль за которыми она претендует... Но это уже выходит за пределы нашей темы, конечно. Одно могу сказать для равновесия: России тоже, как видно, супердержавой не бывать. Политологи давно посчитали, что демократия устойчива, если две трети населения страны живут достаточно хорошо. А у нас в ус не дуют только чиновники, а две трети живут от зарплаты до зарплаты. И какие это зарплаты... Поглядим, что выйдет в результате. ■

В ПОИСКАХ ЧЕЛОВЕКА

АВТОР
ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

НОЧЬ. ПОЕЗД ПАРИЖ–МОСКВА, ПОГРОМЫХИВАЯ НА СТЫКАХ, МЕДЛЕННО ПРИБЛИЖАЕТСЯ К ГЕРМАНСКОЙ ГРАНИЦЕ. ПАССАЖИРЫ СПЯТ. ЛИШЬ ОДИН БОДРСТВУЕТ. ОН ПОКИДАЕТ СВОЕ КУПЕ И ИДЕТ ПО ВАГОНАМ. НИ ДУШИ. СПЯТ ВАГОНЫ ПЕРВОГО КЛАССА, ПУСТЫ СПАЛЬНЫЕ. «СКОРЕЕ ВСЕГО, МНЕ НЕ УДАСТСЯ ДОБРАТЬСЯ ДО ТОГО, ЧЕГО Я ИЩУ, – ДУМАЕТ ЧЕЛОВЕК. – НЕ ЭКЗОТИКИ, НЕТ, Я ЕЙ НЕ ДОВЕРЯЮ. Я СЛИШКОМ МНОГО СТРАНСТВОВАЛ, ЧТОБЫ НЕ ЗНАТЬ, КАК ОНА ПОВЕРХНОСТНА».

ОН ХОЧЕТ ДОБРАТЬСЯ до человека. Но люди не встречаются так вот запросто. Они обретаются друг друга. Словно незнакомая женщина движется нам навстречу. «Она не видна в толпе, мы должны ее отыскать... Да. Именно таково путешествие».

В вагоне третьего класса полным-полно людей. Здесь едут семьи польских шахтеров, изгнанных из Франции за участие в забастовке. Пахнет тюрьмой и казармой. Тела лежат на лавках, как глыбы окаменевшей глины. Как человек сделался грудой глины? Какие жернова перемололи его и изуродовали? Вот загадка. Внезапно ночной пассажир видит семейную пару, прикорнувшую на скамейке. Между матерью и отцом он замечает лицо ребенка, мальчика, прекрасное, как лицо маленького Моцарта. «Он был точь-в-точь как маленький принц из средневековой легенды. Если заботиться о нем, баловать, учить, кто знает, чего он сможет добиться? <...> Но нет садовников для людей. Маленького Моцарта тоже переработают жернова. Лучшее, что услышит этот Моцарт, будут расхлябанные песенки в дешевом кафе-штантане, пропахшем табаком. Моцарт обречен...».

И все же этому странному ночному пассажиру не хочется мириться с этим. Он привык размышлять по ночам, вгрызаясь во тьму на крошечном почтовом самолете – один над всем

миром, наедине с небом, с Богом, с опасностями и с самим собой. «Не жалость щемит мне сердце, жалости не доверись». «...Меня мучает урон, который нанесен человеческой сути, не одному человеку – весь наш род терпит ущерб. <...> Печалит, что в каждом из этих людей погасла искорка Моцарта...».

Но, может быть, там, куда он едет – все иначе? В 1935 году об СССР много говорили во Франции. Одним он казался кошмаром, другим – спасением. Спасением цивилизации, культуры, Европы. Спасением человека через переданные ему высокие смыслы – смыслы построения нового общества. Кто знает? Полуночный пассажир не привык доверять словам. Он должен увидеть все сам.

На следующий день поляков в поезде уже не было. В вагоне-ресторане испанцы, едущие, как и он, в Россию, полны восторга, говорят о Сталине, о пятилетнем плане... Но где же Россия? Где революция? На полустанке Негорелое (Брест в 1935 году был польским городом. – Прим. авт.) пассажиры поезда переходят в российский состав. Тогда здесь был вокзал с рестораном, таможня. В ресторане наигрывал цыганский оркестр, стояли кадки с пальмами... Пассажир чувствует недоумение, предвкушение, огромность неведомой страны. Он размышляет: «...Передо мной страна, о которой если говорят,

то говорят с пристрастием. <...> Если мы обсуждаем Советский Союз, мы обязательно впадаем в крайности – восхищаемся или негодуем. В зависимости от того, что ставим на первое место: созидание человека или уважение прав личности...»

Пожалуй, этот необычный пассажир сам прежде всего думал о становлении человека. О человеческом призвании. Об этом он надиктовывал сотни страниц, когда, уже во время войны с фашистской Германией, работал в Африке над своим последним романом-притчей, «Цитадель». Звали этого человека Антуан де Сент-Экзюпери. Он был летчиком, писателем, человеком-легендой...

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

На перроне Белорусского вокзала Сент-Экзюпери встречал старый товарищ, Жорж Кессель. Привокзальная площадь показалась Экзюпери похожей на Марсель: носильщики, грузовики, трамваи, толпа мальчишек и солдат, окруживших торговца мороженым. Первый взгляд на Москву. Теперь в гостиницу – и в свободный полет по незнакомым улицам...

Сент-Экзюпери прибыл в Москву в конце апреля 1935 года. Тогда в Париже как раз завершалось подписание пакта о взаимопомощи между Францией и СССР. Франция, опасавшаяся фа-

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШЕВОЙ

шистской Германии, спешила составить мнение о новом союзнике. И Сент-Экзюпери прибыл в красную столицу как корреспондент газеты «Пари суар», чтобы представить читателям подробный отчет об увиденном.

Чуть позже, летом того же, 1935 года, французские писатели один за другим поехали в Россию. И левые, сочувствующие СССР открыто, и те, кто был полон скептицизма. Сталин, надеясь изменить общественное мнение Европы в пользу государства победившего социализма, способствовал тому, чтобы иностранные литераторы почаще приезжали в СССР. Начало положил Бернард Шоу – британский социалист, считавший себя другом СССР. 29 июля 1931-го Сталин принял его в своем кремлевском кабинете и совершенно очаровал. Через несколько месяцев, 13 декабря 1931 года, в том же кабинете вождь принял немецкого писателя Эмиля Людвига. Эта встреча, как и

все остальные, была организована не без умысла: в то время стоял вопрос о написании биографии Сталина, и, хотя выполнить это непростое дело брались и Емельян Ярославский, и Максим Горький, Сталин почему-то полагал, что с его биографией лучше справится европейский писатель. Людвиг был прославленным автором беллетризованных биографий, поэтому неудивительно, что его встреча со Сталиным продолжалась несколько часов и тщательно стенографировалась. Тем не менее Людвиг так и не взялся за работу, хотя его беседа с вождем была опубликована сразу в нескольких газетах, а потом выпущена отдельной брошюрой. Разумеется, к ряду почетных гостей принадлежал и знаменитый фантаст Герберт Уэллс, в 1920 году видевший первые шаги русской революции, встречавшийся с Лениным, которого он не без иронии назвал тогда «кремлевским мечтателем», и по результатам сво-

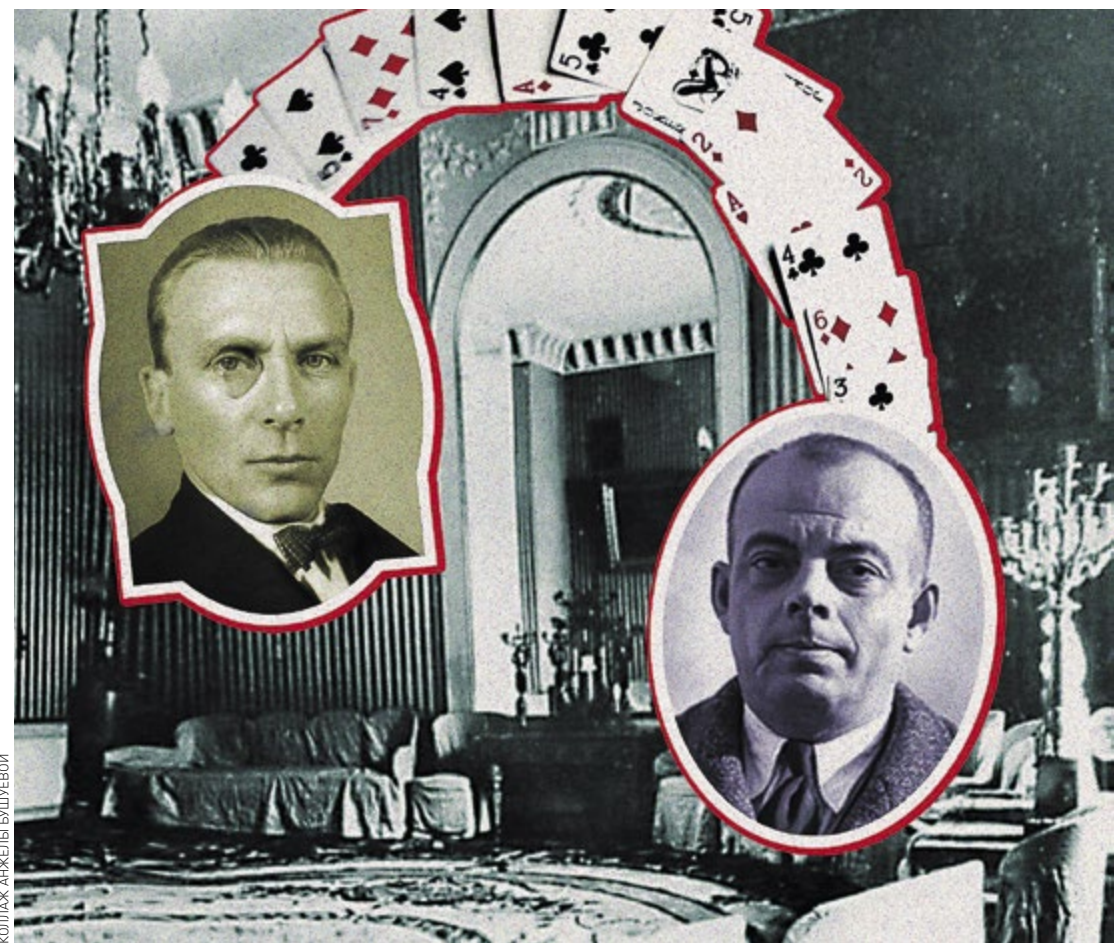
ей поездки выпустивший ставшую известной на Западе книгу «Россия во мгле». Теперь, спустя четырнадцать лет, надо было доказать этому недоверчивому англичанину, что все, что «нафантазировал» в свое время Ленин, не только исполнилось, но и осталось далеко в романтическом прошлом революции. Теперь у страны победившего социализма – новые задачи, новые перспективы: ликвидация безграмотности, коллективизация, пятилетний план, воспитание новой интеллигенции... Уэллс не без смущения слушал рассказы Сталина, все более подпадая под обаяние его личности. Сталин был великолепный актер. Переиграть его не удалось ни писателям, ни политикам, ни соратникам по коммунистическому движению. Герберт Уэллс коммунистом не был, партийная солидарность не сдерживала его, но он, как говорится, сам рад был обманываться, принимая слова Сталина за чистую монету.

«Я никогда не встречал человека более искреннего, порядочного и честного; в нем нет ничего темного и зловещего, и именно этими его качествами следует объяснить его огромную власть в России», – написал он по возвращении из СССР.

Биографию Сталина в конце концов написал Анри Барбюс, в 1920-х вступивший в Компартию Франции. В начале 1930-х годов он подолгу жил и лечился в Москве. Его книга «Сталин» вышла в Париже в 1935 году и тогда же была переведена на русский язык. Именно Барбюс впервые написал, что «Сталин – это Ленин сегодня». Книгу Барбюса, впрочем, вскоре изъяли из советских библиотек. Ибо, говоря об окружении вождя, писатель упоминал и тех его сподвижников, которые в 1937 году были объявлены врагами народа. Барбюс умер в 1935-м, а перекладывать текст книги никто не решился.

Летом 1935 года в СССР по приглашению Горького прибыл еще один знаменитый французский писатель, нобелевский лауреат 1916 года Ромен Роллан. Он тоже встречался со Сталиным и тоже был очарован вождем. Правда, портрет Иосифа Виссарионовича вышел у стареющего писателя чересчур восторженным, а его суждения об СССР выглядели до того наивно, что Сталин сам не захотел публиковать написанное. «Московский дневник» Романа Роллана вышел в Париже только в 1960 году, а в СССР – только в конце перестройки в журнале «Вопросы литературы» как своего рода литературный казус.

Следующим Сталин очаровал знаменитого немецкого писателя Лиона Фейхтвангера, приехавшего в Москву в январе 1937 года. В результате появилась книга «Москва. 1937 год», одним из первых читателей которой стал сам Сталин. Вождь остался доволен. Москву Лион Фейхтвангер описывает как громадный город, который дышит удовлетворением и согласием, даже более того – счастьем. Фейхтвангер, столь проницательный, столь

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШУЕВОЙ

тонкий в описании всего происходящего в Германии в пору становления фашизма, оказывается настолько слепым и близоруким в СССР, что его даже допускают на показательный политический процесс над врагами народа – Пятаковым и Радеком. И он оправдывает это суждением.

Возможно, единственным исключением из этого ряда панегириков стала книга «Возвращение из СССР» французского писателя Андре Жид, принадлежавшего к числу ярых сторонников Советского Союза. Перед отъездом он писал: «Глупость и нечестность нападок на СССР заставляют нас выступать в его защиту с еще большим упорством. Как только мы перестанем это делать, на защиту СССР тотчас бросятся его хулители». «Я говорил о своей любви, – писал Андре Жид, – о своем восхищении Советским Союзом. Там совершался беспрецедентный эксперимент, наполнявший наши сердца надеждой, отсюда мы жда-

ли великого прогресса, там зарождался порыв, способный увлечь все человечество». Как и другие крупные писатели, Андре Жид был принят в Советском Союзе по первому классу. Он посетил не только Москву и Ленинград, который произвел на него колоссальное впечатление: «Я не знаю более красивого города». Ему открылись заводские цеха, пионерские лагеря и дома отдыха на Кавказских Минеральных Водах и в районе Сочи; шахты Донбасса; Грузия, Кахетия, Абхазия... Положительные впечатления буквально захлестывают его, он с искренним восторгом пишет о парках культуры в каждом городе, о молодежи, об Артеке, о «могучей жизни» Советского Союза. Но постепенно для него начинает приоткрываться изнанка жизни: отвратительное качество продуктов, тканей и вообще всего. Жуткий дефицит. Всеобщая стандартизация жизни: «Я был в домах многих колхозников этого процветающего

колхоза... Мне хотелось бы выразить странное и грустное впечатление, которое производит «интерьер» в их домах: впечатление абсолютной безликости. В каждом доме та же грубая мебель, тот же портрет Сталина – и больше ничего. Ни одного предмета, ни одной вещи, которые указывали бы на личность хозяина». И, наконец, самое страшное – полное подавление личности: «Всеобщее счастье достигается обезличиванием каждого. Счастье всех достигается за счет счастья каждого. Будьте как все, чтобы быть счастливым». «Малейший протест или критика приводят к строжайшему наказанию и мгновенно подавляются. Не думаю, что в какой-либо другой стране мира, даже в гитлеровской Германии, свобода мысли более задавлена страхом и насилием власти», – писал он позднее друзьям. Для Андре Жида разочарование в СССР было личной трагедией. После возвращения во Францию он никогда больше не занимался ни политической, ни общественной деятельностью.

ПЯТЬ ОТТЕНКОВ КРАСНОГО

Антуан де Сент-Экзюпери тоже был писателем. Правда, не столь именитым, как вышеперечисленные, но все же к 1935 году во Франции уже вышли два его романа – «Южный почтовый» и «Ночной полет», причем последний получил литературную премию «Фемина». Но на русский язык книги переведены не были, и в Советском Союзе Сент-Экзюпери мало кто знал. Он приехал как журналист, всего на пару-тройку недель и, естественно, не мог написать о многом. Из влиятельных фигур той эпохи в нем, видимо, принимал участие только главный редактор тогдашних «Известий» Николай Бухарин. Ведь помимо пяти репортажей для «Пари суар» Экзюпери опубликовал в «Известиях» статью о гибели самого большого советского самолета, «Максим Горький». А ее мог ему заказать только главный редактор. О первых днях пребывания Сент-Экзюпери в Москве нам почти

ничего не известно. Очень бегло очерчивает эту тему биограф писателя Марсель Мижо. Но и он не в силах добавить ничего существенного к тому, что содержится в самих репортажах. По сути, они-то и являются основным источником сведений о пребывании писателя в СССР. Говорится еще о каких-то заметках, которые Сент-Экзюпери делал в своем дневнике, но они, по-видимому, отрывочны и на русский язык не переведены. В России и сейчас Сент-Экзюпери знают прежде всего как автора гениальной сказки «Маленький принц» и философического, поднебесного романа «Планета людей», наброски которого писатель делал в поезде Париж–Москва....

Но давайте просто представим себе: вот писатель устраивается в гостинице и выходит в город. Конец апреля. Холодно. Идет снег. Москва готовится к празднованию Первомая: «Город превратился в строительную площадку. Одни бригады украшали дома и памятники лампочками, флагами и красными полотнищами; другие отлаживали прожекторы, третьи сушили прямо на Красной площади, возят тачки с бульбжником, ровняют мостовую. <...> шла большая игра, танцевался трудный молчаливый танец вокруг костров. Ветер надувал огромные красные полотнища на фасадах домов, и казалось, парусники готовы тронуться в путь, все сдвинулось с места, пустилось в странствие к неведомым горизонтам. Мужчины и женщины работали, не останавливаясь. Те самые мужчины и женщины, числом около четырех миллионов, что послезавтра пройдут колонной по площади перед Сталиным, воздавая всем городом ему честь».

От взгляда Сент-Экзюпери, конечно, не ускользнули развешанные по всему городу огромные портреты Сталина – «Главного мастера», как он называет его. И это не оговорка и не метафора. Экзюпери был масоном, и для него «Главный мастер» однозначно означало: Великий мастер.

Экзюпери предпринимает прогулку вокруг Кремля – похоже, только для того, чтобы убедиться: все подходы к Сталину перекрыты. Кремль – этот «город, вмурованный в город» – хранит его тайну: «Легко вообразить, что Сталин не существует вовсе, до такой степени он незрим». Однако этот вождь очень занимает писателя. Один раз Экзюпери называет его «Хозяин» – без всякого дурного привкуса. Для Экзюпери, пожалуй, самая значимая фигура его человечества – садовник. Ну а кто такой садовник? Хозяин своего сада...

ПЕРВОМАЙ

«На собственном горьком опыте я убедился, что появление бога из табакерки дело непростое: мне отказали в приглашении билет на Красную площадь. Чтобы попасть туда, нужно было приехать гораздо раньше, так как каждый приглашенный заполняет особую анкету, после чего подвергается тщательной и суровой проверке. <...> В радиусе с километр вокруг Сталина не может появиться ни один человек, чье гражданское положение и прошлое не было бы тщательно проверено, перепроверено и для надежности проверено в третий раз».

К тому же двери гостиницы, как оказалось, закрыты до пяти часов вечера. Сент-Экзюпери нашел способ удраить из отеля через какой-то коридор и так попал в гущу праздника. Он ошеломлен колоннами демонстрантов, в которых к Красной площади стекаются тысячи, сотни тысяч человек. Над головами бороздят небо самолеты. Все это одновременно величественно и пугающе: «Они летели и летели, а я, прислонившись спиной к стене, смотрел на них и понял одно: несколько самолетов летят, множество самолетов надвигаются, словно лава», – записал он немного испуганно. Но вдруг колонна демонстрантов останавливается, пропуская другую. Откуда-то взялся аккордеончик. «Музыканты, рассеянные в толпе с трубами и тарелками, тоже встали в круг и заиграли.

Толпа, желая, наверное, и согреться, и развлечься, и поприпаздывать, пустилась в пляс. Десятки людей, мужчин и женщин, у входа на Красную площадь, сразу утратив напряжение целеустремленности, улыбаясь во весь рот, танцевали, и улица стала доброй и симпатичной, похожей на улицу парижского предместья в ночь на 14 июля.

Незнакомец окликнул меня и протянул сигарету, второй дал огонька: люди выглядели счастливыми...».

Люди всегда выглядят счастливыми, когда пляшут, велико открытие – скажем мы. Но для Сент-Экзюпери вопрошание о человеке не закончено в день Первомая.

Вечером, набродившись по городу, он заглядывает в американское посольство – отогреться и выпить глоток доброго виски. Когда туда же пришел Михаил Булгаков, приглашенный в посольство по случаю Первомая, Экзюпери показывал карточные фокусы. Он знал их великое множество и даже участвовал в профессиональных турнирах. Литературоведами установлено, что встреча Сент-Экзюпери и Михаила Афанасьевича состоялась. Булгаков хорошо говорил по-французски, так что мог и читать Экзюпери в оригинале, и поддержать беседу. Но о чем говорили писатели – не знает никто. Как на косвенное свидетельство содержания разговора литературоведы указывают на удивительно реалистичное у «сухопутного» Булгакова описание полета Маргариты на бал к Воланду. Такое можно написать, только точно зная, как выглядит земля с высоты. А откуда бы это мог знать Михаил Афанасьевич? Ну, вот, например, из рассказов Сент-Экзюпери о полетах над ночной Землей...

РАЗГОВОР С СУДЬЕЙ

К числу самых необычных репортажей, опубликованных писателем для «Пари суар», относится, конечно, «Преступление и наказание перед лицом советского правосудия». Это, можно сказать, первая попытка разобраться в

системе советского права. Нет сомнения: Сент-Экзюпери говорил с кем-то из последних романтиков «перевоспитания» и «перековки», которые практиковались на Беломорканале. В ее возможность верили, причем не только чекисты. 36 известных советских писателей написали об этом в коллективном труде «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства. 1933–1934 гг.». Это потом, когда после возведения второго гиганта – канала Москва–Волга – осталось несколько сотен тысяч невооруженных зэков Дмитровлага, которых некуда было девать, их начали просто расстреливать. Но в 1934 году многие искренне верили в «перековку».

«Первое, что сказал судья, едва началась наша беседа в его кабинете, – показалось мне и самой главной его мыслью:

«Не в том дело, чтобы наказывать, а в том, чтобы исправлять». Говорил он так тихо, что я наклонился, чтобы расслышать, между тем его руки осторожно разминали невидимую глину. Глядя далеко поверх меня, он повторил: «Надо исправлять».

Вот, подумал я, человек, не знающий гнева. Он не удостаивает себе подобных признанием того, что они действительно существуют. Люди для этого судьи – хороший материал для лепки, и как не чувствует он гнева, так не чувствует и нежности. <...> Этот судья не позволяет себе судить. Он как врач, которого ничто не поражает. Он лечит, если может, а если не может, то, служа всему обществу, расстреливает. <...> И я догадываюсь уже, что за великим неуважением к отдельному человеку здесь стоит великое уважение к человеку вообще, длящемуся из века в век поверх отдельных человеческих жизней и созидающему великое. А виновный, думаю я, здесь больше ничего не значит».

Здесь Экзюпери пишет языком своей «Цитадели» – советский судья у него так же справедлив и непреклонен, как владыка берберов, собирающий

царство среди пустыни. И Сент-Экзюпери вторит ему: «Этих воров, сутенеров, убийц вытаскивают из каторжной тюрьмы, словно из гигантского бака, и отправляют под охраной нескольких ружей рыть канал от Белого моря до Балтийского. Вот и снова приключение для них, да еще какое!

Им предстоит, пахарям-исполинам, провести борозду от моря до моря, глубокую, как овраг, под стать морским кораблям. Возвести соборы стройплощадок и встретить земляные пласты, оползающие с откосов выемки, лесом мощных брусьев, трещащих, точно солома, под напором сил Земли. <...> И мало-помалу людей захватывает эта игра. Они так и живут бригадами, управляют ими свои инженеры и мастера (ведь в тюрьме оказываются и они). Во главе встают те из них, кто лучше умеет предьявить свой дар вожака».

Сент-Экзюпери отлично знал, что только испытания выковывают человека. Поэтому, должно быть, и верил судье на слово. Впрочем, скоро эпоха «романтиков перековки» канет в прошлое вместе с ее энтузиастами.

ВЕЧЕР В ОБЩЕСТВЕ МАДЕМУАЗЕЛЬ КСАВЬЕ

Сент-Экзюпери исходил всю Москву. Его тащило вглубь нестроенных кварталов. Так, однажды он прознал, что в одном «муравейнике» – скоплении коммуналок – проживает мадемуазель Ксавье, чудом уцелевшая в годы Гражданской войны француженка-гувернантка. Сент-Экзюпери постучал в двери квартиры. Ему открыл жилец. Писатель обратился к нему по-французски. Тот молча ушел вглубь квартиры и вернулся с человеком, говорящим по-датски. Это не помогло. Тогда был приведен жилец, говорящий по-английски. И лишь на третий раз к писателю вывели мадемуазель Ксавье. «Это оказалась маленькая старая колдунья, худая, сторбленная и морщинистая, со сверкающими глазами, – совершенно не понимая, кто я

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШЕВОЙ

ЧЕЛОВЕК

Хотя ведь именно с вопросом о человеке он приехал в Советский Союз. О смысле его, человека, жизни. О его предназначении. Совершенно неожиданно мы находим отзвук этих мыслей в написанной Сент-Экзюпери для «Известий» статье о гибели самолета «Максим Горький». Как профессиональный летчик, писатель прекрасно понимал, что это за машина. Он оценил и его короткий разбег, и легкость, с которой отталкивается от земли самый большой в СССР самолет. Он был поражен сложным внутренним устройством гиганта, так отличающимся от простеньких самолетов компании «Аэропосталь», на которых ему доводилось летать. Поэтому он пишет о «Горьком» с восхищением. Ведь чтобы построить такой, надо было сначала его выдумать, а потом воплотить. А для этого нужны очень хорошие инженеры. И очень хорошие рабочие. Сент-Экзюпери повезло: он летал на «Горьком» за день до того, как истребитель, сопровождавший самолет, внезапно врезался в него. Самолет распался на куски еще в воздухе. Все члены экипажа и разработчики самолета – сотрудники ЦАГИ, приглашенные на борт, – погибли. Труд сотен людей пошел прахом. Людей талантливых, как Леонардо, если в 1935 году они сумели воплотить в СССР этот немыслимый проект. «Советский Союз потерял великолепное подтверждение жизнеспособности его юной индустрии», – написал писатель, присоединяясь к горю советских людей.

Конечно, за то время, что Сент-Экзюпери пробыл в СССР, о жизни страны многого понять он не мог и не смог. Но разделить с народом его горе может только друг. И если этот друг – писатель, то нам, его друзьям, остается только одно: читать его книги, в которых нет ни капитализма, ни коммунизма, ибо его не интересовало равенство – его интересовало братство. Есть только человек. Человек, обретающий свою истинность в своем призвании. ■

и зачем пришел, она попросила меня следовать за ней. <...> Мадемуазель Ксавье 72 года, и мадемуазель Ксавье плачет. Я у нее первый француз за тридцать лет». Вечер этого дня Сент-Экзюпери провел в компании десяти старушек-француженок, как и мадемуазель Ксавье, переживших революцию и оставшихся в России. А всего их было триста по Москве – бывших французских гувернанток. На вопрос, чем была для них революция, мадемуазель Ксавье отвечала: «Революция – это ужасно утомительно».

Однажды ее взяли в какой-то обвале и посадили в подвал, откуда выводили людей на расстрел. Когда пришел черед мадемуазель Ксавье говорить со следователем, тот неожиданно сказал: «У меня дочке двадцать лет, мадемуазель, вы не согласитесь давать ей уроки?» И мадемуазель Ксавье, прижав к сердцу перину, с которой ее и взяли, отвечала с сокрушительным достоинством:

«Вы меня арестовали. Теперь – судите. Если я останусь жива, завтра мы поговорим о вашей дочери!»

«А сегодня она добавляет, сверкнув глазами: «Они не смели на меня взглянуть от стыда!» И я уважаю эти восхитительные иллюзии, – пишет Сент-Экзюпери. – Я говорю себе: человек замечает в мире лишь то, что уже несет в себе. Нужно обладать определенной широтой личности, чтобы почувствовать высокий накал обстановки и уловить, что он означает».

Как это по-французски: сидеть, болтать, вспоминать былые годы и... ни о чем не жалеть, как пела Эдит Пиаф. Они исполнили свое служение гувернанток и устояли под ураганом русской революции. Так стоит ли требовать большего, чем достоинство, у этих милых дам, так до старости и оставшихся мадемуазелями? Это, пожалуй, уже перебор. И Сент-Экзюпери больше не думает в этот вечер о человеке...

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

КТО Я?

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

«ТЫ ЧЬИХ БУДЕШЬ? ЧЕЙ ХОЛОП, СПРАШИВАЮ?» ЭТО – АФОРИЗМ ИЗ ВЕЛИКОЙ КИНОКОМЕДИИ ЛЕОНИДА ГАЙДАЯ «ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ МЕНЯЕТ ПРОФЕССИЮ». СТРАННО, ЧТО ПРИ ВИДЕ ЗУБНОГО ВРАЧА В ИСПОЛНЕНИИ ВЛАДИМИРА ЭТУША У БЛИСТАТЕЛЬНО СЫГРАННОГО ЮРИЕМ ЯКОВЛЕВЫМ ЦАРЯ ИВАНА ГРОЗНОГО И МЫСЛИ НЕ ВОЗНИКЛО О ТОМ, ЧТО СТОМАТОЛОГ МОЖЕТ ПРИНАДЛЕЖАТЬ К ИНОМУ СОСЛОВИЮ.

МИР МЕНЯЕТСЯ. И С этой банальной сентенцией хочешь не хочешь надо мириться. Бесклассовое общество, о котором мечтали большевики, на дворе. Без всякого

коммунизма. Есть богатые и бедные. Есть профессионалы и бездари. Есть элиты и маргиналы. Ну, еще пресловутый средний класс, определения которому не найти, как ни старайся. Но желание самоиден-

тифицироваться и идентифицировать окружающих тебя людей – в природе человека. Было время на Руси, когда этим занимались не только охочие люди, но и государство. В 1785 году специальные грамоты определили права и обязанности дворян и городских обывателей. Последнее словосочетание не от вольного. Это термин. Позже законодательным образом были определены сословия, закреплявшие за каждым подданным его социальный статус со всеми вытекающими из одного последствиями.

В Своде законов Российской империи было прописано, что все население делится на четыре группы: дворян, духовенство, городских обывателей и сельских обывателей. В свою очередь, каждая группа распадалась на подгруппы, коих насчитывалось до двух десятков.

Дж.-А. Атkinson.
Русский
народный танец
«Голубец».
1803–1804 годы

ДВОРЯНЕ

Александр Пушкин: «Что такое дворянство? Потомственное сословие народа высшее, т.е. награжденное большими преимуществами касательно собственности и частной свободы. Кем? Народом или его представителями. С какой целью? С целью иметь мощных защитников или близких ко властям и непосредственных предстателей. Какие люди составляют сие сословие? Люди, которые имеют время заниматься чужими делами. Кто сии люди? Люди, отменные по своему богатству или образу жизни. Почему так? Богатство доставляет ему способ не трудиться, а быть всегда готову по первому призыву государя. Образ жизни, т.е. не ремесленный или земледельческий – ибо все сие налагает на работника или земледела различные узы. Почему так? Земледелец зависит от земли, им обработанной, и более всех неволен, ремесленник от числа требователей торговых, от мастеров и покупателей. Нужно ли для дворянства приуготовительное воспитание? Нужно. Чему учится дворянство? Независимости, храбрости, благородству (чести вообще). Не суть ли сии качества природные? Так; но образ жизни может их развить, усилить – или задушить. Нужны ли они в народе, так же как, например, трудолю-

Граф
И.П. Кутайсов
(1759–1834)

бие? Нужны, ибо они la sauvegarde (охрана) трудолюбивого класса, которому некогда развивать сии качества».

Русское дворянство имело разное происхождение, зародившись еще в XII веке. Древние аристократические роды, часть которых носила княжеский титул и вела родословные от Рюрика и литовского князя Гедимина. Потомственные дворяне, выслужившие высшее сословие. К ним относились, например, кавалеры ордена Святого Георгия, награждение которым автоматически приводило в списки Дворянских книг империи. Довольно долгое время правило распространялось и на кавалеров ордена Святого Владимира, но в 1900 году его ужесточили. Святой Владимир 4-й степени приобщал только к личному дворянству, когда награда находила героя, но не распространялось на его потом-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Граф Владимир Владимирович Мусин-Пушкин, предводитель дворянства Богородского уезда (сидит в центре), среди богородских чиновников и общественных деятелей. Богородск. 24 августа 1898 года.

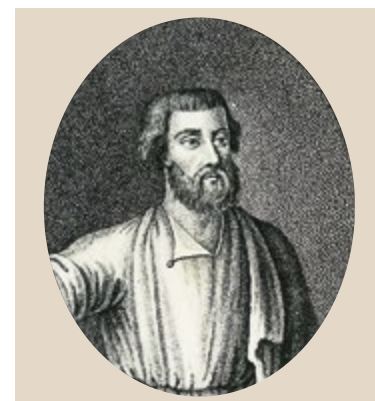
В центре стоит потомственный почетный гражданин Арсений Иванович Морозов. На снимке присутствуют по меньшей мере три сословия: дворяне Богородского уезда, богородское купечество и мещане города Богородска

ков. А вот на супругу распространялось.

С середины XIX века правило распространилось на кавалеров орденов Святой Анны и Святого Станислава высших степеней. Сохраняли за собой дворянство и титул (если он был) иностранцы, принявшие российское подданство, а также кавказские, татарские, бессарабские и финские фамилии. Существовало казачье дворянство и польская шляхта. Имелись случаи, когда дворянство жаловалось за особые заслуги самим монархом. Заслуги могли быть разными. Например, не только дворянство, но и графский титул получил брандмейстер и камердинер императора Павла I Иван Кутайсов. В мемуарных «Записках» о павловских временах генерал-майор Николай Саблуков дал Кутайсову короткую, но емкую характеристику – «Пронырливый Фигаро».

Г. Тула — Дворянское Собрание

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Тула, Киевская улица.
Дворянское собрание

Козьма Минин, гражданин Нижнего Новгорода, потом думный дворянин. Гравированный портрет XIX века

Есть несколько штампов о русском дворянстве. Один из них – все дворяне были помещиками. На самом деле среди них были и очень богатые люди, как семейство графов Строгановых, и весьма бедные, в том числе однодворцы. Второе – все офицеры Русской армии были дворянами. А вот, скажем, полководец и политический деятель Антон Деникин был сыном крепостного крестьянина, который, правда, после 22 лет службы вышел в отставку в чине майора. Третье – дворяне жили вольготно и в праздности. На самом деле они были освобождены от «тягла», то есть от податей и налогов, потому, что обязаны были служить. Изначально великим князьям да боярам, затем – государю. Петр I, реорганизуя русскую жизнь, обязал всех дворян служить пожизненно. Петр III и Екатерина II Манифестом и Жалованной грамотой дали дворянам «вольную», однако не служить, хотя бы в молодости, было неприлично. К тому же когда образовался слой безземельных дворян, им служба была необходима как единственный источник доходов. Последнее – телесные наказания. Формально дворяне были освобождены от них за совершенные преступления. Но помимо уголовщины есть проступки, совершаемые в быту. Так вот, до указа императора Александра II от 1864 года об отмене телесных наказаний пороли в средних учебных заведениях и в гимназиях совершенно официально. Да что там гимназии! Генерал Матвей Ламсдорф воспитывал великих князей Николая и Михаила не только добрым словом, но и размоченными в воде розгами. Любопытно, что, став императором, Николай Павлович мстить не стал. Даже посетил похоронную церемонию бывшего наставника. В начале XX века дворянское сословие в России насчитывало около 2 миллионов человек. Чуть более процента населения.

Ф.Г. Солнцев.
Витебская
мещанка.
1844 год

МХАТ, сцена
из спектакля
по пьесе
М. Горького
«Мещане».
1928 год

МЕЩАНЕ

Максим Горький: «Мещанство – это строй души современного представителя командующих классов. Основные ноты мещанства – уродливо развитое чувство собственности, всегда напряженное желание покоя внутри и вне себя, темный страх пред всем, что так или иначе может вспугнуть этот покой, и настойчивое стремление скорее объяснить себе все, что колеблет установившееся равновесие души, что нарушает привычные взгляды на жизнь и на людей. Но объясняет мещанин не для того, чтобы только понять новое и неизвестное, а лишь для того,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Иван Петрович Кулибин
(1735–1818),
сын нижегородского
мещанина. Портрет работы
неизвестного художника.
1810-е годы

чтобы оправдать себя, свою пассивную позицию в битве жизни. Отвратительное развитие чувства собственности в обществе, построенном на порабощении человека, может быть, объясняется тем, что только деньги как будто дают личности некоторую возможность чувствовать себя свободной и сильной, только деньги могут иногда охранить личность от произвола всемогущего чудовища – государства». Мещанское сословие также было крайне разнообразным. Само слово в переводе с польского означает «жители места». Первоначально жители Мещанской слободы в Москве в XVII веке обслуживали Посольский приказ. Постепен-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Ф.Г. Солнцев. Священник и дьякон перед началом литургии. До 1853 года

но к мещанам стали относить всех горожан, кроме дворян, купцов и почетных граждан. Ранее их называли посадскими. То есть мелкие торговцы, неспособные предъявить капитал в 500 рублей, чтобы перейти в купеческое сословие. Ремесленники, разнорабочие, прислуга и так далее. Несмотря на то, что сословие включало в себя и «средних людей», часть которых в советских довоенных словарях называли даже мелкой буржуазией. Впрочем, Владимир Даль в середине XIX века определял в своем «Словаре живого великорусского языка» этот термин так: «Горожанин низшего разряда, состоящий в подушном окладе и подлежащий солдатству; к числу М. принадлежат также ремесленники, не записанные в купечество». Стоит добавить, что мещане по решению суда предавались телесным наказаниям.

У сословия была своя система управления, не регулируемая никакими официальными правилами или регламентами. Но работать – работала. Называлась «мещанское общество». Оно включало всех мещан данного поселения. На сходе избирался староста, помощник, «десятники». Весь состав утверждался губернатором. Староста вел списки, в которых особую графу занимали подати и прочие государевы

поборы. В случае, когда мещанин менял место жительства, он должен был получить, говоря современным языком, открепительный талон от старого общества и прикрепиться к новому. Хотя переезды для мещан были делом хлопотным. На это у властей приходилось испрашивать специальный паспорт. Общество могло исключить из своих рядов мещанина, совершившего нечто порочащее и неприглядное. В таких случаях ему грозил переезд на жительство в Сибирь. Вопреки поверхностным представлениям, мещане если не гордились, то были вполне довольны своим положением и к лишению статуса относились серьезно. Первая организованная в Российской империи перепись населения, в 1897 году, дала такой результат: мещан насчитывалось более 13 миллионов. На каждую тысячу жителей их приходилось 106 человек.

Елецкий мещанин Бякин с семейством (первый хозяин, у которого И.А. Бунин жил в Ельце в начале 1880-х годов)

Древний дом мещанина Коробова в Калуге. Литография К. Эргота. Середина XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ДУХОВЕНСТВО

Николай Лесков: «Мы не берем своих длиннополых героев от дня рождения их и не будем рассказывать, много или мало их таскали за волосенки и много или мало секли их в семинарии. Это все уже со всякой полнотою описано другими людьми, более нас искусными в подобных описаниях, – людьми, евшими хлеба, собираемые с приходов их отцами, и воздвигнувшими пята свою на своих крохоборных кормильцев. Мы просто хотим представить людей старгородской поповки, с сокровенными помыслами тех из них, у кого были помыслы, и с наиболее выступающими слабостями, которые имели все они, зане все они были люди и все человеческое им было не чуждо». Россия всегда была страной разных конфессий, но православные были в большинстве. История РПЦ настолько замысловата, что в нашем случае стоит ограничиться синодальным периодом, тем более что сословие окончательно оформилось в XVIII–XIX веках. По той же переписи, лиц духовного христианского звания насчитывалось почти 600 тысяч. Интересно, что в исследованиях по социологии Сибири в начале XX века приведен средний состав семьи. Именно священники во главе списка, в два раза

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

опережая дворян и почти так же мещан. Несмотря на относительную малочисленность, а может быть, и благодаря этому, духовное сословие являлось, пожалуй, самым отстроенным.

Сословность предполагала наследование. Не только самого звания, но и профессии, образа жизни, воспитания необходимых навыков. Среди «белого духовенства» патриархальность быта, организованность, грамотность в семьях были нормой. Монастырская жизнь – еще строже и насыщенная молитвами и послушаниями. Неслучайно институт военных священников Русской армии комплектовался прежде всего монашествующими.

Корпорация не слишком жаловала пополнение со стороны. Хватало внутренних ресурсов. К тому же это не слишком привлекалось светскими властями. Еще при Петре I, который, как известно, относился к институту церкви неоднозначно, духовенство было освобождено от податей. Причем не только действующие священники, но и члены их семей. Правда, еще в 1706 году с приходов стали собирать «подможные» деньги – специальный сбор для содержания военных священников.

Подавляющее большинство служило в приходах. Россия была крестьянской страной, к концу XIX века 86 процентов населения – крестьянское сословие. Отсюда и огромное количество

Члены Святейшего Синода. Стоит первый слева обер-прокурор В.К. Саблер, сидит в центре митрополит Петроградский и Ладужский, священноархимандрит Свято-Троицкой Александро-Невской лавры Владимир. 7 мая 1915 года

приходов при сельских церквях. Далеко не всюду жизнь была безбедной. А штатный причт сельского прихода состоял из собственно иерея, диакона, дьячка, пономаря, сторожа и просфорницы. Коллектив, однако!

Особняком в иерархии стояли такие сословные группы, как военные и морские батюшки, придворный клир и служащие за рубежами Отечества. Чем занимались первые – понятно. Вторые служили в домовых церквях, расположенных во дворцах членов разрастающейся императорской семьи. Третьи занимались окормлением православных при посольствах и были прикреплены к МИДУ.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Игуменя Митрофания, в миру баронесса Прасковья Григорьевна Розен [1825–1899], деятель Русской православной церкви. В 1873 году Митрофания была обвинена в попытках мошеннически завладеть чужим имуществом. Под впечатлением и по мотивам громкого судебного процесса над ней А.Н. Островский написал пьесу «Волки и овцы»

Ф.Г. Солнцев. Крестьяне Ярославской губернии

КРЕСТЬЯНЕ

Лев Толстой: «Я пишу до сих пор только о князьях, графах, министрах, сенаторах и их детях и боюсь, что и вперед не будет других лиц в моей истории. Может быть, это нехорошо и не нравится публике; может быть, для нее интереснее и поучительнее история мужиков... со всем моим желанием иметь как можно больше читателей, я не могу угодить такому вкусу, по многим причинам.

...Потому, что памятники истории того времени, о котором я пишу, остались только в переписке и записках людей высшего круга грамотных; даже интересные и умные рассказы, которые мне удалось слышать, слышал я только от людей того же круга.

...Потому, что жизнь купцов, кучеров, семинаристов, каторжников и мужиков для меня представляется однообразною и скучною, и все действия этих людей мне представляются вытекающими, большей частью, из одних и тех же пружин: зависти к более счастливым сословиям, корыстолюбия и материальных страстей...

...Потому, что жизнь этих людей некрасива.

...Потому, что я никогда не мог понять, что думает будочник, стоя у будки, что думает и чувствует лавочник, зазывая купить помочи и галстуки, что думает семинарист, когда его ведет в сотый раз сечь розга-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Крестьяне деревни Большой Двор, основатели Торгового дома «И. и А. Барановы», Андрей Ефимович и Иван Ефимович Барановы, со священником. 1890-е годы

ми, и т.п. Я так же не могу понять этого, как и не могу понять того, что думает корова, когда ее доят, и что думает лошадь, когда везет бочку...

Крестьянство – самое большое сословие, которое начало формироваться в XIV–XV веках. В Киевской Руси людей, занимающихся трудом на земле, называли людьми, зависимых от князя или боярина – смердами. А вот в Судебнике 1497 года владельцы земельных наделов уже именуются крестьянами. Историю сословия можно разделить на несколько основных этапов. Свободные землепашцы и смерды постепенно попадали в полную зависимость от феодалов, так стало формироваться крепостное, или помещичье, крестьянство. В начале XVIII века появился термин «государственные крестьяне». Так называли всех трудившихся на казенных, удельных и монастырских землях.

Гражданство в крестьянском сословии содержит немало названий. Были «черносошные», сохранившие землю и относительную свободу до поры до времени; «дворовые», обслуживавшие барские дома и усадьбы; «посессионные», прикрепленные к фабрикам и заводам; «приписные», также работавшие в промышленности за освобождение от барщины и оброка; «безземельные»; «обязанные», то есть лично свободные, но без земли; «зачетные», получавшие от помещика плату. После секуляризации монастырских земель при Екатерине II крестьян, принадлежавших упраздненным обителям, перевели в ведение Коллегии экономии. Они стали называться «экономическими». Но самая экзотическая категория – «однодворцы». Бывшие служилые люди, защищавшие южные границы, после создания регулярной армии и

У избы деревенского старосты. 1900-е годы

корпуса пограничной стражи оказались невостребованными. Выходили в отставку, перебирались к земле поближе. И таких оказалось немало. В середине XIX века более миллиона. Так вот, однодворцы имели право приобретать крепостных. Однако воспользовались этим правом единицы. В собственности однодворцев было немногим более 10 тысяч человек. С XV века все крестьянское население, платившее подворный налог и выполнявшее государственную повинность (тягло), именовалось тяглым или тягловым. С введением подушного обложения в 1724 году категории тяглого крестьянства стали именовать податным населением. Казаки также являлись отдельным сословием, но сами считали себя субэтносом русского народа. В реальности их жизнь была связана с сельским хозяйством, как и у крестьянства. Казаки платили подати. Кардинальное отличие в том, что они еще и воинскую службу несли. Причем экипировку, оружие и коня приобретали за свой счет. Крестьянских рекрутов одевало и вооружало государство.

Крестьянин-пахарь. Фото А.С. Мазурина

КУПЦЫ

Александр Островский («Бесприданница»):

Гаврило: Посиди за самоваром поплотнее, поглотай часа два кипятку, так узнаешь. После шестого пота она, первая-то тоска, подступает... Расстанутся с чаем и выползут на бульвар раздышаться да разгуляться. Теперь чистая публика гуляет: вон Мокий Парменыч Кнуров проминает себя.

Иван: Он каждое утро бульвар-то меряет взад и вперед, точно по обещанию. И для чего это он себя так утруждает?

Гаврило: Для моциону.

Иван: А моцион-то для чего?

Гаврило: Для аппетита. А аппетит нужен ему для обеда. Какие обеды-то у него! Разве без моциону такой обед съешь?

Иван: Отчего это он все молчит?

Гаврило: «Молчит»! Чудак ты. Как же ты хочешь, чтоб он разговаривал, коли у него миллионы! С кем ему разговаривать? Есть человека два-три в городе, с ними он разговаривает, а больше не с кем; ну, он и молчит. Он и живет здесь не подолгу от этого от само-го; да и не жил бы, кабы не дела. А разговаривать он ездит в Москву, в Петербург да за границу, там ему просторнее...»

Лядя на могучее наследие классической литературы, можно подумать, что купцов было много. На самом деле сословие довольно малочисленно: в конце XIX века менее 300 тысяч. Самый маленький процент от общего числа населения. Объяснений тому несколько. Несмотря на очевидный консерватизм большинства носителей купеческого звания, сословие отличалось сильной «текучкой кадров». Далеко не все выбывали в миллионеры. Многие вступавшие в гильдии разорялись, особенно те, кто определялся в третью. К слову, вступить было не сложно. Продemonстрировать капитал – и все. Для третьей гильдии не менее 500 рублей, для второй – 1000, для первой – 10 тысяч. А вот удержаться было куда труднее. Покидали сословие и купеческие сыновья. Успех родителя гарантировал им хорошее образование и престижную службу в госуправлении. Все

Московский первой гильдии купец, почетный гражданин Александр Владимирович Третьяков с семейством. Фото К.А. Бергнера. Около 1855 года

лучше, чем следить за ценами на пшеницу. Другие отпрыски и не думали про карьеру. Проматывали отцовские денежки. Вон, Паратов из «Бесприданницы» так вел дела, что был вынужден продать последний пароход и жениться по расчету.

Купечество сословно образовалось только в начале XVIII века. До этого с древних времен торговые люди делились на две категории: «купцы» и «гости». Первые торговали у себя в городе, вторые – на чужих территориях. И те, и другие считались посадскими людьми, то есть, по сути, не отличались от мещан. Позже образовались три корпорации: «гости», «торговые люди гостинной сотни» и «торговые люди суконной сотни». Тогда, в конце XVI века, купечество в буквальном смысле исчислялось сотнями. Специализировались в основном на продуктах сельского хозяйства, зарабатывали капиталы на пушнине, меде и пеньке.

Постепенно с появлением промышленности интересы смести-

Самарский купец первой гильдии, потомственный почетный гражданин Антон Николаевич Шихобалов (1827–1908)

лись на внутренний рынок. При Петре I три корпорации были уничтожены, а вместо них силовым образом было организовано новое сословие – купечество. Вплоть до крестьянской реформы 1861 года оно не спешило меняться. Ни в торговле, ни в быту, ни численно. В грамоте нуждались далеко не все. В начале XIX века 20 процентов купцов в Красноярске читать не умели. В семьях царили жесткий патриархат и старшинство. Посещение церкви по воскресеньям было делом обязательным. Особенно у старообрядцев, которых среди сословия было в избытке.

Положение стало резко меняться при Александре II. Освобожденные крестьяне из тех, что побойчее, двинулись в города, стали заниматься торговлей. Несмотря на купеческие привилегии, активное участие в административных и политических процессах, удерживать ситуацию полностью под контролем стало невозможно. К тому же сословие стало терять лучших людей. Самые успешные уходили в бизнес, строили заводы и фабрики, овладевали биржей и банковским делом, поднимали в городах кварталы с доходными домами.

Отдельной строкой надо отметить сословие почетных граждан именно в этой главе. Оно подпитывалось в значительной части купечеством. Как и в дворянской иерархии, почетное гражданство могло быть личным и наследуемым. Кто мог стать почетным гражданином? Дворянам не надо, крестьянам не положено. Чиновники низших классов Табели о рангах, некоторые мещане, дети личных дворян и церковнослужителей и, конечно, купцы. Для всех перечисленных категорий важно было и то, что почетный гражданин освобождался от податей, рекрутирования и телесного наказания. Интересно, что в начале XX века почетных граждан оказалось значительно больше, чем представителей купеческого сословия. Хотя указ о создании сословия почетных граждан был подписан только в 1832 году.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

РАЗНОЧИНЦЫ

Федор Достоевский: «Прежде, например, слова «я ничего не понимаю» означали только глупость произносившего их; теперь же приносят великую честь. Стоит лишь произнести с открытым видом и с гордостью: «Я не понимаю религии, я ничего не понимаю в России, я ровно ничего не понимаю в искусстве» – и вы тотчас же ставите себя на отменную высоту. И это особенно выгодно, если вы в самом деле ничего не понимаете. Но этот упрощенный прием ничего не доказывает. В сущности, у нас каждый подозревает другого в глупости безо всякой задумчивости и безо всякого обратного вопроса на себя: «Да уж не я ли это глуп в самом деле?» Положение вседовольное, и, однако же, никто не доволен им, а все сердятся. Да и задумчивость в наше время почти невозможна: дорого стоит. Правда, покупают готовые идеи. Они продаются везде, даже даром; но даром-то еще дороже обходятся, и это уже начинают предчувствовать. В результате никакой выгоды и по-прежнему беспорядок. Пожалуй, мы тот же Китай, но только без его порядка. Мы едва лишь начинаем то, что в Китае уже оканчивается. Несомненно придем к тому же концу, но когда? Чтобы при-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

нять тысячу томов церемоний, с тем чтобы уже окончательно выиграть право ни о чем не задумываться, – нам надо прожить по крайней мере еще тысячелетие задумчивости. И что же – никто не хочет ускорить срок, потому что никто не хочет задумываться».

Такого сословия в России не было. Тем и любопытны разночинцы, что к ним относились все те граждане, кто не числился в каком-либо сословии. Иными словами, правильнее называть их категорией граждан. В нее входили маргиналы, без-

Н.А. Добролюбов
(1836–1861).

Гравированный
портрет

В.Е. Маковский.
Вечеринка.
1875–1897 годы

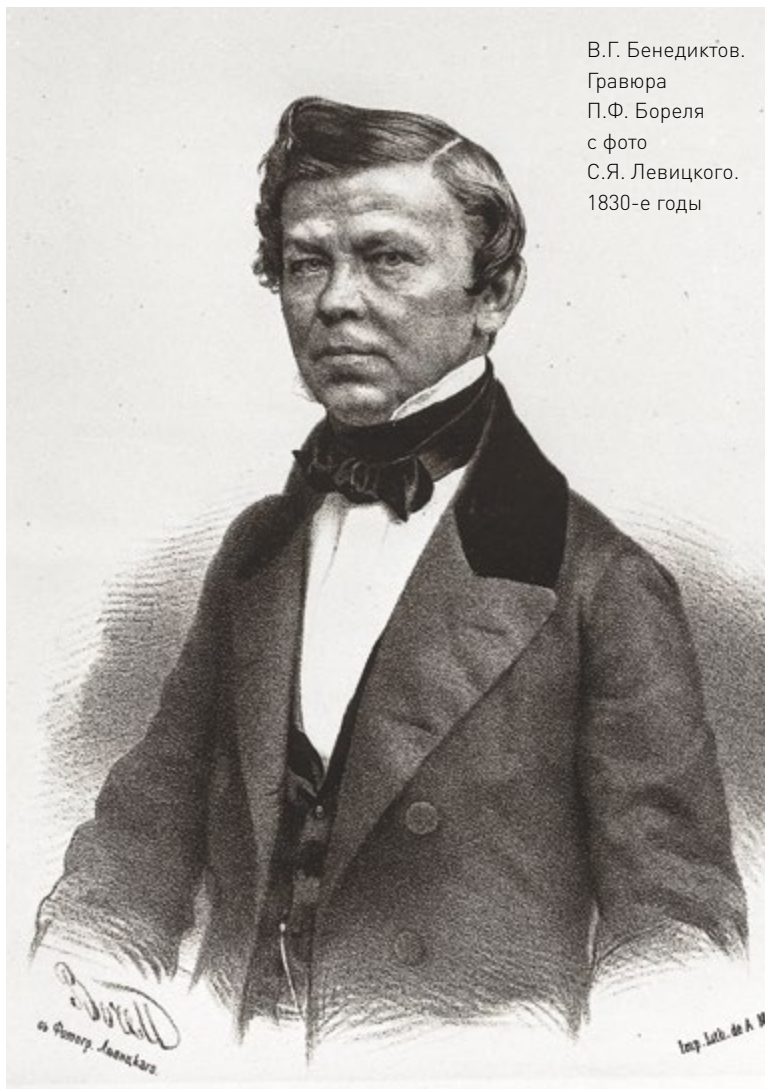
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

дельники и люди умственного труда, которых вскоре переименовали в интеллигентов. Что выглядит вполне логично. И разночинцы являлись межсословной прослойкой, и интеллигенция – межклассовой.

О том, что образованность и умственный труд не мешали быть маргинальным отрицателем всего, что угодно, свидетельствуют воспоминания литературного критика Александра Скабичевского. Он писал о том, что в редакцию журнала «Современник» заглянул сам Иван Тургенев. Увидев Николая Некрасова и Ивана Панаева, он тут же пригласил их на обед. А заодно пригласил и молодого Николая Добролюбова, причем довольно снисходительно. Тургенев ушел, а Добролюбов сообщил, что на обед к литературному генералу не пойдет. Повторное приглашение он также отверг. И дело было вовсе не в тоне мэтра, а в том, что какой-то старик Тургенев приглашает на бессмысленное мероприятие будущее русской литературы.

Выходец из семьи священника, выпускник семинарии Добролюбов был хрестоматийным типом бунтарски-умного крыла разночинцев. На другой стороне жили довольно тяжелой жизнью отставные прапорщики, вечные студенты и вчерашние мещане. Добролюбов умер в 25 лет от чахотки. Перед смертью почти год жил и лечился в Швейцарии, Германии, Франции и Италии. К этому времени литератор полностью осиротел. А вот доходный дом с флигелем в Нижнем Новгороде остался. Но это так, о революционных идеях и реальной жизни.

«А ты кто такой?» – интересовались друг у друга герои бессмертного «Золотого тельца» Михаил Паниковский и Шура Балаганов. В далекой уже империи на этот вопрос могло ответить подавляющее число граждан и подданных. В современном мире многим приходится долго искать ответ. ■

В. Г. Бенедиктов.
Гравюра
П. Ф. Бореля
с фото
С. Я. Левицкого.
1830-е годы

ФОСФОР В БЕШЕНОМ БЛИСТАНЬЕ

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ВЕРОЯТНО, ОН БЫЛ ПЕРВЫМ, КТО ПРИНЕС В РУССКУЮ ПОЭЗИЮ НАСТОЯЩИЙ ГЛАМУР – ХОТЯ В ТЕ ВРЕМЕНА И НЕ БЫЛО ТАКОГО СЛОВА. БЛЕСК, СВЕРКАНИЕ, ШОРОХ И ШЕЛЕСТ – ВСЕ ЭТО ИЗУМИЛО И ОБРАДОВАЛО ЕГО ПОКОЛЕНИЕ И ВЫЗВАЛО СКЕПТИЧЕСКУЮ УЛЫБКУ У СЛЕДУЮЩЕГО. А ПОТОМКИ ПЫТАЛИСЬ РАЗОБРАТЬСЯ: ОН – ПОЭТ ИЛИ ГРАФОМАН? ЭТО – СТИХИ ИЛИ ДЕШЕВЫЕ ПОДЕЛКИ?

ВНЕШНЯЯ СТОРОНА биографии Владимира Бенедиктова так скудна, что почти нечего рассказывать: родился, жил, служил, умер. Издал несколько поэтических сборников, дослужился до крупного чина, женат не был, хозяйство вела его сестра. Умер не то чтобы рано, но и не то чтобы поздно – в 65 лет. Такая жизнь, что не снимешь о ней кино, не напишешь романа. Петербургский чиновник, а не обитатель Парнаса. Его так и стали называть еще в XIX веке – поэтом-чиновником, обозначая этим обидным сочетанием несочетаемое: вдохновение и страсть с умеренностью и аккуратностью.

НА РАЗДОЛЬЯХ КАРЕЛИИ ДИКОЙ

Отец поэта, Григорий Степанович, был поповичем из Смоленской губернии. Он женился на дочери придворного кофешенка (по-нынешнему – бариста). Семья сначала жила в Петербурге, где в 1807 году родился Владимир. В 1812-м отец, тогда коллежский асессор, получил назначение в Петрозаводск советником губернского правления.

Детские годы Бенедиктова прошли на Русском Севере. «Я рос на раздольях Карелии дикой, // Над озером бурным, в угрюмом лесу», – писал он.

В 12 лет Владимир поступил в петрозаводскую Олонецкую гимназию. В ней было четыре класса: первые два – училище, а третий и четвертый – собственно гимназия; в них-то он и учился. Особенное влияние на мальчика имел учитель словесности Иван Яконовский. Бенедиктов вспоминал: «В гимназии с особенным вниманием и удовольствием слушал я уроки учителя Яконовского, который писал иногда и сам стихи для произнесения их ученикам при публичных ежегодных экзаменах, при домашних праздниках и разных других случаях. Способность писать стихи всегда казалась мне завидною

Петрозаводск. Общий вид города.
Конец XIX века

с самого раннего возраста, и сам неоднократно пробовал я детское перо свое, из-под которого не выходило ничего такого, чем бы мог быть, по тогдашним понятиям, сколько-нибудь доволен».

В 1821 году 14-летний Владимир окончил гимназию и уехал в Петербург – учиться во 2-м Кадетском корпусе, где пробыл шесть лет. Он продолжал писать стихи, но говорить о том, что учеба эта имела хоть какое-то влияние на его формирование как поэта, нельзя. Яков Полонский, близкий друг и биограф Бенедиктова, сожалел, что тот не учился в университете: «Мы говорим жаль, потому что нельзя писателю иметь влияние на своих современников,

если сам он в ранние годы ни разу не подчинялся никаким влияниям и не побеждал их собственным умом своим».

Окончив корпус первым по успехам, Бенедиктов был зачислен прапорщиком в лейб-гвардии Измайловский полк и через три года стал поручиком. Во время Польского восстания 1830–1831 годов полк был брошен на его усмирение, и Бенедиктов принял участие в нескольких стычках с вооруженными повстанцами, за что получил орден Святой Анны 4-й степени. Он написал тогда несколько стихотворений о походной жизни; стихи были известны его однополчанам, но не более того.

В 1832 году он вышел в отставку и поступил на службу в Министерство финансов, где со временем сделал хорошую карье-

2-й Кадетский корпус.
Санкт-Петербург

ру. Яков Полонский замечал по этому поводу: «Он не был тем гением, который, по словам Лермонтова, прикованный к канцелярскому столу, непременно бы с ума сошел. Обладая математическими способностями, памятью цифр и верностью счета, Бенедиктов не только мог спокойно служить в государственном банке, но и быть одним из лучших, ценимых начальством, чиновников».

В НЕОБЪЯТНЫХ НЕБЕСАХ

Еще интереснее то, что на досуге он занимался не только поэзией: он интересовался высшей математикой и астрономией. След увлечения астрономией мы находим во множестве его стихотворений, где часто встречаем изображения удивительной небесной механики. Даже в изображении таких далеких от астрономии предметов, как вальсирующая пара на балу: «Как над бездной океана, // Он летит в слоях тумана, // Весь обхваченный огнем. // В сфере радужного света // Сквозь хаос и огонь и дым // Мчится мрачная

Олонецкая мужская гимназия.
Петрозаводск

Репродукция картины «Польское восстание 1830 года. Столкновение восставших поляков с войсками на улице Медовой» художника Х. Дитриха

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

планета // С ясным спутником своим». Это его знаменитый «Вальс», где вроде бы ничего не происходит: пара просто танцует. Но в пламенном воображении Бенедиктова тур вальса потрясает основы мироздания и вовлекает в гибельное кружение все небесные сферы, все ангельские и демонические рати, всю «Коперника систему». На этом балу все блестит, сияет, рушится водопадами блеска – и при этом решительно ничего не происходит.

Бенедиктов – мастер описаний, но описывает он картину, а не сюжет, состояние, а не действие, и даже если на его картине скрежещут, вращаясь, небесные сферы и проносятся огненные метеоры – то они делают это всегда, регулярно, как фигурки на башенных часах, которые в полдень выезжают показывать представление. Бенедиктовский космизм, искреннее восхищение дивной небесной механикой никогда не достигают тютчевской или державинской глубины, никогда не поднимают сложных философских вопросов.

Мир Бенедиктова – постоянный, его стихи – о том, что бывает всегда. У его красавиц всегда кудрявые локоны и тре-

петная грудь; весной всегда бывает Пасха, а зимой – елка на Рождество; Земля всегда ходит вокруг Солнца, водопад всегда низвергается, река впадает в море, после бури небо проясняется... Лирический герой всегда любит грудь и кудрями красавицы, мечтает о страстных поцелуях, любит природой – но, даже когда он любит природой, стихийным бедствием или танцем, он и здесь замечает любовное томление, с которым огонь приносится к горящему зданию, а паркет изнашивается под ножкой красавицы.

Для описания мира у него есть стандартные романтические

Великосветский салон 1830-х годов. Акварель неизвестного художника

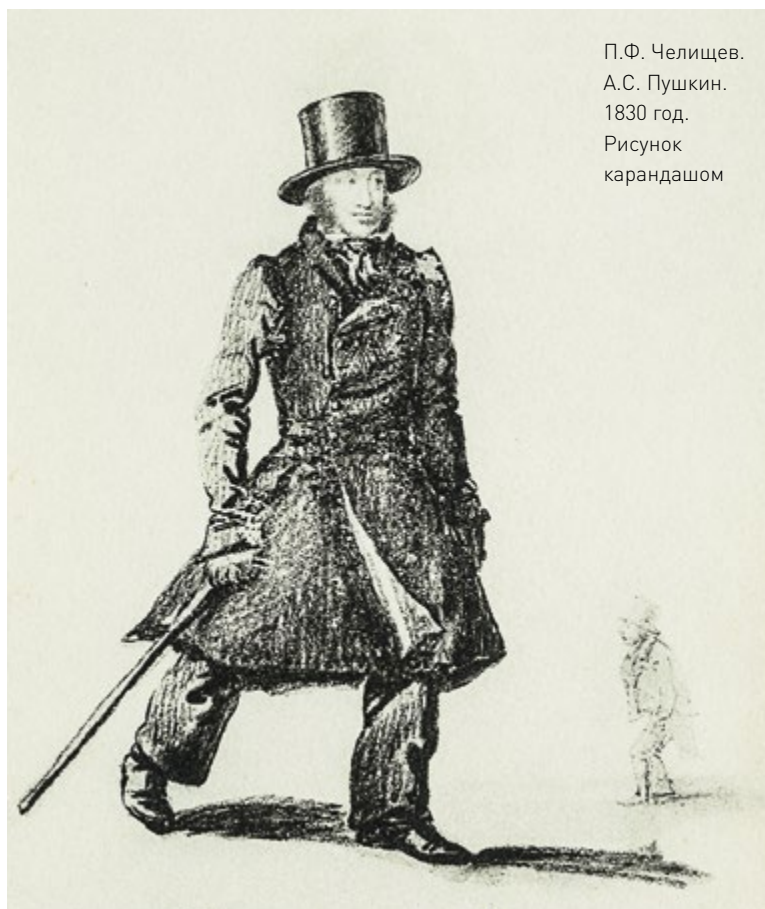
Титул и авантитул первого сборника стихотворений В.Г. Бенедиктова с его дарственной надписью К.И. Карлгофу

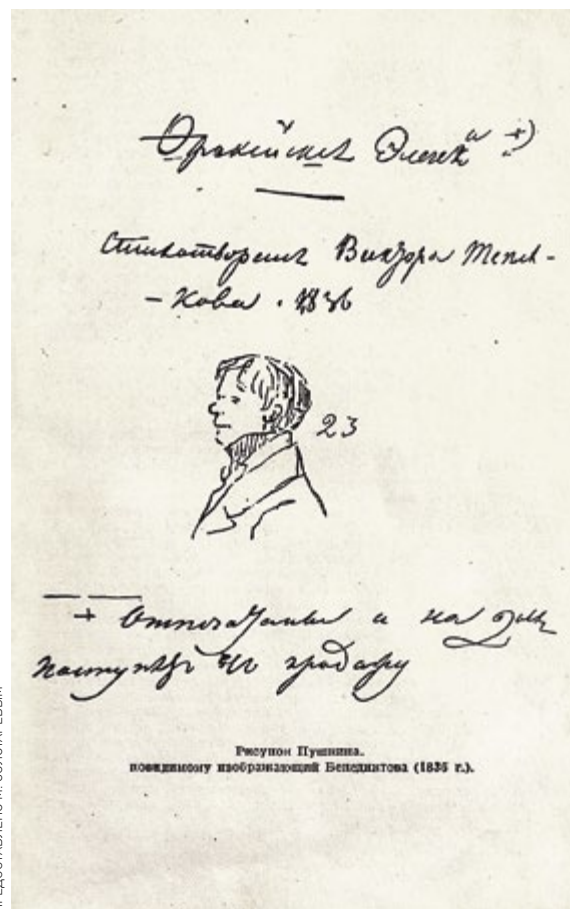
ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

образы: вот улыбки, а вот слезы; вот луч денницы, а вот мрак ночи – и соответствующие им клише. Вот из первого попавшегося стихотворения выпиываю навскидку: «безумная любовь», «мятежная кровь», «юношеский жар»... Буря – грозная, родина – святая, желание – страстное, весь арсенал, наработанный дворянской элегической поэзией. Но есть и свои слова – иногда настолько неожиданные, что они даже озадачивают читателя: утес хочот, когда молнии не удастся его разрушить, куст весной «обкинулся зеленью», море лежит «безрамной картиной»...

В литературу его ввел Вильгельм Карлгоф. Земляк Бенедиктова, он несколькими годами ранее окончил ту же Олонецкую гимназию и тот же 2-й Кадетский корпус, где служил воспитателем, когда будущий поэт там учился. Карлгоф делал военную карьеру, потом перешел на статскую службу помощником попечителя учебного округа сначала Киева, а потом Одессы. У него были некоторые писательские амбиции, а жена его, Елизавета Алексеевна, очень хотела держать литературный салон. В салоне этом бывали Воейков, Якубович, Панаев. Однажды Карлгофы дали ужин в честь приехавшего в Петербург Дениса Давыдова, и на этом ужине присутствовали Пушкин, Жуковский, Вяземский и Крылов. Елизавета Карлгоф вспоминала: «Мой муж, как и я, страстно любил поэзию и был увлечен стихами Бенедиктова; он носился с ними, как с неожиданно найденным сокровищем, прочитал их многим литераторам, которым они также чрезвычайно понравились <...> Несмотря на огромный успех, который имели в гостинных стихотворения Бенедиктова, он не решался печатать их, тем более что находился тогда в довольно стесненных обстоятельствах и не имел на это средств. Мой муж взялся напечатать на свой счет <...> Томик его сти-

П.Ф. Челищев.
А.С. Пушкин.
1830 год.
Рисунок
карандашом

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

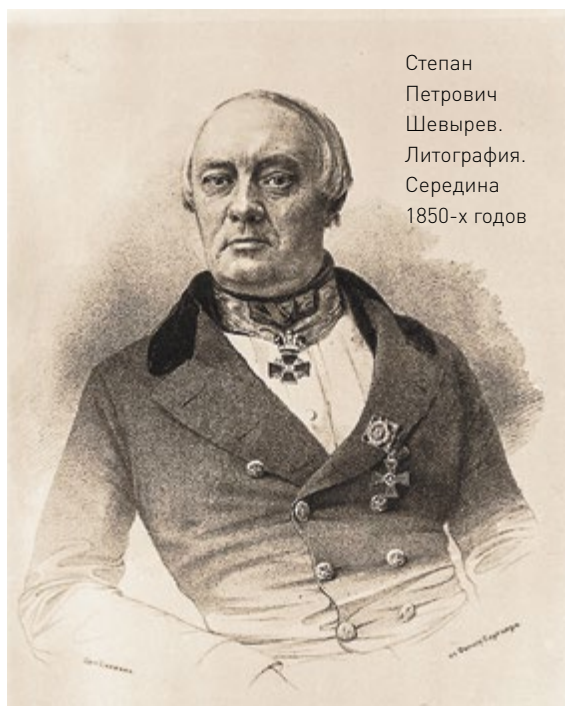
Рисунок Пушкина.
поэтическому изображению Бенедиктова (1835 г.).

хотворений скоро был раскуплен, и они имели необыкновенный успех. О них везде говорили, их клали на музыку, учили наизусть. Во всех журналах их расхвалили, только в Москве Белинский их отделал, на что я очень негодовала». Жуковский, которому стихи тоже очень понравились (есть свидетельство, что он бродил по царскосельскому саду и цитировал их наизусть), попросил Карлгофов свести его с автором. Бенедиктов стал появляться у Жуковского среди признанных литераторов, но оставался в этом кругу чужим. Князь Иван Гагарин, который любил стихи Бенедиктова, вспоминал: «Его тщедушная, неприятная, скажу – почти уродливая наружность, привычки военной дисциплины, которых несколько не умерило посещение света, заставляют держать его в отдалении от общества, с которым у него не может быть взаимных симпатий».

ПОЧИЩЕ ПУШКИНА-ТО БУДЕТ

Сборник стихотворений Бенедиктова вышел в 1835 году. Читатели восприняли его восторженно, некоторые даже ставили

Рисунок Пушкина, по-видимому изображающий Бенедиктова. 1836 год

Степан
Петрович
Шевырев.
Литография.
Середина
1850-х годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

талант автора выше пушкинского. Фет писал, что побегал в книжную лавку после того, как книгу Бенедиктова на лекции похвалил университетский преподаватель.

«– Что стоит Бенедиктов? – спросил я приказчика. – Пять рублей, – да и стоит. Этот почище Пушкина-то будет. Я заплатил деньги и бросился с книжкой домой, где целый вечер мы с Аполлоном <Григорьевым> с упоением завывали при ее чтении».

Декабрист Николай Бестужев писал из Сибири: «Откуда он взялся со своим зрелым талантом? У него, к счастью нашей настоящей литературы, мыслей побольше, нежели у Пушкина, а стихи звучат так же». Поэт и историк литературы Степан Шевырев опубликовал большую статью, где провозгласил Бенедиктова «поэтом мысли», чем озадачил большинство критиков своего времени и литературоведов последующего. Возможно, общее убеждение

в том, что «мыслей у него побольше, чем у Пушкина» связано с тем, что читающая публика охладела к Александру Сергеевичу после «Бориса Годунова», не знала и не понимала его исканий 30-х годов, а многие из его произведений этого времени еще просто не увидели свет. А вот с Шевыревым интереснее: в своей статье он выделял в русской литературе период «изящного материализма» – то есть первоначальный период создания поэтической формы, упоительного звучания (по сути, пушкинский период) – и противопоставлял ему новый период, когда в поэзии должна появиться мысль. И несомненную метафизическую составляющую в бенедиктовской поэзии принял за философскую глубину.

Перед Пушкиным Бенедиктов благоговел. Подарил ему свою книгу. Однажды собрался к нему с визитом, но встретил Пушкина по дороге; Пушкин вежливо поблагодарил за книгу и сказал: «У вас удивительные рифмы, ни у кого нет таких рифм». Бенедиктов, человек умный и трезвый, находил эту оценку его стихов иронической. Когда Пушкина кто-то спросил, что он думает о Бенедиктове, поэт хладнокровно ответил, что у него превосходно сравнение неба с опрокинутой чашей – и больше ничего не сказал. Рецензию на его книжку для «Современника» написать не успел, но собирался. Тем не менее легенда о Моцарте–Пушкине и Сальери–Бенедиктове в литературе все-таки сложилась, хотя ни врагами, ни антиподами они при жизни не были. Как полагает поэт и переводчик Григорий Кружков, биографический пушкинский миф требовал антипода (антиподом в полном смысле слова был Булгарин, но он не был поэтом) – бездарного поэта, которого толпа предпочла поэту истинному. На эту роль очень годился Бенедиктов, и заложником ее он стал на полтора века вперед.

В.Г. Бенедиктов.
Акварель
Н.А. Степанова.
1840-е годы

ПРОТИВ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА

Белинский обратил внимание на Бенедиктова после выхода его первой книги и сразу заметил, что «стихотворения г. Бенедиктова обнаруживают в нем человека со вкусом, человека, который умеет всему придать колорит поэзии; иногда обнаруживают превосходного версификатора, удачного описателя; но вместе с тем в них видна эта детскость силы, эта беспрестанная невыдержанность мысли, стиха, самого языка, которые обнаруживают отсутствие чувства, фантазии, а следовательно, и поэзии».

Первое, в чем Белинский упрекает Бенедиктова, – это поэти-

ческое косноязычие, нелогичность и даже прозаичность его поэтических образов: «дни, когда сверкали одни веселья», «чудная дева магнитными прелестями влекла к себе железные сердца», «конь понесет меня на молниях отчаянного бега», «струи времени возрастили мох забвения на развалинах любви», «сердце пляшет», «солнце сентябренное». Эти образы Белинский именует «вычурами», «гримами риторическими», «ошибками против языка и здравого смысла», которые «только в одной персидской поэзии могут составлять красоту».

Второй грех, который Белинский находит у Бенедиктова, – это описательность: «прекрасные формы, которым недостает души». Некоторые стихотворения Бенедиктова Белинский именует «милыми поэтическими игрушками», другим, таким, как ее знаменитая «Наездница» с ее очевидным эротическим подтекстом, категорически отказывает даже в праве быть напечатанными по причине неблагопристойности. Подтекст в этом стихотворении, надо сказать, в глаза все-таки не бросается – скорее уж, в самом деле, когда читаешь стихи про «властелинку над статным животным» (несомненно, хихикнув над «усестом красивым и плотным»), вспоминаешь все-таки брюлловскую одноименную картину, а не что-нибудь неблагопристойное:

Люблю я Матильду,
когда амазонкой
Она воцарится над дамским
седлом,
И держат повод упрямой ручонкой,
И действует буйно визгливым
хлыстом.
Гордяся усестом красивым
и плотным,
Из резвых очей рассыпая огонь,
Она – властелинка над статным
животным,
И деве покорен неистовый конь, –
Скрежещет об сталь
сокрушительным зубом,
И млечная пена свивается клубом,
И шея крутится упорным
кольцом.

Виссарион
Григорьевич
Белинский
(1810–1848).
Гравюра
с портрета,
рисованного
Е.А. Языковой.
1848 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Конечно, отсюда, от Бенедиктова, берет начало совсем новая поэтическая традиция, которая через то самое косноязычие, нелогичность и прозаичность приводит к большой поэзии – через пародию, через превращение «ошибок против языка и здравого смысла» в прием. И тень бенедиктовской наездницы мы можем различить и в бессмертных виршах капитана Лебядкина («О, как мила она, // Елизавета Тушина, // Когда с родственником на дамском седле летает. // А локон ее с ветрами играет...»), и в «Движении» Заболоцкого, где конь уже «руками машет».

Это и есть траектория развития бенедиктовской линии – от державинского космизма – через пародию, через Козьму Пруtkова, для которого поэзия Бенедиктова стала основным источником, через капитана Лебядкина – к новым языковым и смысловым возможностям обэриутов. Бенедиктов делал много такого, что в его поколении казалось неприемлемым. Это объяснялось его литературной необразованностью и отсутствием поэтической культуры. Это и его странные, непоэтические образы, и снижение высокого, и возвышение незначущего. Ходасевич в своей статье о стихах капитана Лебядкина говорит: Козьма Пруtkов смешон тем, что в самых высоких выражениях описывает самое ничтожное, капитан Лебядкин – тем, что для самых вы-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Портрет Козьмы
Пруtkова

соких чувств находит ничтожную, глупую форму. Бенедиктов грешен и тем, и другим: для изображения объектов вполне обыкновенных он избирает самые бурнопламенные метафоры – и черные глаза возлюбленной закипают смолой, «и тропическая буря дышит пламенем с чела», и взгляд ее – не просто взгляд, а «фосфор в бешеном блистанье». С другой стороны, изображая предметы в высшей степени поэтические, он вдруг сравнивает их с чем-нибудь будничным – например, снега крымского Чатырдага уподобляет чаше мороженого в жаркую погоду.

Бенедиктов создал множество неологизмов, Яков Полонский собрал целый список таких слов – их примерно 140. Среди них «льдищность», «нетоптатель»,

«льдоребрый», «чужеречить», «яичность», «громоглагольный», «стопобедный»... Оценивали эти его эксперименты по-разному: скажем, литературовед Николай Лернер называет их безвкусыми, а критик Юлий Айхенвальд замечает, что они демонстрируют присущее Бенедиктову живое чувство языка – и показывают богатые возможности этого языка.

Позднее по этому пути прошли Бальмонт и Северянин, в чьих устах русский язык зазвучал изящно – изысканно – сладкозвучно – часто не в меру, до пустозвонности. А у Северянина и до откровенной галантерейности – словечко, из всех русских поэтов, пожалуй, впервые примененное филологами именно к Бенедиктову.

В одном из своих программных стихотворений Бенедиктов советует поэту: «Чтоб выразить таинственные муки, // Чтоб сердца огонь в словах твоих изник, – // Изобретай неслыханные звуки, // Выдумывай неведомый язык».

О своей музе он говорит, что она гремит литаврами и бубнами созвучий, что люди ее осуждают за «нескромность буйную», прихотливость не в меру блестящего убора – но оправдывает ее: «Ты от природы так красна была, – и цельный // Кудрявый локон был твой локон неподдельный...» Кудри – фирменный знак Бенедиктова, его самое знаменитое стихотворение, спародированное от лица Козьмы Пруtkова («Шея девы – наслаждение, шея – снег, змея, нарцисс...»). Но тем и удивителен Бенедиктов, что он почти не поддается пародии: это с блеском продемонстрировал в своей статье Николай Чернышевский, процитировав в ряд несколько стихотворений Бенедиктова и несколько пародий на них; отличить пародию от оригинала в самом деле невозможно. Эта автопародийность Бенедиктова, в стихах которого невозможно провести границу между сознательным и бессознательным нарушением законов хорошего вкуса, – тоже начало дороги, уводящей в будущее, к экспериментам обэриутов.

Стихотворение
В. Г. Бенедиктова
в книге
«Сто русских
литераторов».
Том 3. Издание
А. Ф. Смирдина.
1845 год

ПОСЛЕ МОЛЧАНИЯ

Конечно, Алексей Толстой и братья Жемчужниковы, создавая в начале 1850-х годов литературную маску Козьмы Пруtkова, метили прямо в Бенедиктова: в биографию Пруtkова были вписаны и два года военной службы, и Министерство финансов.

Бенедиктов в 1837 году стал секретарем министра финансов Канкрин, а в последние годы перед отставкой он занимал должность члена правления Государственного банка.

Вторая книга стихов Бенедиктова вышла в 1838 году огромным по тем временам тиражом в 3 тысячи экземпляров – и сразу была раскуплена.

Белинский откликнулся на нее более краткой и куда менее благожелательной статьей, где повторил те же упреки. Иван Тургенев вспоминал, что, прочитав, как Белинский критикует Бенедиктова, «воспылал негодованием», но позже признал его правоту и остыл к прежде любимому поэту. Собственно, то же случилось и со всей читающей публикой. Да и в литературе задули совсем иные ветры – и Бенедиктов казался уже безнадежно устаревшим.

Охлаждение публики Бенедиктов переносил так же спокойно, как и свою звонкую славу. В течение целого десятилетия он публиковал одно-два стихотворения в год, а в 1850–1852 годах не публиковал совсем ничего. Дело, однако, не в том, что он утратил способность писать стихи, а в том, что журналы практически перестали их печатать: публику интересовала проза. К тому же пик бенедиктовского молчания пришелся на «мрачное семилетие», последние годы царствования Николая I – годы, о которых он позднее сказал:

*Ты ж, Русь... Творец к тебе
был гневен;*

Была мертва ты тридцать лет...

Он продолжал писать, хотя и не печатался. За годы отсут-

В.С. Садовников.
Здание
Министерства
финансов,
в котором служил
В.Г. Бенедиктов.
Литография
1830-х годов

ствия на публике он, пожалуй, совершенно разочаровался в громе литавр и бубнов. Некоторые стихотворения этих лет вообще кажутся не принадлежащими ему.

С 1855 года Бенедиктова вновь стали охотно печатать в журналах. Но читатели его не узнали. Многие не хотели верить, что раскованный, живой неподцензурный перевод «Собачьего пира» Барбье сделал

тот самый Бенедиктов, певец кудрей.

Бенедиктов опубликовал несколько стихотворений, в которых выражал надежды на лучшее и связывал их с фигурой нового царя. В его стихах появились социальные мотивы – и советское литературоведение совершенно напрасно расценивало это как попытку перекуситься, следовать моде; и ощущение духоты, и стремление к свободе – это не дань моде, а почти физические ощущения и желания. Современники не видели в удивительных бенедиктовских переменах никакой мимикрии – это было общим настроением.

Бенедиктов ищет себя, экспериментирует с лексикой, мелодикой, интонацией. Например, «Горемычная» по звучанию почти совершенно некрасовская, да и по содержанию (жена ждет мужа-игрока домой, а он заигрался и не идет) – тоже. Это тем более удивительно, что в своем первом сборнике, «Мечты и звуки», Некрасов безудержно подражал Бенедиктову; потом, когда его собственный поэтический голос уже окреп, находил у Бенедиктова «непостижимое сочетание даро-

Егор Францевич Канкрин (1774–1845),
в 1823–1844 годах – министр финансов

вания (не подверженного ни малейшему сомнению) с невероятным отсутствием вкуса». Впрочем, история отношений Некрасова и Бенедиктова длиннее и сложнее: взаимный интерес, взаимное недоверие, взаимные претензии.

Молодежь восхищалась стихотворением Бенедиктова «К новому поколению» с поразительным рефреном «Шагайте через нас»:

*Шагайте через нас! Вперед!
Прибавьте шагу!
Дай бог вам добрый путь!
Спешите! Дорог час.
Отчизны, милой нам,
ко счастью, ко благу
Шагайте через нас!
<...>*

И если мы порой
на старине с упорством
Стоим и на ходу задерживаем вас
Своим болезненным,
тупым противоборством –
Шагайте через нас!

В это время он написал несколько замечательных стихотворений, среди которых сатирическое и до сих пор актуальное «Вход воспрещается» и басня «Мысль», где Мысль идет по свету, а ее встречает Кулак и собирается ее пришибить...

В 1858 году он вышел в отставку. Занялся переводами Шиллера и Шекспира, Гюго, перевел почти всего Мицкевича (правда, этот труд так и остался неизданным). Пере-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

водчиком он оказался прекрасным – добросовестным, чутким, тонко чувствующим оригинал.

Но не социальная лирика и не переводы самое интересное в позднем Бенедиктове. Именно сейчас в нем вдруг проснулся умный, печальный и

В.Г. Бенедиктов.
Фото 1860-х годов из альбома А.М. Скабичевского

ироничный поэт. И любовная его лирика, лишенная пышных блесков и грома, становится совсем другой – живой и простой. А в лучших стихах возникает очень человеческое, живое ощущение стоически выносимой боли. Такова его поразительная «Бессонница»: «Что-то холодное, скользкое, голое // Тяжко на грудь мне легло: // Прочь – И как вползшую с ядом, отравую // Дерзкую, злую змею, // Сбросил, смахнул я рукой своей правою // Левую руку свою...» Таково одно из последних его стихотворений:

*Ну вот – всё ладится,
идет всё понемногу
Вперед. Надежда есть:
жить будем, слава богу!
Вот и устроились! – И светлый
день блестит
В грядущем... Поглядишь –
и рухнет всё мгновенно,
И всё, что строил ты так долго,
постепенно,
В один прекрасный день
всё к черту полетит!*

Он умер в 1873 году. И нельзя сказать, что он не стал тем поэтом, которым должен был стать, не реализовал себя. Полонский даже специально заметил: «На Бенедиктова мы смотрим, каким он был, и не обязаны смотреть как на человека, каким он мог бы быть при других обстоятельствах или при иных душевных и телесных качествах». Но ощущение даром потраченной жизни не оставляло его. Да и читателя не оставляет какая-то горькая обида за талант, которому вроде бы ничего не мешало, а вот как-то не сложилось. «Поэт перехода, поэт потерянных возможностей», – сказал о нем Григорий Кружков.

Многое из того, что он пытался сделать, но не сделал – то ли образования не хватило, то ли культуры, то ли уверенности в своей правоте, то ли свободного времени, – сделали только в XX веке. Но он – смешной, слишком громкий, слишком пышный – все равно был первым. ■

Н.Ф. Щербина,
Н.М. Львов,
А.Н. Майков,
И.И. Лажечников,
В.Г. Бенедиктов,
Ф.Н. Глинка.
Литография
«Русские писатели»
для «Русского художественного листка»
В.Ф. Тимма
(№7 за 1858 год)

Петр Козлов
после
возвращения
из своей
первой
экспедиции,
1883–1885
годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«СЧАСТЛИВАЯ ЗВЕЗДОЧКА» ПЕТРА КОЗЛОВА

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ ОН ПРОВЕЛ В ЭКСПЕДИЦИЯХ ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ. ОТЫСКАЛ В ПЕСКАХ ГОБИ ЛЕГЕНДАРНЫЙ ЗАТЕРЯННЫЙ ГОРОД ХАРА-ХОТО, СОВЕРШИВ ОДНУ ИЗ САМЫХ МАСШТАБНЫХ НАХОДОК В ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ, РЕШАЛ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ С ДАЛАЙ-ЛАМОЙ... КАЖЕТСЯ, УДАЧА БЛАГОВОЛИЛА ЕМУ ВСЕГДА И ВЕЗДЕ...

В АВТОБИОГРАФИИ, НАПИСАННОЙ В 1927 ГОДУ, ПЕТР КУЗЬМИЧ КОЗЛОВ, КОТОРОМУ СТУКНУЛО УЖЕ 64 ГОДА, ВСПОМИНАЛ, ЧТО С ОТРОЧЕСКИХ ЛЕТ ИМ ВЛАДЕЛА МЕЧТА «О сво-

бодной страннической жизни». Видимо, этому способствовало занятие отца – перегон скота, в котором с детства участвовал и Петр. Отец «любил в своем деле эту постоянную смену мест, – писал

Петр Козлов, – и жизнь на вольном воздухе. По-своему, наивно и просто, он рассказывал свои впечатления в кругу нашей скромной семьи, где всегда видел сочувствие и отклик моей матери».

Петр родился в небольшом уездном городе Духовщина Смоленской губернии 15 октября 1863 года. В 12 лет мальчик поступил в Духовищенское городское училище. В те же годы состоялся его «археологический дебют»: с приятелем он раскопал курган и принес найденные артефакты в школу. За что тут же получил суровый выговор.

МЕЧТЫ О ТИБЕТЕ

В 1878 году юный Петр Козлов устроился на работу на винокуренный завод в поселке Слобода, что в 60 километрах от Духовщины. В свободное время готовился к поступлению в Виленский учительский институт, с увлечением читал книги о путешествиях Николая Пржевальского. И что бы вы думали? Вдруг сам Пржевальский приезжает в Слободу и решает купить по соседству имение! Совпадение? А вот вам еще одно. Как-то вечером Козлов гулял по саду, предаваясь мечтам о странствиях в Азии, да так увлекся, что не заметил обратившего на него внимание... Пржевальского! «О чем вы сейчас так глубоко задумались?» – спросил его Николай Михайлович. «О том, что в далеком Тибете эти звезды должны казаться еще гораздо ярче, чем здесь...» – ответил Петр Козлов. Пржевальский пригласил родственную душу к себе в гости – побеседовать. Вскоре юноша готовился отправиться в очередную центрально-азиатскую экспедицию Пржевальского! Для этого ему пришлось сдать экзамен за шесть классов в Смоленском реальном училище и поступить вольноопределяющимся в 2-й Софийский пехотный полк в Москве – Николай Михайлович брал в экспедиции только военных.

Экспедиция 1883–1885 годов проходила в самых суровых условиях северного Тибета. Она основательно закалила молодого путешественника. Там же со-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Участники 4-й Центральноазиатской экспедиции. На переднем плане сидят: П.К. Козлов, Н.М. Пржевальский и В.И. Роборовский

стоялось боевое крещение Петра Козлова: он героически отбил атаку кочевников, многократно превосходивших по численности боевой отряд экспедиции. За что впоследствии получил Георгиевский крест. И как тут не вспомнить о природной фортуне Козлова? Ведь по его собственному признанию, в то время он «совершенно не умел стрелять»! Удача, как писал Вергилий, благоволит храбрым.

ПРЕЕМНИК ПРЖЕВАЛЬСКОГО

После экспедиции Петр Кузьмич переехал в Петербург, где окончил пехотное юнкерское училище. Смерть Пржевальского в 1888 году на озере Иссык-Куль стала для Козлова потрясением. И заставила задуматься о преемственности: «Я сразу понял, что отныне остаюсь один и должен свято хранить заветы своего учителя». Позже Козлов принял участие еще в двух центральноазиатских экспедициях, в перерывах между которыми занимался изучением естественных наук, этнографии и астрономии. А в 1891 году он женился на Надежде Степановне Камыниной. В 1899 году Русское географическое общество (РГО) назначило Петра Козлова руководителем

Монголо-Камской экспедиции. Область Кам на востоке Тибета была почти не изучена. Петр Кузьмич стремился идти и далее – к заветной мечте многих путешественников, запретной для иностранцев столице Тибета Лхасе. Однако путь исследователям вглубь страны преградили вооруженный отряд тибетцев. Тем не менее экспедиция оказалась успешной: были нанесены на карту горные хребты, собрано множество географических, этнографических, исторических сведений, сделано около 200 фотоснимков; привезено 1200 экземпляров горных пород, свыше 30 тысяч экземпляров растений, зоологическая коллекция состояла из 300 шкур млекопитающих, 10 скелетов, 1500 образцов птиц, 500 экземпляров рыб и пресмыкающихся, 30 тысяч насекомых. В 1902 году по итогам экспедиции Петр Козлов получил высшую награду РГО – Константиновскую золотую медаль.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Далай-лама XIII Тхуптэн Гьяцб, выдающийся реформатор, правивший Тибетом в 1895–1933 годах

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРИЗРАК ПУСТЫНИ

Русские исследования Центральной Азии в XIX–XX веках проходили на фоне политического соперничества с Британской империей в регионе, они были частью этой борьбы, получившей многозначительное название «Большая игра». В 1904 году англичане совершили вооруженное вторжение в Тибет и вошли в Лхасу. Верховный правитель Тибета далай-лама XIII Тхуптэн Гьяцб бежал в столицу Монголии Ургу – современный Улан-Батор. В 1905 году Петр Козлов был направлен в Ургу, где успешно провел переговоры с далай-ламой и подружился с ним. Козлов договорился сопроводить правителя Тибета в Лхасу под «русским конвоем», но в последний момент в Петербурге отказались от такого смелого предприятия. В конце мая 1907 года совет РГО одобрил очередную экспедицию Козлова – Монголо-Сычуаньскую. Проект поддержал император Николай II, который пригласил исследователя на аудиенцию в Петергоф и даровал 5 тысяч рублей на расходы экспедиции. А в июне Петр Кузьмич получил письмо от своего друга и участника предыдущей экспедиции, Цогто Бадмажапова. Казак-бурят в то время работал представителем русской торговой фирмы в Китае, совершал деловые поездки через пустыню Гоби. Бадмажапов писал, что неподалеку от долины Эдзин-Гол в центральной Гоби сделал «весьма интересное открытие» – полузасыпанный песками город

Хара-Хото. Увидел он башни города, сбившись с пути во время песчаной бури. Среди руин он остановился на сутки, делал фотографии, записи, подробно зафиксировал путь в Хара-Хото. К письму Бадмажапов приложил снимки города, просил показать их вице-председателю РГО Петру Семенову-Тянь-Шанскому, а также сообщить ему, что собирается написать о находке «маленькую брошюру» и отправить ее в РГО.

О городе-призраке в песках Эдзин-Гола русские путешественники давно были наслышаны от местных кочевников. Правда, те старательно скрывали его местонахождение от чужестранцев. Затерянный город лежал на пути экспедиций Григория Потанина в 1886 году и Владимира Обручева в 1893 году, но проводники провели исследователей в обход развалин. Козлов загорелся идеей посещения Хара-Хото, тем более что для этого нужно было совсем немного отклониться от маршрута экспедиции.

«СТОИЛО ТОЛЬКО КОПНУТЬ...»

В конце декабря 1907 года экспедиция стартовала из приграничной Кяхты. Далее через Ургу на юг – в бескрайние просторы Гоби. Перепады погоды были трудны: на Новый, 1908 год стоял мороз минус 47 градусов, а, когда в начале марта Козлов подходил к Хара-Хото, днем солнце раскаляло воздух до плюс 43 градусов. Мертвый город в пустыне представлял собой грандиозное зрелище. Крепостные стены обрисовывали ориентированный по сторонам света прямоугольник 440 на 360 метров. Всюду возвышались субурганы, или на санскрите «ступы» – буддийские культовые сооружения. Городские постройки были засыпаны песком. «Стоило копнуть любой закругленный холмик дома, – писал в своем дневнике Козлов, – как за сухой землей вскоре обнаруживались солома, циновки, устои дерева и проч. <...> мы не могли уравниваться – брались за одно, за другое, за третье; жадно схватывали то один найденный предмет,

Участники Монголо-Сычуаньской экспедиции. П.К. Козлов в первом ряду в второй справа

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

то другой. <...> К вечеру наша палатка уже представляла маленький музей, малое собрание предметов Хара-Хото...».

Конечно, по современным меркам «раскопки» это назвать сложно. Козлов писал: «Мы копали, рыли, ломали, рушили... Не забуду той счастливой минуты, когда я взошел с кайлом на вершину развалины №1 и после нескольких ударов увидел рукописи, бурхана (иконопись) и прочее».

Местные кочевники сами почти не раскапывали Хара-Хото из-за боязни злых духов. Только самые храбрые отваживались искать здесь удачу. Козлову рассказывали, как одна женщина нашла в мертвом городе драгоценное ожерелье, за которое проходивший караван отдал все, что у них было.

Раскопки длились четыре дня. Самые интересные находки – рукописи, писанные, как полагал Козлов, китайскими иероглифами; буддийская иконография, бумажные ассигнации – были направлены вместе с донесением в РГО, а исследователи продолжили идти своим маршрутом.

Привезенные из Хара-Хото рукописи на тангутском, китайском, уйгурском языках

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

В ТИБЕТ К ДАЛАЙ-ЛАМЕ

В Динъюаньине (ныне Баян-Хото, КНР) экспедиция остановилась в доме Цогто Бадмажапова, где смогла упорядочить найденное в Хара-Хото и хорошо отдохнуть. Бадмажапов по духу был любознательный путешественник и снабжал Козлова всевозможной информацией. Его дом в Урге много лет принимал русских путешественников и монголоведов. Символично, что в этом доме сейчас располагается Музей истории и реконструкции Улан-Батора.

Экспедиция дошла до северных окраин Тибетского нагорья, посетила озеро Кукунор, оазис Гуйдуй, а в монастыре Гумбум Козлов снова встретился с далай-ламой. Чтобы не провоцировать англичан, он говорил с правителем Тибета не как уполномоченный Российской империи, а как представитель РГО. Далай-лама интересовался найденными в Хара-Хото древностями и пригласил Козлова посетить Лхасу, надеясь на «дружеские отношения» с Россией и продолжение исследований его страны русскими учеными. Козлов задержался в монастыре на две недели. Официально – чтобы учить фотографии юношу по имени Намган. Учил, видимо, не только фотографии. Через четыре года Намган станет военным министром независимого Тибета.

В оазис Гуйдуй Бадмажапов привез Козлову корреспонденцию из Петербурга. Из РГО сообщали, что присланные Козловым рукописи «на неведомом языке», денежные ассигнации – древнейшие бумажные деньги монгольской династии Юань – редчайшие экземпляры. Хара-Хото специалисты считали столицей тангутского царства Си Ся, о котором было известно лишь то, что оно существовало в XI–XIII веках. Совет РГО предложил свернуть дальнейший план экспедиции и возвращаться в Хара-Хото. «Не жалейте ни времени, ни средств на дальнейшие раскопки», – призывали Козлова в письме.

На обратном пути на экспедицию напали тангуты. Некий тангутский князь поначалу гостеприимно принял Козлова, угощал тибетским чаем с солью и маслом яка, печеньями, жареными на бараньем жире. Однако после решил перебить русских, чтобы завладеть их оружием. Глубокой ночью на лагерь исследователей напали двое всадников. Часовой был начеку, выстрелами отогнал нападавших и поднял боевую тревогу. Едва участники экспедиции успели занять оборону, как на лагерь обрушилось около сотни кочевников. Завязалась перестрелка. Нападавшие развернули коней и унеслись прочь. «Не стой мы в полной боевой готовности навстречу этому грозному урагану, – вспоминал Петр Козлов, – ничто не спасло бы нас от стремительности разбойников – их пик и сабель... Но Бог судил иначе. И как мне не верить в мою путеводную счастливую звездочку!»

Несмотря на миролюбивость буддизма, в те времена в Тибете царили жестокие порядки. Иностранцам, проникавшим в Лхасу, отрубали головы, на окраинах Тибета путешественники подвергались нападениям. В 1901 году на экспедицию Козлова устроил засаду сам лама монастыря Мэнчжигомба.

Паломники
у ворот
монастыря
Гумбум.
Фото
П.К. Козлова.
1909 год

«Дорогой
субурган»
до раскопок
и после.
Крупную
скульптуру
пришлось
оставить
на месте

«ДОРОГОЙ СУБУРГАН»

Экспедиция вернулась в Хара-Хото 23 мая 1909 года. Работа летом в пустыне давалась тяжело. «Мы просыпались с зарей и в сравнительной прохладе вели свои работы, – вспоминал Козлов, – днем отдыхали, а то и пуще – томились от изнурительного жара, так как в тени воздух нагревался до 37°C с лишком, а земная поверхность накалялась солнцем свыше 60°C... Нет ни ручейка, ни колодца, который мог бы хоть чуть-чуть освежить». Чего-то принципиально нового не попадалось, энтузиазм в адском зное испарялся. Тогда Козлов предложил обследовать субурганы за пределами города. И снова удача!

Намган, будущий военный министр
Тибета

Вообще-то субурганы либо совсем не имеют внутреннего помещения, либо оно ограниченное и пустое; иногда в них погребают выдающихся лам. Субурган же, приглянувшийся Козлову, оказался... тайником. Он был буквально набит рукописями и книгами – всего более 6 тысяч экземпляров, буддийской иконографией и скульптурой – все в превосходной сохранности. В своем дневнике Козлов записал: «Счастье вручило мне дорогой субурган!»

Находок было такое количество, что караван просто не мог все увезти. Петр Кузьмич решил оставить часть найденного на месте, полагая снарядить еще одну экспедицию в Хара-Хото.

**СЛАВА
И «НЕТАКТИЧНОСТЬ»**

Еще до того, как путешественники вернулись на родину, российские и зарубежные издания прославили Петра Козлова и его открытие. В Петербурге РГО устроило в честь Козлова торжественный прием, а в начале 1910 года организовало выставку находок из Хара-Хото, длившуюся три месяца и имевшую огромный успех. Уже тогда было ясно, что Петр Козлов совершил одно из крупнейших открытий мировой археологии, а по количеству найденных рукописей и живописи находке не было равных.

Козлов получил чин полковника Генерального штаба, был избран почетным членом РГО, награжден золотыми медалями Лондонского и Итальянского географических обществ, отмечен Французской академией наук и другими европейскими научными институтами и организациями.

При этом о роли Цогто Бадмажапова в открытии нигде не говорилось ни слова. Это возмутило бурятского казака, и он обратился в РГО за справедливостью. В ответ общество выразило свое «неудовольствие» и обвинило бурята в «нетактичности». Тогда Бадмажапов написал Козлову, что будет добиваться своего, писать во все газеты относительно предоставленных в РГО сведений о Хара-Хото. Тем более что свою «брошюру» об открытии мертвого города с приложением фотографий он, как и намеревался, отправил в РГО. В ответ Петр Кузьмич советовал не поднимать скандала и объяснил, почему открытие Бадмажапова не опубликовали. Сообщением могли воспользоваться иностранные экспедиции, находившиеся тогда в регионе, и первыми произвести раскопки в Хара-Хото.

По протекции Козлова, Бадмажапов получил орден Святой Анны, РГО наградило его серебряной медалью, Генштаб произвел казака в офицеры. На том скандал был замят. Объясняя, почему открытие Бадмажапова

Современные Козлову тангуты – кочевники, забывшие язык предков, ассимилированные монголами и китайцами

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

не предали огласке, Козлов приводит веские основания. Но отчего в своих последующих воспоминаниях об экспедиции Петр Кузьмич нигде не упоминает, что он шел к мертвому городу по сведениям своего друга-бурята? По этой причине до недавнего времени о первооткрывателе Хара-Хото не было известно ничего. И только в 1980-е годы был найден дневник Бадмажапова и изучена его переписка с Козловым.

«ЖЕМЧУЖИНА В РУКЕ»

Большая часть находок, сделанных в Хара-Хото, сейчас хранится в Государственном Эрмитаже. Их исследование и дешифровка тангутского языка растянулись на многие годы. Сам Козлов не дожил до тех дней, когда появилась ясная картина жизни погибшего города.

Хара-Хото был не столицей тангутов, а важным форпостом в центре оазиса на берегу реки Эдзин-Гол. Город называли «Эдзи-

на» – под этим же именем он фигурирует у Марко Поло в «Книге чудес света». Армия Чингисхана взяла город штурмом весной 1226 года. А затем завоевала и все царство Си Ся. Перед вторжением монголов жители Эдзины спасли свою культуру от забвения, наполнив «дорогой субурган» всем самым ценным в их жизни. Создатели тайника позаботились и о собственном «Розеттском камне»: среди находок оказался тангутско-китайский словарь «Чжан чжун чжу», что означает «Жемчужина в руке». Также здесь был спрятан свод законов Си Ся, благодаря чему право этого давно забытого царства сейчас известно лучше, нежели, к примеру, законы средневековой Индии. Печатные книги и наборные шрифты в субургане поведали о том, что у тангутов было развито книгопечатание задолго до того, как оно появилось в Европе.

Призраком пустыни Хара-Хото стал спустя 150 лет после завоевания Чингисханом. Во второй половине XIV века монголы сделали крепость своим плацдармом в войне с китайской династией Мин – отсюда и найденные Козловым пачки ассигнаций павшей монгольской династии, над которыми ученые ломали головы. Китайская армия осадила Хара-Хото в 1372 году. Перед взятием крепости осаждавшие построили на Эдзин-Голе дамбу, так что река ушла на 20 километров от города. Ушла навсегда...

Мечеть за стенами крепости в Хара-Хото, где были найдены рукописи на персидском языке

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПОВЕЗЕТ МНЕ В СМЕРТИ – ПОВЕЗЕТ В ЛЮБВИ

В 1910 году Петр Козлов отдыхал на французском курорте Берк-Пляж, где влюбился в 18-летнюю дочь петербургского врача Владимира Пушкарева Елизавету. Он был на 29 лет старше своей возлюбленной, обременен женой и двумя детьми. Но личные связи и громкое имя превозмогли все. Козлов добился развода и венчался с новой любовью в 1912 году. Чета Козловых поселилась рядом с родителями Елизаветы Владимировны, в квартире дома №6 по Смольному проспекту – сейчас там размещается Музей-квартира П.К. Козлова.

В 1914 году Петр Кузьмич готовился к путешествию в Монголию и Тибет, но началась Первая мировая война. В Монголию путешественник все-таки поехал, правда, с другой целью – организовать закупки скота для нужд армии. Помогал ему в этом опять же Цогто Бадмажапов. Успешно выполнив задание, Козлов получил звание генерал-майора.

Во время Гражданской войны ученый воевал за... природу. В 1917–1918 годах Козлов самоотверженно защищал заповедник Аскания-Нова в херсонских степях. Когда-то он занимался отправкой в заповедник из Монголии лошадей Пржевальского. И то, что этих уникальных животных не истребили в жерле войны – заслуга Козлова. В роли комиссара по охране заповедника он организовал вооруженную охрану и целый год держал оборону, лично рискуя жизнью. Весной 1919 года Козлов добился от Ленина особого декрета «о сбережении» Аскании-Нова.

Казалось, о новом путешествии не стоило и думать. В 1918–1919 годах петроградская ЧК конфисковала все, что готовилось для экспедиции 1914 года, включая ценные подарки для далай-ламы и его приближенных. А также личные подарки ученого от разных организаций – не помогла и охранная грамота Наркомпроса. Затем ученого попытались выселить из его квартиры. Заступился Николай Горбунов – личный

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

секретарь Ленина и близкий друг Козловых.

И все же, преодолев все препятствия, в 1923 году Козлов добился одобрения новой Тибетской экспедиции, в ходе которой он планировал осуществить свою давнюю мечту – побывать в Лхасе. Участником исследований стала и его супруга Елизавета Владимировна, выучившаяся к тому времени на орнитолога. Правительство выделило на экспедицию более 100 тысяч рублей золотом. Однако путешествие никак не могло начаться: на его участников писались доносы, состав экспедиции пере-

Петр Кузьмич Козлов возле монгольской юрты в Урге. 1923 год

Петр и Елизавета Козловы в заповеднике Аскания-Нова. Около 1913 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

формировывался, вводились политкомиссары и сотрудники ГПУ. В Урге Козлова задержали на полтора года, формальным поводом было отсутствие разрешения на въезд в Китай. На самом деле в Москве уже было принято решение о сворачивании экспедиции. Козлов сопротивлялся. Главное, что помогло ему переломить ситуацию, – новое открытие. На этот раз с помощью своих друзей-бурятов он узнал об интересных могильниках неподалеку от Урги. И принялся за раскопки. Захоронения принадлежали гуннам III–I веков до н.э. Из погребальных камер извлекли уникальные украшения, ковры с изображением мифических животных, искусно вышитые ткани, человеческие косы в шелковых футлярах... Эти находки до сих пор являются одной из самых ярких центральноазиатских коллекций в собрании Эрмитажа. В начале 1925 года Козлов ездил в Москву с докладом о раскопках и получил разрешение на продолжение экспедиции. Были получены и китайские паспорта. Только до Тибета исследователям добраться было не суждено...

В ходе «стояния в Урге» исследователей поддерживал Цогто Бадмажапов, снабжая экспедицию продовольствием. В то время он был советником при правительстве Монгольской Народной Республики и занимал ряд высоких должностей в монгольских госучреждениях. А в 1930 году его арестовали как «японского шпиона». Шесть лет он провел в тюрьмах и ссылках, а в 1937 году был расстрелян. Незадолго до смерти Бадмажапова освободили, и он приехал в Ленинград, надеясь на помощь друзей. Петра Козлова к тому времени уже не было в живых. Он умер 26 сентября 1935 года от сердечного приступа и был похоронен с почестями на участке Смоленского кладбища для выдающихся советских ученых. Конечно, доживи Петр Кузьмич до Большого террора, еще неизвестно, как закончилась бы жизнь царского генерала. Что ни говори – и в смерти Козлова повезло. ♣

Федор
Петрович
Гааз.
Гравюра
по рисунку
Н. Кунилакиса

КЛЯТВА ДОКТОРА ГААЗА

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ЗАВЕЩАНИЕ ФЕДОРА ПЕТРОВИЧА ГААЗА
ЗАКАНЧИВАЛОСЬ КОРОТКОЙ ПРОСЬБОЙ: «...ЧТОБЫ
ПОХОРОНЫ БЫЛИ НА СЧЕТ ЦЕРКВИ, НА ОДНОЙ ПАРЕ
ЛОШАДЕЙ БЕЗ ВСЯКОГО ПРИБАВЛЕНИЯ».

ГИППОКРАТ НАПИСАЛ всем известную врачебную клятву около 300 года до Рождества Христова. Вскоре она превратилась в официальный документ. Однако было бы ошибкой думать, что на протяжении веков текст оригинала не претерпевал изменений. Коррективы вноси-

лись вплоть до нашего времени по разным причинам: сутобо профессиональным, религиозным, этическим. И даже по причине изменения морально-нравственных норм в обществе. Сейчас в нашей стране медики, получающие диплом о высшем образовании, дают клятву врача Российской Федерации, что

узаконено соответствующим документом, принятым Государственной думой.

Будущий врач Фридрих Йозеф Хааз давал клятву задолго до появления такого государства, как Российская Федерация. Поэтому это и была клятва Гиппократа, которой он следовал всю долгую жизнь и которую выразил в одной фразе: «Спешите делать добро». К этой простой и ясной мысли Фридрих Йозеф пришел еще студентом Йенского и Гёттингенского университетов, изучавшим офтальмологию. А заодно и богословие с математикой.

В МОСКВУ, МОЙ ДРУГ, В МОСКВУ!

Сын скромного аптекаря из маленького городка Бад-Мюнстерайфель, что под Кёльном, уже в 22 года имел практику аж в самой Вене, богатой и разнеженной столице Австро-Венгерской империи. Служил ассистентом известного окулиста профессора Адама Шмидта. Видимо, успел хорошо себя зарекомендовать, раз был приглашен спасти зрение князю Николаю Репнину-Волконскому. Наследник двух великих княжеских родов, герой Аустерлица, где во время знаменитой атаки кавалергардов был ранен в голову, страдал от трахомы. Молодой Хааз справился с задачей, после чего князь пригласил доктора в русские пределы и предложил стать семейным врачом. Высокая квалификация и бесконечное трудолюбие быстро принесли Фридриху Йозефу, превратившемуся в Федора Петровича, известность не только в Москве, где он поселился, но и в Петербурге. И не просто в Петербурге, а при императорском дворе. Этому прежде всего способствовала супруга князя Варвара, урожденная Разумовская. Вдовствующая императрица Мария Федоровна после гибели супруга Павла I посвятила жизнь благотворительности. В частности, курировала Павловскую больницу в Первопрестольной, в 1803 году отстроенную после

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

пожара знаменитым архитектором Матвеем Казаковым. В 1807 году в больницу поступил приказ: «По отличному одобрению знания и искусства доктора медицины Гааза, как в лечении разных болезней, так и в операциях, Ея Императорское Величество находит его достойным быть определению в Павловской больнице над медицинской частью главным доктором...» К слову, Павловская больница работает до сих пор и называется 4-й Градской.

Гааза отличало одно необычное качество: он с успехом лечил богатых и знатных, так же как и бедных, только с последних денег не брал. Все свободное время посвящал богадельням и приютам, в которых нес докторскую службу бескорыстно. Само собой, слух об этом быстро разнесся по Москве. Кто-то восхищался неумным доктором, кто-то завидовал его славе, кому-то такое поведение мешало делать карьеру и, что скрывать, без удержу предаваться казнокрадству и мздоимству. Бескомпромиссный Федор Петрович не стеснялся говорить правду в глаза самому высокому московскому начальству. В 1807 году Гааз был назначен главным врачом Московского военного госпиталя, известного ныне как Главный военный клинический госпиталь имени Бурденко.

ОТ КАВКАЗА ДО ПАРИЖА

В 1809 году Гааз отправляется в первую кавказскую экспедицию. Уж как он узнал о том, что на северных склонах Кавказского хребта бьют целебные минеральные источники, один Бог ведает. Все-таки в начале XIX века эти земли изучены были мало. Да и местное население относилось к чужакам из Европы не слишком благосклонно. По итогам экспедиции Гааз написал книгу «Мое путешествие на Александровские воды», в которой назвал полмесяца, проведенные там,

Больница императора Павла I на Большой Серпуховской улице. 1884 год

Неизвестный художник. Портрет семьи князя Н.Г. Репнина-Волконского

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«счастливым и драгоценным временем». «Александровские воды» – название, предложенное самим доктором в докладной записке на Высочайшее имя, подготовленной после второй экспедиции, 1810 года. В итоге Гааз не только исследовал два известных источника у горы Машук, но еще два там же открыл. На склоне горы Железная он обнаружил горячий железистый ключ, в результате чего образовался новый курорт – Железноводск. Кроме того, Гааз изучил воды, исходящие из земли в районе нынешних Ессентуков. Любопытно, что в экспедициях большую помощь Гаазу оказал полковник Русской армии и по совместительству кабардинский князь Измаил-бей Атажуков. Доктор писал об этом факте: «Когда я приехал сюда во второй раз, я поставил себе обязательной задачей найти и исследовать (источник). Поэтому я был очень доволен, когда во время моего вторичного посещения Константиногорска узнал от черкесского князя Измаил-Бея, что позади Бештау действительно существует горячий источник, что он сам купался в нем и что он охотно туда бы меня проводил. Я очень обязан князю Измаил-Бею, и всякий, кто будет пользоваться этими водами, также будет ему благодарен...» В сущности, исследования Гааза, превратившиеся в фундаментальную книгу, стали основой для появления новой науки – курортологии.

Вскоре Гааз выехал из России в связи с нездоровьем отца. Однако едва Великая армия Наполеона переправилась через Неман, вернулся и попросился в действующую армию. По одним источникам, служил главным врачом в армии Кутузова, по другим – полевым хирургом. В то время институт военной медицины еще не сформировался. Ее в принципе не существовало как теории, сопряженной с практикой. Так что второе утверждение более

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

похоже на правду. Вместе с русскими войсками прошел путь от Бородинского поля до французской столицы. Едва завершился Заграничный поход 1814 года, Гааз отправился на родину к умирающему отцу. Но надолго в Бад-Мюнстерайфеле не задержался. О причинах возвращения в Россию можно лишь догадываться. Существует предположение у некоторых исследователей его жизни, что замучила доктора ностальгия.

С ВОЗВРАЩЕНИЕМ!

Как бы то ни было, но возвращение оказалось триумфальным. В России Гааза на самом деле ждали. Его подопечными стали люди со всей страны. Федор Петрович гнул свою линию. От денег из рук богатых аристократов и купцов не отказывался, с бедных не брал ни копейки. Есть многочисленные свидетельства, что при выписке из лечебницы давал неумудившим немного денег и носильные вещи. Возможности для жертвования были вполне внушительные. Гааз, не стремившийся к богатству, постепенно превратился в очень состоятельного человека. У него появились два дома, причем один в самом центре Москвы – на Кузнецком Мосту, деревенька и сто крестьянских душ. В своем подмосковном имении Тишки он основал суконную фабрику. Барин был излишне прогрессивный, не чета соседям-помещикам, державшим своих кре-

постных в черном теле. Взял да освободил всех от барщины, переведя на вполне посильный оброк.

Помимо состоятельности Гааз обрел внешний лоск, стал бывать в свете, имел выезд из четырех лошадей. Есть версия, что причиной тому была некая женщина – жена его близкого товарища. Бездна безнадёжности ситуации не мешала стараниям выглядеть пристойно и даже элегантно.

В 1825 году московский генерал-губернатор князь Дмитрий Голицын, считавший доктора другом семьи, назначил его главным врачом Первопрестольной. Но, несмотря на прекрасные человеческие от-

К. Гейслер.
Вид на
гору Машук
и пятиглавый
Бештау. 1802 год

Портрет
светлейшего
князя
Д.В. Голицына

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ношения, некоторые инициативы Федора Петровича Дмитрий Владимирович пресекал на корню. Или не препятствовал делать это недоброжелательно настроенной к Гаазу городской медицинской бюрократии. К примеру, больно ударили по рукам, когда доктор предложил навести порядок в аптечном хозяйстве Москвы. Это тем более впечатляет, так как аптечное ведомство входило в круг ответственности главврача! Не позволили организовать скорую вспомогательную службу. Да много еще чего не дали сделать. Но многое и получалось.

В 1825 году Гаазу удалось предотвратить эпидемию тифа в Тюремном замке, более известном сейчас под названием Бутырской тюрьмы. В следующем году по его предложению был организован Особый комитет по устройству глазной больницы. Председателем этого комитета стал генерал-губернатор князь Голицын, который направил Гаазу письмо: «Уверенность моя в Ваших познаниях и убеждение в отличных качествах Вашего сердца, оправданных во время Вашего многолетнего пребывания в сей столице, обратились в сильнейшее для меня побуждение предложить Вам звание члена вышеупомянутого Комитета».

Видимо, помимо прочих талантов доктор обладал и даром администратора. Если угодно, топ-менеджера. Больница начала работать через... пять месяцев! Правда, на этом деятельность Гааза в качестве главврача закончилась. Не выдержав противостояния со столоничальниками в департаментах губернатора, он подал в отставку. Есть и второе объяснение постигшего кризиса. Завершилось следствие по «делу 14 декабря», были вынесены приговоры, и товарищ Гааза получил срок. Вслед за ним уехала в Сибирь его жена. Преимущественно частной практикой, консультациями коллег Федор Петрович занимался вплоть до 1828 года.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ДОКТОР НЕСЧАСТНЫХ

Так совпало во времени, что в период отправки на каторгу участников бунта на Сенатской площади 1825 года доктор оказался в московской пересыльной тюрьме. Жуткое зрелище потрясло в общем-то привыкшего к кошмарам жизни Газа. Он и на войне посмотрелся на страдания человеческие, и в госпиталях, больницах, богадельнях и приютах. В то время правила пребывания в тюрьмах фактически отсутствовали. Начальство действовало по принципу «как бог на душу положит». Заключение и дождавшиеся этапа осужденные содержались вместе, независимо от возраста, пола, физического и психологического состояния. Также не имело значения, были ли это преступник-рецидивист, подследственный, «беспортош-

ник». Помещения не отапливались, туалеты были общие, кормили через раз, одеждой и постельным бельем не обеспечивали... Зато гарантировали изощренные истязания и наказания.

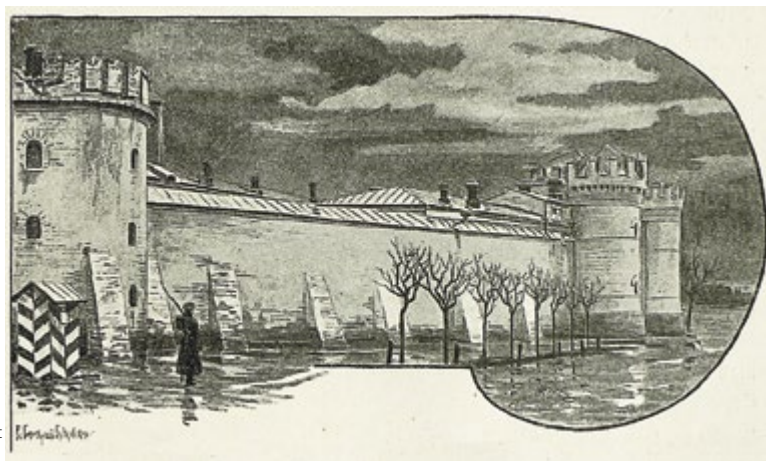
В 1828 году по предложению генерал-губернатора Газ был назначен членом Комитета попечительства о тюрьмах, учрежденного по особому указу императора. Руководил комитетом сам князь Голицын. Среди постоянных членов числились московский митрополит Филарет (Дроздов) и гражданский губернатор. Газ числится не собиравшимся. После первого же заседания комитета с его участием остальным стало ясно, что у проекта появились душа и голова в одном лице. Правда, были случаи, когда голова полностью подчинялась позывам души.

Доктор Газ становится на колени перед царем, чтобы выхлопотать помилование 70-летнему старику

Как-то Газ упросил Голицына снять кандалы с израненных ног одного юного каторжанина. Мол, тот мучается от страшных болей, не спит... Голицын помялся, но согласился, добавив: «Под личную ответственность». Через несколько дней в кабинет губернатора вошел доктор с кандалами на ногах. Изумленному князю он пояснил, что готов идти в Сибирь вместо того молодого поляка. Потому как сбежал-таки поляк! Какими словами Голицын прокомментировал услышанное, неведомо. Но нужные слова князь Дмитрий Владимирович – кадровый гвардеец и герой Наполеоновских войн – знал наверняка.

Другой случай. Государю Николаю Павловичу при посещении Бутырской тюрьмы пожаловались «чинуши», что Газ специально задерживает отправку на этап 70-летнего осужденного. «Что это значит?» – спросил государь Газа, которого знал лично. Вместо ответа доктор стал на колени. Думая, что он просит таким своеобразным способом прощения за допущенное им послабление арестанту, государь сказал ему: «Полно! Я не сержусь, Федор Петрович, что это ты, встань!» – «Не встану!» – решительно ответил Газ. – «Да я не сержусь, говорю тебе... Чего же тебе надо?» – «Государь, помилуйте старика, ему осталось немного жить, он дряхл и бессилен, ему очень тяжело будет идти в Сибирь. Помилуйте его! Я не встану, пока вы его не помилуете». Государь задумался... «На твоей совести, Федор Петрович!»

Вся Москва знала, что «святого доктора» каждую неделю можно встретить в «пересылке» на Воробьевых горах. Тюрьма стояла на том самом месте, где сейчас смотровая площадка. В «пересылке» на Волхонке. В Бутырках. На полуэтапе у Рогожской заставы, откуда по Владимирскому тракту лежал в Сибирь долгий путь ссыльно-каторжных. «Несчастливых», как называл их Газ. Из коляски или саней доктор доставал корзины с припасами...

Бутырский тюремный замок. Рисунок Е.П. Самокиш-Судковской

НА ПОПРИЩЕ СЛУЖЕНИЯ

В 1831 году Гааз продал недвижимое имущество. Вырученные средства стал тратить на создание новых больниц, тюремных библиотек, школ для безнадзорных детей, которых было принято без всякого суда отправлять на поселение в Сибирь. Жил при больницах. Сначала при Старо-Екатерининской в Орловском переулке, с 1844 года – при Полицейской, им же самим организованной в Малом Казенном переулке.

К слову, о тюремных библиотеках. Именно доктор «Добро» первым в мире придумал такой инструмент просвещения осужденных грешников. Бывая в московских местах заключения и на этапе, он раздавал не только провизию, мелкие суммы денег, одежду. Он раздавал книги, в первую очередь религиозного содержания. По вере или по наивности, что порой трудно разграничить, Гааз был убежден, что отрешению от грязи, а следом приобщению к чистому способствует чтение. Отсюда и возникла идея создания подобных библиотек. А чтобы мудрые книги были доступны простым людям, что болезным, что увечным, что осужденным, он написал несколько брошюр, издал их за свой счет и раздавал в больницах и тюрьмах. В этих брошюрах не было политики, призывов к радикальному изменению порядка. В них говорилось о библейских истинах, в рамках которых, по мнению доктора, и должно было каждому строить жизнь.

Разные оценки своей деятельности получал Гааз от современников. Циник и мизантроп Александр Герцен писал: «Доктор Гааз был преоригинальный чудаков. Память об этом юродивом и поврежденном не должна заглухнуть в лебедь официальных некрологов...» Достоевский, сам собой, видел куда глубже: «В Москве жил один старик, один «генерал», то есть действительный статский советник, с немецким именем; он всю свою жизнь таскался по острогам и по пре-

Доктор Гааз
осматривает
пациентов-
крестьян.
Рисунок
Е.П. Самокиш-
Судковской

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ступникам; каждая пересыльная партия в Сибирь знала заранее, что на Воробьевых горах ее посетит «старичок генерал». Он делал свое дело в высшей степени серьезно и набожно; он являлся, проходил по рядам ссыльных, которые окружали его, останавливался перед каждым, каждого расспрашивал о его нуждах, наставлений не читал почти никому, звал их всех «голубчиками». А вот власть, вернее, отдельные ее представители Гааза не любили, а то и побаивались. Командир Отдельного корпуса внутренней стражи (до недавнего времени – Внутренние войска РФ) генерал Петр Капцевич в январе 1833 года докладывал министру внутренних дел Дмитрию Блудову и московскому генерал-губернатору Дмитрию Голицыну о «пререканиях

и затейливости» доктора Гааза, который, «утрируя свою филантропию, затрудняет только начальство перепискою и, уклоняясь от своей обязанности напротив службы, соблазняет преступников, целуется с ними. Мое мнение: удалить доктора от сей обязанности».

Принципиальный Гааз был способен даже митрополиту Филарету делать замечания на заседаниях Комитета попечительства о тюрьмах. Впрочем, владыка, несмотря на известный консерватизм и сухость, в конфликт с доктором не вступал. От святого до преступника – один шаг.

ПРУТ ДИБИЧА

Вероятно, это самый яркий пример борьбы доктора Гааза против излишней жестокости, свойственной его времени в отношении людей виновных, провинившихся по случаю, а то и вовсе безвинных. В 1824 году по распоряжению начальника Главного штаба графа Ивана Дибича в России ввели очередное западное изобретение, призванное упростить и одновременно усилить контроль за идущими по этапу ссыльно-каторжными. Оно получило название «прут Дибича». Надо заметить, что Дибич, впоследствии генерал-фельдмаршал, имел репутацию талантливого полководца. Но как истинный армеец, в делах гражданских карательных органов смыслил мало. «Прут Дибича», согласно описа-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Доктор Гааз
и грабители.
Рисунок
Е.П. Самокиш-
Судковской

нию биографа доктора Гааза адвоката Анатолия Кони, означал следующее: «На толстый аршинный железный прут с ушком надевалось от восьми до десяти запястьев (наручей) и затем в ушко вдевался замок, а в каждое запястье заключалась рука арестанта. Ключ от замка клался, вместе с другими, в висевшую на груди конвойного унтер-офицера сумку, которая обертывалась тесемкою и запечатывалась начальником этапного пункта. Распечатывать ее в дороге не дозволялось. Нанизанные на прут люди – ссыльные, пересылаемые помещиками, утратившие паспорт и т.д., связанные таким образом вместе, отправлялись в путь рядом с каторжными, которые шли в одиночку, ибо были закованы в ручные и ножные кандалы... <...> И так двигались на пруте по России и по бесконечному сибирскому тракту много лет тысячи людей, разединенных своею нравственною и физическою природою, но сливавшихся в одном общем чувстве бессильного озлобления и отчаяния...»

Гааз лично убедился в том, что куда более опасные преступники брели в одиночку, хотя многокилограммовые ручные и ножные кандалы – тоже тяжелое испытание. Зимой грубый металл отмораживал запястья и лодыжки. Летом разогревался на солнце и стирал кожу до костей. И все-таки те, кому грозил «прут», умоляли Федора Петровича о переводе на кандалное существование. Доктор, используя весь авторитет и силу характера, убедил власти отменить «прут Дибича». А дабы облегчить жизнь кандалников, изобрел новый вариант кандалов, кольца которых обшивались изнутри кожей или сукном. Первоначально они изготовлялись на его средства. Гааз сам в своем кабинете прошел расстояние, равное расстоянию этапа от Рогожской заставы до нынешней Балашихи, тогда – Горенок, чтобы убедиться в том, что его кандалы хоть немного облегчают жизнь идущих в Сибирь.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

Все вырученные средства доктор Гааз употреблял исключительно на помощь страждущим. Сам, как уже сказано, жил при Полицейской больнице, которую в народе называли Гаазовской. Со временем переименовали в больницу Александра III, в просторечии – «Александровку». Еще позже она неоднократно меняла названия и профиль. Сейчас в этом здании – НИИ гигиены детей и подростков Российской академии медицинских наук.

Н. Андреев.
Бюст доктора
Ф.П. Гааза

Могила
доктора Гааза
на Введенском
кладбище
в Москве

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Жил бессемейно. Под рукой один помощник. Не считая трех представителей больничного обслуживающего персонала. Как-то недалеко от лечебницы поздним вечером к Гаазу подошли трое грабителей. Потребовали старую изношенную шубу, шапку да кошелёк. Все могло кончиться плохо, но один из бандитов признал в Федоре Петровиче доктора «Добро». Проводили до ворот больницы, дали зарок бросить воровское дело, а после устроились в ту же больницу санитарями да истопником.

Во дворе НИИ стоит бронзовый бюст Гааза работы известного скульптора Николая Андреева, того самого, который изваял так называемого «старого Гоголя», что на Никитском бульваре. В начале 50-х позапрошлого века Федор Петрович неожиданно заболел. Справиться с недугом без малого 73-летний организм не смог. Гааз ушел из жизни в августе 1853 года. Он был похоронен на Введенском кладбище, что напротив Госпиталя имени Бурденко, который некоторое время возглавлял великий целитель. У кладбища есть второе название – «Немецкое». Здесь с конца XVIII века хоронили тех, кто исповедовал католическую или лютеранскую веру. Гааз был католиком. Но после его ухода случилось невероятное. Митрополит Московский распорядился служить панихиду в его память в православных храмах.

Хоронили доктора за казенный счет. В середине XIX века в Москве проживало не более 400 тысяч человек. За гробом шли 20 тысяч человек разного сословия: от бывших каторжников до дворян, от купцов до генералов. Без малых детей, немощных, занятых по службе, убывших по делам – каждый десятый горожанин. Генерал-губернатор Арсений Закревский распорядился выслать казачью сотню для охраны процессии. Казаки, даром что с далекого Дона, шли за гробом пешком, ведя коней в поводу. ❀

НА СТАРОМ ГОСУДАРЕВОМ ДВОРЕ

АВТОР

ИРИНА ИВИНА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

«ВЫ СМОТРЕЛИ НОВЫЙ СЕРИАЛ
ПРО БОРИСА ГОДУНОВА? – СПРАШИВАЕТ
ДИРЕКТОР МУЗЕЯ «ПАЛАТЫ БОЯР РОМАНОВЫХ»
ГАЛИНА КОНСТАНТИНОВНА ЩУЦКАЯ. –
НУ И НАСОЧИНЯЛИ ЖЕ ТАМ ПРО РОМАНОВЫХ!
А ВЕДЬ НА САМОМ ДЕЛЕ НЕ ВСЕ БЫЛО ТАК»...

ИЗ ИСТОРИИ ЭТОГО музея хладнокровно вычеркнули целых семь десятилетий. Все это время, при СССР, неподалеку от Кремля располагались некие безымянные палаты – «Музей боярского быта». Его работникам не позволялось говорить лишнего, да и сами москвичи как будто забыли о том, что этот дом принадлежал семье Романовых. Как и о том, что именно здесь родился первый правитель этой династии. К тому же палаты бояр Романовых – одно из самых старых

зданий Москвы. Когда-то здесь, в Зарядье, то есть за торговыми рядами на Красной площади, находилась одна из самых завидных усадеб столицы. Еще бы: имение на берегу Москвы-реки, конный выезд, многочисленные постройки, которые доходили до Английского двора... В середине XVI века хозяином палат стал Никита Романович Захарьин-Юрьев, отец патриарха Филарета и дед будущего царя Михаила Федоровича – первого правителя из династии Романовых.

ДВОР ЦАРЕВОЙ РОДНИ

По крайней мере, до 1547 года, когда Иван Грозный женился на дочери Романа Захарьина Анастасии, многочисленная семья невесты еще жила на Дмитровке. О том, как усадьба в Зарядье попала к ее брату Никите Романовичу, историки спорят по сей день. Кто-то утверждает, что изначально палаты принадлежали его родственнице, Марии Голтяй. Доказано, что где-то на Псковской горке, у нынешней церкви Георгия Победоносца, действительно находились ее владения, но были ли это будущие палаты Романовых – неизвестно.

Еще одна версия гласит, что палаты перешли к боярину после его женитьбы на Варваре Ивановне Ховриной, чья семья жила в них до этого. Предки девушки приехали из крымского Сурожа (ныне Судак) в Москву на службу к великому князю в качестве «гостей»: сами не торговали, но активно способствовали торговле между государствами. Заграничные купцы старались поселиться недалеко от Кремля, и историки подтверждают, что дом Ховриных действительно располагался где-то в Зарядье. Директор музея «Палаты бояр Романовых» Галина Константиновна Щуцкая рассказывает, что во время одной из последних реставраций усадьбы ученые обнаружили капители от колонн коринфского типа XV века, очень похожие на те, какими украшали свои дома богатые жители Сурожа. Гипотеза о том, что когда-то именно эти палаты принадлежали крымчанам Ховриным, стала еще более реальной.

Самая древняя сохранившаяся часть дома – белокаменный подвал конца XV века. Сегодня здесь экспонируются боярские богатства: оружие, конная упряжь, сундуки с казной. Все напоминает о том, что в XVI веке знать состояла на службе у государя и в любой момент даже самые родовитые бояре по приказу правителя должны были явиться

в войско со своим конем и в полном обмундировании.

Большинство памятников подлинные, их предоставил Государственный исторический музей, филиалом которого палаты бояр Романовых стали в 1932 году. Поскольку боярский дом неоднократно горел, рушился и перестраивался, расположение комнат историки и реставраторы смогли воспроизвести

лишь условно, но показали, как бы он мог выглядеть. Здесь и пышная трапезная с красным углом, и кабинет хозяина дома, и комната его сыновей, и женская половина со светлицей, где девушки-манекены как живые поют и занимаются рукоделием. Передать дух той эпохи удалось наверняка: время здесь как будто остановилось на рубеже XVI–XVII веков...

Комната
хозяйки дома

ТАЙНА ПЕРВОГО БРАКА

Варвара Ивановна Ховрина недолго была женой Никиты Романовича. Считалось, что через несколько лет после свадьбы, в 1552 году, она умерла, не оставив наследников. Ее муж вскоре вновь женился, на этот раз на Евдокии Горбатой-Шуйской – представительнице знатного княжеского рода, восходящего к Рюриковичам. В этом браке у них родились 13 детей, включая первенца Федора – будущего патриарха Филарета и отца первого царя из династии Романовых. По крайней мере, так полагали до недавнего времени. В 90-е годы прошлого века историки исследовали родовую усыпальницу Романовых в Новоспасском монастыре и сделали важное открытие. В подклете с захоронениями боярской семьи они обнаружили надгробную плиту Варвары Ховриной и увидели на ней совершенно другую дату смерти – 1555 год, а это значило, что Федор, родившийся в 1553 или в 1554 году, был сыном от первого брака!

Если это действительно так, возникает вопрос: почему столь долгое время матерью Федора Никитича признавали совсем другую женщину? Возможно, родство с Шуйскими было выгодно самой правящей династии Романовых: ведь кровная связь с одной из самых влиятельных и богатых боярских семей, ведущих свое происхождение от Рюрика, лишний раз подтверждала бы их право на трон.

Что интересно: происхождение Ховриных тоже было не таким простым, как могло бы показаться. «Гости» из крымского Сурожа хотя и были потомками аристократического византийского рода Гавров (или Гаврасов), на службу к великому князю приехали вовсе не как бояре, а как люди гражданские, торговые. Историки же предполагают, что их предки могли состоять в родстве с правителями православного княжества Феодоро и даже с императорами Комнинами.

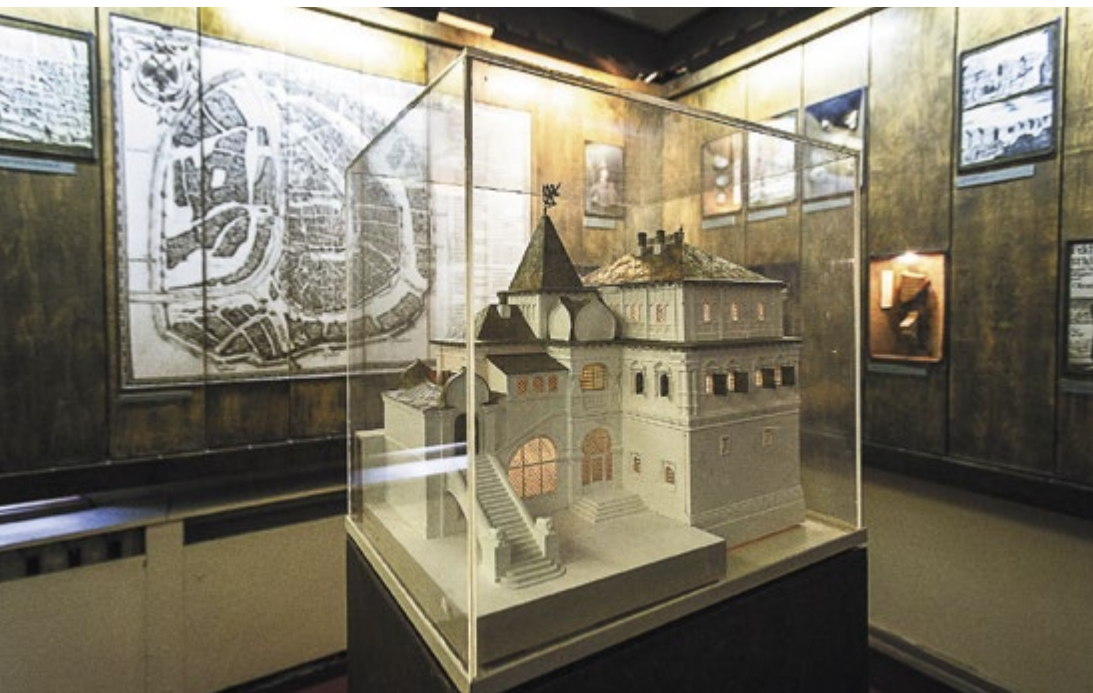
ОПАЛА

Историки считают, именно в усадьбе бояр Романовых у Федора Никитича и его жены Ксении Ивановны Шестовой родился сын Михаил. Когда несколько столетий спустя его потомок, император Александр II, задумал создать музей в доме своих предков, он повелел подтвердить это предположение документально, создал специальную комиссию, и ее членам удалось это сделать.

И тогда правитель приказал выбить сведения об этом на мемориальном знаке в нише на фасаде здания. Совершенно случайно надпись недавно нашли – долгое время она была скрыта под слоем советской штукатурки.

Михаил Федорович, родившийся в 1596 году, прожил в боярских палатах всего четыре с половиной года – до того дня, как вся семья его попала в опалу. Расчетливый царь Борис Годунов еще до того, как занять российский престол, опасался Романовых как своих серьезных конкурентов. Шутка ли: Федор Никитич приходился двоюродным братом последнему царю из династии Рюриковичей, сыну Ивана Грозного – Федору Иоанновичу!

В 1600 году в руках Бориса Годунова оказался донос одного из боярских слуг – некоего Барте-

ПОД ЗНАКОМ ГРИФОНА

Мысль о том, чтобы открыть в родовом гнезде Романовых музей, вероятнее всего, возникла у барона Бернгарда Карла Кёне, управляющего гербовым отделением при Департаменте геральдики Сената во время царствования Александра II. Императору идея пришлась по душе, и в августе 1856 года он подписал Высочайший указ «О возобновлении прародительской Бояр Романовых Палаты, при Московском Знаменском монастыре...».

Прежде всего необходимо было выкупить здание у церкви и провести масштабную реставрацию, поскольку палаты в те годы находились в плачевном состоянии. К слову сказать, ради такого благого дела митрополит Московский Филарет готов был отдать дом безвозмездно, но Александр II все равно передал на нужды Знаменского монастыря 20 тысяч рублей серебром.

Воплощать непростой императорский проект поручили известному архитектору и большому знатоку старинного зодчества Федору Федоровичу Рихтеру. Для начала ему необходимо было понять, что в доме вообще сохранилось от палат бояр Романовых – выяснилось, что не так уж много. После пожара 1668 года здание рухнуло, осталось лишь белокаменное подвальное основание. Ярославский мастер Мелентий Алексеев «со товарищи» на монастырские деньги выстроил два каменных этажа, но не стал возводить верхний деревянный терем – а ведь именно там бояре предпочитали устраивать свои жилые комнаты. Рихтер воссоздал и деревянный этаж, открыв к тому же заваленные потайные ходы. Архитектор реставрировал и подвальную кладку, для чего на Мытищинском кирпичном заводе заказывал кирпичи точно такой же формы, что и оригинальные – новые отличаются только оттенком цвета и маркировкой «1856», означающей год строительства. Немало усилий потребовалось для реконструкции одной из самых впечатляющих комнат –

нева Второго. Кем он был, загадка до сих пор. Слуга сообщил, что в подклете дома Романовых хранятся ядовитые корешки, которыми бояре якобы хотят отравить царя. Впоследствии в палатах действительно обнаружили ядовитые растения, и все же их вполне могли намеренно подкинуть.

Замыслили ли Романовы убийство Годунова – неизвестно, но несомненно то, что они готовили заговор против царя. Постепенно и осторожно они стягивали на свой двор верных людей, поэтому когда в палаты нагрянул целый отряд стрельцов, слуги смогли оказать им сопротивление. Воспоминания об этом оставили члены польской миссии, квартировавшие на Ильинке: иностранцы пишут, что в ту ночь на дворе Романовых собралось достаточно много людей. И все равно битву бояре проиграли: многих крестьян стрельцы перебили, а Романовых арестовали и отправили к Годунову. Полгода длился суд над опальным семейством, в итоге всех сыновей Никиты Романовича сослали в разные земли. Родителей Михаила разделили и насильно заставили принять постриг под именами Филарета и Марфы. А их дети, Михаил и Татьяна, вместе

со своими тетками стали узниками белозерской тюрьмы. В Москву Романовы вернулись только в 1605 году, когда пришедший к власти Лжедмитрий начал искать «родню» и возвращать из ссылок опальных бояр.

Саму же родовую усадьбу Михаилу Федоровичу удалось вернуть лишь в 1613 году, когда его самого призвали на царство. Здесь мать нового правителя, теперь уже государыня-инокиня, открыла вотчинную контору. А после ее смерти палаты отошли в ведение основанного на усадьбе Знаменского монастыря. Его настоятель жил на Старом государевом дворе, как стали называть палаты после переезда правителя в Кремль.

Макет боярских палат на фоне карты старинной Москвы

Грифон, знаменитый геральдический знак рода Романовых, на семейном гербе

трапезной. О том, как были расположены исторические своды, напоминали лишь «пятна на окружавших стенах». Новые потолки богато расписали: особо выделяются монограммы «МФР» в честь первого царя, Михаила Романова, и многочисленные изображения грифонов, ставших геральдическим символом правящей семьи. Такой же грифон в виде флюгера обосновался и на крыше боярских палат. До середины XIX века у Романовых своего герба не было – при необходимости они могли пользоваться государственной печатью с двуглавым орлом. Только в том же, 1856 году Бернгард Карл Кёне по велению императора составил герб правящего семейства. За основу он взял изображение грифона на прапоре Никиты Ивановича Романова, двоюродного брата Михаила Федоровича. Этот геральдический знак встречался также на личных вещах (например, посуде или вышивках) первого царя династии и его родителей, но лишь спустя двести лет был официально оформлен как герб Романовых.

Кстати, копия прапора Никиты Ивановича в боярских палатах экспонируется, а вот ее прототип, хранившийся в Оружейной палате, к сожалению, был утерян. Куда он исчез – не ясно до сих пор. В официальных документах указано, что старинный прапор «мышь поела».

В 1859 году сложнейшая реставрация была окончена, Оружейная палата предоставила музею экспонаты боярского быта, и палаты бояр Романовых наконец открыли свои двери для гостей. Они стали если не первым, то, по крайней мере, самым старым мемориальным музеем в России. Старше оказался лишь дворец Александра I в Таганроге, открытый вскоре после неожиданной смерти императора в 1825 году. Вот только в том очень простом, одноэтажном здании давно уже работает детский санаторий, а экспозиция распределена по разным музеям города...

Кабинет боярина, обитый изысканной голландской кожей

БЕЗЫМЯННЫЙ ДОМ

После революции, само собой, музей родоначальников ненавистной власти династии не мог существовать в своем оригинальном виде. На пять лет его закрыли, все родовые знаки приказано было сбить и уничтожить, досталось и флюгеру-грифону: его расстреляли с улицы – как печальное напоминание об этом пулевые отверстия на нем сохраняются до сих пор. В 1922 году в Москве появилась экспозиция «Музей

боярского быта» – без указания на то, кому принадлежал этот дом.

Прекрасным росписям сводов трапезной тоже грозила печальная участь, но художник Павел Корин и реставратор Петр Барановский отстояли произведение искусства. Они предложили оклеить потолок папиросной бумагой, заштукатурить и побелить – авось когда-нибудь наступят другие времена. И на всех советских фотографиях трапезная изобра-

Боярские богатства, хранящиеся в подвалах дома

Даже по интерьеру комнаты боярских сыновей видно, что немало времени они уделяли учебе и охоте

жена просто с белым сводом, стены же покрасили в синий цвет. От бывшего великолепия изящных росписей не осталось и следа.

А когда палаты в 1932 году на правах филиала передали Государственному историческому музею (ГИМ), в бывших боярских залах решено было проводить фондовые выставки социальной направленности. Жизнь класса угнетателей представлялась лишь в нескольких экспозициях, основной же целью музея стало прославление нового, социалистического строя.

В пустующие помещения поселили простых советских тружеников – более 30 человек проживало во флигеле бывшего боярского дома. А в подвалах XV–XVI веков устроили овощехранилище. Говорят, когда после очередной жалобы сюда приехала комиссия, выяснилось, что «доски», на которых овощи складировали, были старинными иконами. Их просто положили ликом вниз...

Многие москвичи тогда даже не знали, не помнили или не хотели помнить, кому изначально принадлежали палаты. В 60-е годы они и вовсе скрылись за громадой гостиницы «Россия».

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИСТОРИИ

Очередная серьезная реставрация музея проводилась в 1985–1991 годах и пришлось на смену эпох. Ученые-энтузиасты буквально по крупницам

Роскошные потолки – одно из главных украшений трапезной

воссоздавали боярские палаты. В каждой комнате, например, удалось найти хотя бы по небольшому фрагменту ранней обивки стен, и это впоследствии позволило восстановить их оригинальный вид.

Со сводов в трапезной сняли наконец слой белой бумаги. Государственный исторический музей помог оформить новые экспозиции боярского быта, и с фондовыми выставками (часто пропагандистскими) было покончено.

А самое главное – когда в музей вновь пришли посетители, им уже начали рассказывать, что когда-то эти палаты принадлежали Романовым.

И даже сегодня музей, который в этом году готовится отпраздновать свое 160-летие, продолжает развиваться. То в архивах ГИМ обнаружится важный документ, на который раньше почему-то не обращали внимания, то совсем рядом при строительстве парка «Зарядье» археологи найдут старинную берестяную грамоту. Профессия историка-музейщика удивительна: порой совершенно неожиданно можешь разгадать тайну прошлого. Но всегда остается еще так много неизвестного...

ТАВЛИНСКИЙ КОНЬ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

МАЛЬЧИКОМ ИВАН ВОДЯСОВ УВИДЕЛ, КАК ОТЕЦ СТРИЖЕТ ЛОШАДЕЙ. ПОДРАЖАЯ ЕМУ, СЫН ВЗЯЛ НОЖ И СРЕЗАЛ ХВОСТ И ГРИВУ У ДЕРЕВЯННОГО КОНЯ. У ЭТОЙ ДЕРЕВЯННОЙ ИГРУШКИ ОНИ БЫЛИ ИЗ МОЧАЛА.

ПОЗЖЕ ИВАН, СТАВ-ший известным резчиком, часто сожалел о том испорченном тавлинском коне. Был он большой, стоял на платформе с колесиками, а изготовил его якобы сам отец-основатель тавлинской резьбы Николай Иванович Мاستин. Эту историю любят рассказывать юным резчикам экспериментальной детской художественной школы села Подлесная Тавла, которое населяют эрзяне.

Тавлинская игрушка вырезается из липы. И хотя липа в окрестностях Подлесной Тавлы не слишком хороша для работы, из других мест дерево не берется. Принципиально. Так завещал Мастин, и на том твердо стоит нынешний директор школы, Александр Петрович Гаушев.

Липа – очень мягкий материал. Но мягкость эта обманчива. Ребятам из Подлесной Тавлы можно лишний раз не объяснять, что после летних каникул, когда руки отвыкают от резца, на ладонях появляются мозоли: навыки

За спиной Александра Гаушева творения нескольких поколений тавлинских резчиков

терять нельзя. Поэтому учитель художественной школы Евгений Миронов привычно напоминает своим подопечным не забывать о резцах и деревянных тавлинских конях.

– Помните, что, управляя резцом, надо рассчитывать напор так, чтобы он вовремя остановился! – дает наставления Евгений ученикам на последнем занятии в мастерской школы перед каникулами. В руках его плоский резец, которым он режет очередного коня. Только стружки летят! Рядом лежит мочало, из которого будут сделаны хвост и грива.

– Приятно пахнет? – улыбается Евгений. – Нас на выставках всегда по запаху липы и мочала узнают. В наших игрушках не используются клей и лак!

Евгений Миронов когда-то убежал с уроков в общеобразовательной школе, чтобы больше времени проводить в художественной. Впрочем, обычно так поступают все мальчишки в Подлесной Тавле. Короткая тропинка между двумя школами хорошо утоптана.

Первые занятия в художественной школе начинаются с прос-

РАБОТА ПРЕЖДЕ ВСЕГО

– Бывает, ученик порезал палец, испугался и – пропал на месяц, – вздыхает Евгений.

Даниил горячо заверяет, что он – «не такой». Это кочкуровские, горяйновские или городские такие, а он родился в Подлесной Тавле. Порезать палец для него – ерунда. Евгений Миронов смеется, откладывает своего коня в сторону и забирает у Даниила языческую маску. Пятнышки крови на изделиях не принято затирать наждачной бумагой. Ее тут принципиально не используют. Красное пятно на маске Евгений удаляет плоским резцом и старательно выравнивает поверхность. Затем возвращает маску Даниилу и предупреждает, чтобы тот глубоко и много резцом не забирал, когда волосы на бороде будет вырезать. «Рука устанет, может дрогнуть», – объясняет Евгений и возвращается к своему коню. Так в школе заведено: какие бы разговоры ни велись, а руки должны работать.

Об этом директор школы Александр Петрович Гаушев говорил Евгению с самого детства. Сейчас Александр Петрович стоит рядом и слушает своего бывшего ученика с грустью. Как бы не стало это занятие последним, вздыхает он. – У нас проблема со старшими классами. Старшеклассники ездят учиться в городские школы. А когда сделали пятидневное обучение, то оказалось, что по субботам нельзя заниматься. После семи вечера нельзя. В каникулы – нельзя! Как затащить после семи уроков в школу? Проблема! – сокрушается Гаушев. – А еще у них домашнее задание, работа по дому, огороды, родители... Самых одаренных ребят я не вижу в нашем классе... А теперь у нас новая беда. Основную общеобразовательную школу в Подлесной Тавле в следующем учебном году хотят закрыть. Да у них просто физически не хватит времени и сил заниматься резьбой, если они станут ездить на автобусе в другую школу. Вот, посмотрите. Два часа резьбы – и уже все в поту. А когда-то Александр Петрович вместе со своими учениками устраивал походы на берега

тейшего: обстригания круглых палочек и усвоения правил техники безопасности.

– За ребятами нужен присмотр! Уйти нельзя ни на минуту, – объясняет Евгений, продолжая строгать коня. – Они увлекутся, а в руке-то – резец! Но у нас в школе есть традиция. Видите? Вокруг стола сидят ученики разных возрастов. И восьмилетние, и пятнадцатилетние. Это делается для того, чтобы помимо учителя старшие ребята наблюдали

за младшими. Поэтому родители за мальчишек спокойны. Ага! Порезанный палец у нас появился! Даниил, что там у тебя?

Сидящий на дальнем краю стола Даниил, вырезавший языческую маску, показывает окровавленный мизинец. Кстати, эти языческие маски школе заказывают театры, студии, коллекционеры, музеи. Эзяне раньше поклонялись языческим божествам, потому маска – один из популярных сувениров.

Угловатость и brutality – отличительные особенности тавлинской игрушки

Резец в руках мальчишки из Подлесной Тавлы появляется с самых ранних лет

речки Тавлы. Жгли костры, пекли картошку, слушали сказки о мордовских лесных и водяных волшебницах Виряве и Видяве, образы которых использовали потом в деревянных игрушках. Именно тогда и были созданы шедевры, которые прославили тавлинскую школу резьбы.

ТВОРЧЕСКИЕ СПОРЫ

...Сельский сапожник с самодовольной улыбкой сидит перед ящиком с инструментом. Игрушка так и называется «Сапожник». А вот «Упрямец»: босой старик ведет упирающуюся козу. Вот два старика, которые тешатся петушиным боем.

Даниил Ацапкин обсуждает с учителем каждый образ из задуманной им многофигурной композиции

Вот дед у ворот стоит, а рядом – молодухи поют частушки. Все эти работы Александр Петрович помнит стоящими на пенечках. Каждый год 9 Мая в Подлесной Тавле проходила выставка работ юных резчиков. Деревянные игрушки ставились прямо на пеньки в школьном парке. На каждой работе – ярлычок с именем юного мастера и названием композиции. Белые деревянные игрушки удивительно празднично смотрелись на фоне нежной майской зелени. Приглашенные на выставку сельчане ходили и качали головами. Чего придумали озорники! Ведь авторов работ они еще недавно ловили в своих садах и огородах! А теперь люди в деревянных игрушках и сценках узнавали себя, своих знакомых, свою жизнь: вот сенокос, свадьба, проводы весны, разговор у плетня, дед с внуком, мужики и бабы толкут пшено, мнут лен, возятся с пчелами, плотни-

Без наказов Евгений Миронов учеников на летние каникулы не отпустит

У юного мастера Ивана Гангеева впереди будет еще много лошадаков

ки в перекур толкуют о своем. А вот ссорятся и дерутся пряхи! Но почему у коренастых фигурок треть объема занимают головы, а руки, ноги, платье лишь грубовато обозначены? И при этом кисти рук, ступни и пальцы явно преувеличены? Кто-то из сельчан, глядя на это, руками разводил: умора какая-то! А тогдашнего руководителя студии резчиков, Николая Ивановича Мастина, который отводил ребят от улицы, усадив с резцами за чурбаки, называли чудачком. Ребята и их учитель не обижались и каждую весну снова открывали выставку в парке. Сегодня ученики Мастина уже внуков имеют. Но у многих из них щемит сердце, когда они проходят парком и вспоминают время своего увлечения резьбой по дереву. Андрей Тьднев-Соболев, когда к нему приходит Гаушев попенять на то, что он перестал вырезать игрушки, только отмахивается. Он гово-

рит Александру Петровичу, что хороших новых работ в стиле тавлинской игрушки нет. Раньше работы были без орнамента, без декорирования. Игрушка грубовата была, а сейчас – одна гладкость. Вот какую прекрасную работу сделал Петр Бочкин под названием «Первый трактор» с множеством фигур! Повторил ее кто?

– Ты покажи новые работы. Чтобы я заплакал над ними! – требует Тьднев-Соболев.

На площадке перед зданием Подлесно-тавлинской экспериментальной детской художественной школы проводят фестивали резьбы по дереву

– Ты когда в школе был последний раз? Да ты сто лет не видел новых работ, о чем ты говоришь! Приходи, покажу, фамилии назову, – горячится Александр Петрович и перечисляет одаренных односельчан: Антон Гаушев, Сергей Гаушев, Артем Маслаков, Иван Гангеев... Но Андрею Тьдневу-Соболеву эти имена ни о чем не говорят. И он продолжает вспоминать: вот когда он учился в школе резьбы, то тавлинские деревянные игрушки славились на всю страну. Петр Бочкин, Виктор Борискин, Петр Рябов, Иван Водясов, Виктор Киушкин, Геннадий Чиндяскин... Сам Андрей славу тавлинского резчика не приобрел, зарабатывает на жизнь на стройках. И говорит, что школе надо переоборудовать и учить в ней ребят строительным навыкам. А резьба по дереву пусть останется как увлечение. Директору школы такой взгляд не нравится. Он обижается.

– Да ты сам вышел из этих стен! Не потерялся в этой жизни! Да и кто вообще потерялся? Скажи! – негодует Александр Петрович. Андрею нечего возразить. Родителей у него не было, воспитывала его бабушка. Открывшаяся в 1979 году в Подлесной Тавле школа юных резчиков спасла его от улицы и голода. В школе не только осваивали инструмент и дерево, но и читали вслух книги, вели разговоры о жизни, запекали в печи мясо. Школа тогда располагалась в здании бывшего медпункта, в старой саманной избе. Работали на деревянных чурбаках. Сидели на пеньках. Инструмент был самый примитивный – прямой резец. А ножи точили на ремнях. Затем размещались в бывшем пищеблоке школы, в старых избах, которые сами ребята ремонтировали. Заодно перекладывали печки и вычищали чердаки. На чердаках и хранили деревянные игрушки. Часть из них потерялась при переездах, иные кто-то утащил. А другие лишились фрагментов. Утраченные детали Александр Петрович потом восстановил, когда игрушки готовились для экс-

позиции в музее в новом, трехэтажном здании школы.

– Школа – это свет в жизни! Что я там получил – пригодилось! Мне Николай Иванович Мاستин говорил: терпения тебе, терпения и терпения, – признается Андрей Тыднев-Соболев.

Такие споры у Александра Петровича Гаушева с бывшими учениками школы возникают часто. Он всех своих воспитанников считает талантливыми. Иначе не расхотелись бы их деревянные игрушки по всему свету.

СТАРОЕ И НОВОЕ

Когда я рассказываю Евгению Миронову о сцене между Гаушевым и Тыдневым-Соболевым, то он улыбается, продолжая вырезать своего коня.

– Взрослые мастера работают одни дома, в закуточке, – говорит Евгений. – Но приходят в школу – посидеть во время занятий, пройтись по музею деревянных игрушек. Делают они это, когда у них творческий кризис и нужно почерпнуть новые идеи. Ученики в присутствии взрослых дядей, которых они знают с детства, ведут себя непринужденно. Тыднев-Соболев – редкий гость. А вот выпускник школы Геннадий Чиндяскин заходит.

Геннадий – известная личность в школе тавлинской резьбы. Его самая первая работа, «Сенокос», побывала на выставке ВДНХ СССР, где тавлинские игрушки получили бронзовую медаль. Сейчас «Сенокос» выставлен в музее школы.

А еще Геннадий знаменит тем, что сильнее всех порезался ножом на занятиях. Случилось это поздно вечером, долго пришлось машину искать, чтобы в больницу в райцентр отвезти.

– Геннадий был мастером по движущейся игрушке. Он разрабатывал интересные конструкции, – хвалит своего бывшего ученика Александр Петрович. – Я его уговорил поступать в Пензенское художественное училище. Числился Геннадий когда-то и преподавателем в нашей школе, но увлекся поездками на полуостров Ямал, где вырезал на

Сценки для игрушечных композиций берутся из жизни родного эрзянского села

праздники ледяные городки. Поменял дерево на лед. Но в последние годы решил вернуться к дереву. Вот и приходит в школу. Геннадий в школе всегда разглядывает неудачные работы учеников, заброшенные в угол. Чиндяскин в свое время прославился тем, что подбирал неудачные игрушки своих товарищей и доводил их до совершенства. А сейчас он изучает забракованные работы, потому что свежий взгляд ребенка способен увидеть то, что не видит взрослый мастер. Ведь простодушием, непосредственностью и едким юмором всегда отличалась тавлинская игрушка. Это делало ее по-настоящему народной.

Александр Петрович считает, что по мастерству его новые уче-

ники давно превзошли прежние поколения мастеров, когда игрушка была грубее, примитивнее. Сейчас работа более тонкая, детализированная. Прежней угловатости в тавлинской игрушке меньше стало. С эстетической точки зрения игрушки выигрывают, но лишаются своей народности, традиционности. На это и указывают Александру Петровичу его бывшие ученики, приходящие оценить творчество своих преемников: «Нас Мастин учил не сувениры, а игрушку делать!» Евгений Миронов в споры мэтров благоразумно не вмешивается. И считает, что его ученикам только на пользу пойдет послушать рассуждения легендарных мастеров промысла.

Основатель школы тавлинской резьбы Николай Иванович Мастин первоначально отводил игрушкам роль наглядного пособия для уроков

Евгений уже отпустил учеников и почти закончил вырезать своего коня. Прива и хвост у него из мочала. На плоских боках – солярный знак и узоры из маленьких треугольников. Тавлинский конь – символ села, он красуется на гербе района и является одним из самых популярных сувениров. Александр Петрович ставит тавлинского коня на ладонь и объясняет: солярный знак означает бога Солнца. В помощь эрзянам он послал орла и коня. Конь прибежал к людям быстрее и стал им главным помощником. – Каждый ученик Подлеснотавлинской детской художественной школы, – говорит Гаушев, – начинает свою деятельность с вырезания тавлинского коня. Про весь мир не скажу, но во многих странах покажи этого коня, сразу скажут – это Тавла! Александр Петрович бережно переставляет тавлинского коня на стол – к другим похожим коням, которых здесь уже целое стадо. Он запускает руки в свою шевелюру, потом бьет себя ла-

доньями по коленям, вскакивает, снова садится. Гаушев сам похож на персонажей тавлинской игрушки. В таком возбужденном состоянии коллеги и ученики видят его с того самого дня, как стало известно о закрытии общеобразовательной школы. Отдав сорок лет жизни тавлинской игрушке, Александр Петрович даже спрашивает вслух сам себя, зачем он с ней связался, и ругает того, кто его втянул в эту аферу. «Я с самого начала считал это авантюрой!» – гремит он. Вся Подлесная Тавла знает, кого он имеет в виду.

Ну кто поверит, что скамейки для отдыха во дворе школы вырезаны детскими руками?

Коллекция первых резцов с рукоятками в виде зверей займет место в школьном музее

ОТЕЦ-ОСНОВАТЕЛЬ

Рукоятка прямого плоского резца сделана в форме птичьей головы. А вот резец с рукояткой, которая изображает быка. А вот полукруглый резец с ручкой в виде медведя. Из чего сделана ручка, хозяин инструмента Николай Иванович Мاستин вспомнить не может. Липа, яблоня? «Ольха!» – подсказывает ему Гаушев. «А это – дуб!» – Породу дерева, из которого сделана ручка резца, изображающая волчью пасть, Николай Иванович припоминает без подсказки. Вот короткая пила с яблоневого рукояткой в виде рыбы. Вот прямой резец с длинной деревянной рукояткой, в которой только при большом желании можно узнать Михаила Топтыгина. Написано вдоль ручки на эрзянском языке: «Из рода медведей младший». Это Николай Иванович Мастин сочинил про себя. Николай Иванович Мастин – первый директор Подлеснотавлинской детской художественной школы. Он придумал

Все ученики Евгения Миронова (в центре) родились в Подлесной Тавле: Даниил Киушкин, Даниил Ацапкин, Артем Маслаков, Валерий Чингаев, Богдан Маслаков, Иван Гангеев

резцы с ручками, изображающими зверей, чтобы дети развивали свое воображение. Но эти диковинные резцы ржавеют уже несколько лет на полке в сарае. Александр Петрович Гаушев находит удобным и безопасным для детской руки только косой резец для угольчатой выемчатой резьбы с рукояткой в виде птицы. А все остальные он считает неудобными и опасными для детских рук. Недовольный Николай Иванович прячет резцы с диковинными рукоятками в холстину. Все это он слышал от своего преемника много раз. И не согласен с тем, что его идеи с резцами сочли фантазиями.

Николая Ивановича Мастина зовут отцом-основателем. Если бы в далеком 1974 году в Подлесную Тавлу не приехал моло-

дой учитель рисования, то никакой бы тавлинской игрушки не было. Это его фамилию постоянно вспоминали в своих рассказах и Тиднев-Соболев, и Чиндяскин. Это его богатой фантазии принадлежат сюжеты многих игрушек. Это он ввел традицию не использовать клей, лак, гвозди и заклепки в тавлинской игрушке.

Отец тавлинской игрушки
Николай Мاستин

В 1970-е годы основной костяк учителей в Подлеснотавлинской общеобразовательной школе составляли пожилые люди, которые, бывало, пропускали уроки по болезни. Так что Николаю Ивановичу приходилось подменять коллег. Он преподавал рисование, черчение и труд. И решил развивать в ребятишках художественную жилку. Поначалу он занимал их поделками из глины. Но ковши, кружки и солонки энтузиазма у школьников не вызвали. А вот деревянной игрушкой ребята по-настоящему «заболели»! Помогло этому и то, что в 1970-е годы возродился интерес к творчеству великого эрзянского скульптора Степана Эрзы, прославившегося работами из аргентинского дерева квебрахо. Юных резчиков из Подлесной

Тавлы стали называть наследниками Эрзи и приглашать участвовать в выставках.

В ученики Мастин брал всех желающих, в том числе и ребят из неблагополучных семей. И не боялся им давать в руки топор и нож. Других инструментов у него тогда не было. Он же заинтересовал ребят изготовлением движущихся игрушек, которые работали с помощью рычагов, коленчатых валов и шестеренок.

Поначалу тавлинские изделия упрекали за подражание знаменитой богородской игрушке. Тогда Мастин подсказал ребятам: нужно внимательно всматриваться в быт своего родного села. Ребята стали зарисовывать своих соседей, различные сценки из сельской жизни, старинные предметы и орнаменты.

За липой Мастин с ребятами в лес ходили с двуручными пилами. В село липу привозили на санях, запряженных лошадьми. Места в саманной избе, где располагалась тогда школа резчиков, не хватало, так что ученики консервировали липу в сараях своих родителей. Те ворчали, конечно, но терпели. На занятия ребята шли с двумя липовыми поленьями под мышкой. Чтобы ученикам не было скучно, Николай Иванович на занятиях играл на гармошке и рассказывал сказки.

Приезжего учителя рисования в селе открыто называли чудачком. Мастин не обижался. Сам он гордится, что ни одной своей тавлинской игрушки он не продал. И всегда отговаривал от этого своих учеников. Говорил, что тавлинская игрушка не должна стать простым сувениром для туристов. Однако фантазии сельского учителя быстро вошли в противоречие с суровой реальностью. И свою трудовую деятельность Николай Иванович завершил в должности кочегара школьной котельной. Но статус отца-основателя тавлинской

Такие сюжеты для своих работ тавлинцы принесли с летних каникул

Александр Гаушев с учениками чувствуют себя наследниками своего земляка, великого скульптора Степана Эрзи, чей портрет висит над его рабочим столом

школы резьбы за ним остался. Как и статус сельского чудака.

Единственный человек, который внимает новым творческим идеям Николая Ивановича, — это Александр Петрович Гаушев. Директор Подлеснотавлинской экспериментальной детской школы знает, что у Мастина хранятся уникальные деревянные игрушки, сделанные первыми учениками школы, и первые зарисовки быта односельчан. Но не за этим он приходит в дом на окраине села. Свой архив Николай Иванович все равно передаст школе. Директор школы хочет получить ответ на другой вопрос: как этому чудачку удалось в 1979 году найти в Саранске его, 24-летнего парня, и уговорить вернуться в родное село Подлесная Тавла? Александр Гаушев тогда нашел престижную работу, связанную с прокладкой высоковольтных линий. Зарплата, перспективы... А тут является из Подлесной Тавлы чудак и в какие-то два часа уговаривает его вернуться в родное село к чурбакам, резцам и саманной избе. Даже спустя сорок лет Александру Петровичу непонятно, как это тогда удалось Мاستину. Словам Николая Ивановича о том, что нашел он Гаушева потому, что оценил, как тот резьбой украсил родник, который посвятил памяти погибшего друга, Александр Петрович не верит...

Ответ на загадку, которая мучает директора школы, знает все село. Тавлинский конь. Александр Петрович напоминает символ Подлесной Тавлы: он силен, вынослив и предан идее сохранить маленькую деревянную игрушку, родившуюся в эрзянском селе. Именно это сказочник Мастин и угадал в нем когда-то.

А то, что общеобразовательную школу в селе закроют, Николай Иванович проблемой не считает. В Подлесной Тавле одна школа. Резчиков. Хватило бы липы на горе, а ученики в селе всегда найдутся. Ведь не зря он всю жизнь искал место для рождения новой игрушки. ■

ДОЛИНА ТЫСЯЧИ ЗАЙЦЕВ

АВТОР

ВИОЛА ЛЕХНОВИЧ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ПЕЙЗАЖИ ВДОЛЬ КАРЕЛЬСКИХ ДОРОГ ОТЛИЧАЮТСЯ ОТ ПРИВЫЧНЫХ ЛЕСОВ И ПОЛЕЙ СРЕДНЕЙ ПОЛОСЫ РОССИИ. И ПОТОМУ – УДИВЛЯЮТ. ЗЕЛЕННЫЕ ЧАЩИ, МНОЖЕСТВО РЕК, ОЗЕР И ВОДОПАДОВ, ТЕМНО-СЕРЫЕ СКАЛЫ И ПРИЧУДЛИВЫЕ КАМЕННЫЕ ГЛЫБЫ, ПОДСТУПАЮЩИЕ ПРЯМО К ОБОЧИНАМ. КРАСОТА! РАЗДРАЖАЕТ ЛИШЬ ТО, ЧТО НА МНОГИХ ВАЛУНАХ И КАМНЯХ «ЧЕЛОВЕК НЕРАЗУМНЫЙ» ПОЧЕМУ-ТО СЧИТАЕТ НЕОБХОДИМЫМ ОСТАВИТЬ АВТОГРАФ. И ЛАДНО БЫ ЧТО-ТО УМНОЕ ПИСАЛИ. ТАК НЕТ, ДАЛЬШЕ «...БЫЛИ ЗДЕСЬ» И «ВАСЯ+МАША» ФАНТАЗИЯ НЕ ИДЕТ.

НО КАК-ТО РАЗ, ВЫЕХАВ солнечным утром из Петрозаводска в сторону Мурманска, мы остановились и вышли из машины, чтобы как следует рассмотреть очередной «автограф». Вернее, «автографы». Это были... зайцы! Сотни разнообразных зайцев украшали скалу у дороги.

КАМЕННЫЕ ЗАЙЦЫ

Чуть в стороне от основной трассы, на повороте в сторону знаменитого курортного поселка Марциальные Воды, возвышается скала. Она-то нас и привлекла изображениями необычных ушастых, вырезанных явно «человеком творческим».

Солнечный свет причудливо раскрасил теними шероховатую каменную поверхность, так что практически каждый заяц, «поселившийся» здесь, был четко виден. Мы не отказали себе в удовольствии пройтись вдоль скалы, полюбоваться и погладить фигурки руками. Это было приятно: солнце прогрело темный гранит, зайцы были теплые, как будто живые. На время забыв о цели своего путешествия, мы поднялись на скалу: захотелось отдохнуть и посидеть на лесной полянке под могучими соснами на заросших мхом валунах...

Вернувшись в Петрозаводск, я стала наводить справки о странных зверюшках, вырезанных на скале. Вот тогда-то и выяснилось,

что чуть более года назад в Карелии появилась новая достопримечательность – Долина зайцев. А разыскать ее создателя оказалось не так уж и трудно.

Энтузиастов, придумывающих и воплощающих что-то, выходящее за пределы банального восприятия жизни, некоторые люди ошибочно принимают за чудаков. Специально посмотрела определение в толковом словаре: «Чудак – странный человек, поведение и действия которого удивляют других людей». Да, отчасти это верно характеризует Сергея Гапановича – молодого и вполне успешного в делах петрозаводского предпринимателя. Ведь он делает необычные вещи, которые вызывают у кого-то недоумение, у кого-то – удивление, а у тех, кто побывал в Долине зайцев, – восторг и самые позитивные эмоции.

Несколько лет назад Сергей увлекся резьбой по камню. Тогда-то у него и родилось желание создать какой-нибудь значительный арт-объект, который к тому же привлек бы в Карелию еще больше туристов. А затем появилась замечательная идея: ликвидировать по мере сил и возможностей надписи на скалах, замаскировав их с помощью каких-нибудь симпатичных фигур, вырезанных на камнях.

И вот уже более года Сергей Гапанович занимается созданием Долины зайцев, украшая скалу вдоль трассы современными «петроглифами».

«РЕЖУ ЗАЙЦЕВ... БЕЗ КРОВИ»

Такая фраза в статусе Сергея в соцсетях сразу вызывает любопытство. Здесь, на его страничке, пишется история Долины зайцев. Пролистав фотографии и просмотрев видео, можно увидеть самое начало проекта, а также понаблюдать за процессом. Публикуя подробную информацию о своих «петроглифах», Сергей Гапанович пытается привлечь неравнодушных людей, готовых подключиться к созданию нового туристического объекта и оставить свой след в истории Карелии. При встрече интересуюсь, есть ли от этого реальная помощь. Усмехнувшись, Сергей рассказывает:

– С самого начала было много тех, кто поддерживал. Правда, только на словах. Друзья, знакомые, представители местного бизнеса обещали подключить, вызывались быть спонсорами и даже соратниками. И до сих пор все хвалят идею, говорят, какой я молодец, но дальше слов дело обычно не идет. Все «помощники» испарились с первых дней. Взять в руки лом и полезть на скалу решились лишь единицы, так же как и помочь с выведением надписей, расчисткой территории. Вырезать «болгаркой» непосредственно барельефы зайцев вообще не каждому под силу. Это небезопасно и требует профессиональных навыков. Но всегда ведь есть дела попроще, а волонтеров, несмотря на это, не дозовешься. Да и материальной поддержки от обещавших помощь – тоже не дождался.

Мешают продвижению работы и погодные условия, и не выдерживающий больших нагрузок инструмент. Но проект потихоньку продвигается: с каждым днем все больше ушастых жителей «поселяется» на скале.

Камень сам по себе материал сложный. Но порой еще сложнее пробиваться сквозь стену непонимания и равнодушия тех, кто вроде бы должен идти навстречу новым идеям, по-

могать творческой инициативе, стремлению сделать свой край чище и привлекательнее для его жителей и гостей. Около трех лет Сергей добивался разрешения начать работу на скале. Не просил помощи или денег, что и вызывало недоумение. Поддержка пришла откуда не ждал: свое весомое слово замолвил заместитель секретаря Совета безопасности России Рашид Нургалиев. Он учился в свое время в Петрозаводске, город и регион любит, да и проект ему понравился. Разрешение дали, и сизифов труд – походы по кабинетам министерств и ведомств – наконец-то закончился. Началась реальная работа по созданию Долины зайцев.

ОТКУДА УШИ РАСТУТ?

Еще в первую свою поездку в Карелию я с возмущением реагировала на разного рода надписи, изуродовавшие прекрасные пейзажи. Скалы вдоль обочин трассы «Кола» были исписаны избитыми фразами типа «Здесь был Вася», признаниями в любви, названиями городов, из которых приезжали туристы-вандалы. Километры скал и сотни следов человеческой глупости. И ведь не лень ради такого сомнительного «подвига» покупать краску в баллончиках, которую потом крайне трудно удалить с камня! Многие, глядя на такое, либо не реагируют вовсе, либо возмущаются лишь на словах. И все. А Сергей Гапанович решил, что с этим нужно как-то бороться. Сначала думал просто выводить каракули, оставленные краской. Но потом придумал кое-что получше: ликвидировав следы вандализма, украсить скалы барельефами. Может, это кого-то остановит от желания портить красоту природы, – рассуждал Сергей. Так вместо надписей на скалах стали появляться ушастые зайчики.

Скульптор не ищет легких путей. Его упрямый характер проявился и в амбициозных

«Надеюсь, закончу в этом году, есть парочка набросков на новые скалы...»

планах: вырезать не менее тысячи фигурок животных. Именно столько прыгающих, сидящих, стоящих на задних лапах представителей фауны должно появиться на свет из-под «болгарки», которой Сергей пользуется вместо резца. Сейчас количество зайцев приближается к пяти сотням.

Но, как говорится, не так быстро сказка сказывается и дело спорится. Ведь на самом деле молодой человек с немногочисленными помощниками занимается очень тяжелой работой. Сначала скалу нужно очистить от нависающих и плохо держащихся камней, чтобы они

не свалились на головы мастеров и туристов, которые уже сейчас с удовольствием останавливаются и рассматривают «петроглифы». «Бывает, до двадцати машин тормозят за те несколько часов, что я провожу в Долине днем, – говорит Сергей. – Ходят, фотографируют, обсуждают, улыбаются. В такие минуты я понимаю, зачем все это затеял».

До самого верха скалы выставляются леса. В этом деле без помощников не обойтись. Затем идет зачистка краски. Надписи и рисунки убираются шлифовальными и абразивными инструментами или выводятся

«Петроглифы» туристов – для карельской природы это настоящая проблема

Найти место не трудно: с трассы заметны строительные леса

весьма дорогостоящей химией, поскольку обычные растворители в данном случае не справляются. И уже только потом начинается резка зайцев-барельефов по трафаретам, предварительно изготовленным из дерева. Образцов таких у Сергея около тридцати. Различаются они формой и размерами. Между прочим, у каждого длинного есть имя. Некоторые носят необычные имена: Лакки, Ахти, Лилуай, Иту, Теплый Ветер, Сильный Дух. Но встречаются и попроще: к примеру, Жорик, Сеня, Петрович, Алиса. Есть даже целая семья Лапкиных: Анатолий, Маруся, Федя и Надежда Патрикеевна. Как говорит Сергей, у каждого из его зайцев есть реальный человеческий прототип.

СКУЛЬПТОР ПО ВЕЛЕНИЮ ДУШИ

Сергей из породы людей увлекающихся, которым «любое море – по колено и любые горы – по плечу». Ему претит обывательское отношение к жизни. Постоянно хочется ставить перед собой цели. И, как мужчина с характером, цели он ставит перед собой труднодостижимые. Говорит, в этом –

своеобразная проверка на выносливость, упорство и силу духа. Стало любопытно, откуда в нем такие качества.

– Мои дед и отец постоянно что-то мастерили, я видел это и, как умел, помогал. Это такое правильное мужское воспитание. Мне рано дали в руки инструмент. Еще лет восемь было, помню. Я тогда сам сделал плот и даже переплыл на нем наше небольшое озерцо, – вспоминает Сергей.

Наверное, из-за такого характера и родилось стремление попробовать сделать что-то стоящее из материала, которого в Карелии особенно много. Камень как-то попался на глаза Сергею во время раздумий на тему: чем бы таким заняться в гараже, снятом по тогда еще непонятной для него самой причине.

– Решил, что как у каждого нормального мужика у меня должен быть гараж. Чтобы там возиться с машиной, разбирать-собирать, ремонтировать что-то. Арендовал. А машины нет. Но что-то же делать надо. Стою, голову чешу. Вижу, камень в сторонке лежит, кое-как притащил его в этот гараж. Кинограммов на сто точно был. Поехал в магазин и купил са-

мый дешевый инструмент. Даже молотка не было. Только топорик и еще какие-то непонятные железяки. Начал пытаться из валуна сотворить подобие скульптуры. Понял, что это очень сложно. И именно поэтому появился еще больший интерес, – рассказывает Гапанович.

Теперь в гараже полноценная мастерская, в которой уже опытный скульптор делает всевозможные инсталляции и украшает ими интерьеры и улицы родного города. Внешне его творения вроде бы просты и незамысловаты, но они не оставляют равнодушными прохожих. Сама наблюдала, как любят фотографироваться на каменном «Олином облаке» дети и молодежь, как туристы рассматривают битву карельских аборигенов с тиранозаврами на валуне, расположенном на одной из улиц Петрозаводска. А еще у него собралась небольшая тематическая коллекция – «Истории каменных голов». Скульптуры в стиле абстракционизма, каждая со своим лицом и жизненной историей, причем списанной с реальных, знакомых автору людей. Готовая выстав-

ка, которая может стать украшением любой галереи.

Сергей постоянно совершенствует мастерство, читает много специальной литературы, пробует разные материалы и инструменты. Путешествует по миру в поисках новых знаний. Мечтает попасть на остров Пасхи и увидеть знаменитые древние каменные моаи – статуи в виде человеческой головы с туловищем по пояс. Он, скульптор-самоучка, не считает себя художником и не старается вписываться в границы каких-то академических канонов и правил. Это дает молодому человеку свободу. И не только самовыражения, но и внутреннюю. Как мне показалось, занимается Сергей резьбой по камню по велению души и из-за импульсивного характера.

– Я понял, что все, что я делаю – это в первую очередь для себя. Мне нравятся эмоции, которые получаю сам и чувствую от других людей. Это воодушевляет. Со временем захотелось поработать не только с камнем, но и с деревом, металлом, пластиком. И чем сложнее техника создания скульптуры, тем сильнее желание попробовать ее освоить, – объясняет Сергей.

Петрозаводский молодой скульптор – кладезь замечательных идей, он постоянно генерирует новые и готов воплощать их с завидным энтузиазмом. Даже очень масштабные по задумке, которые вполне могут стать визитными карточками городов и регионов. Но зачастую хорошие и при этом не очень затратные проекты не получается воплотить без поддержки партнеров.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Все свободное время карельский скульптор-самоучка проводит в мастерской и в Долине зайцев, а с недавних пор – еще и на каком-то таинственном острове Ангела. Местоположение его Сергей пока от всех скрывает. Говорит лишь, что по льду добирался до него на снегоходе, потом на лодке по воде. Там он выпиливает из большого валуна... диван. Чтобы сидеть на берегу и наслаждаться потрясающим видом на озеро и закат солнца. Своеобразная медитация.

– Я устаю от людей, от городской жизни, от шума улиц и пустых разговоров. Поэтому нахожу такие места, куда можно сбежать от всего этого, – делится Сергей. – Это крохотный

остров, который можно обойти за десять минут. Кто именно дал название клочку земли, никто уже не припомнит, о нем знают только старожилы и рыбаки. Если переночевать на этом острове, то тебе приснится твой ангел-хранитель. И этот сон гарантированно принесет что-то хорошее в твою жизнь.

Вернувшись к разговору о зайцах, поинтересовалась, бывали ли моменты, когда опускались руки, появлялись разочарование и желание все бросить. Сергей задумался и ответил:

– Знаешь, если честно, то я не раз сам себя спрашивал: зачем мне это? Наверное, еще с самого первого вырезанного зайца. Во многих людях разочаровался, но в итоге «отпустил» эти мысли. Стараюсь не подпускать к себе негатив. Я очень счастливый человек, мне интересно жить. И не понимаю тех, кто постоянно ноет, но при этом ничего не хочет делать, чтобы изменить свою жизнь к лучшему. Нужно работать. Постоянно находить занятие рукам и голове. Да, мне хочется побыстрее завершить работы в Долине и начать что-то новое. Но я обязательно доведу это дело до конца.

Прогреваемая солнцем, в обрамлении пушистых сосен, скала выглядит неприступной

ДОЛИНА ЗАЙЦЕВ – ПРОЕКТ ДЛЯ ВСЕХ

Этот арт-объект – уникальный для Карелии, и, пожалуй, не только для нее. В современной России у него точно нет аналогов. Он изначально был некоммерческим. Сергей сам все придумал, в одиночку начал воплощать, вырезал зайцев собственными руками. Редко помогали волонтеры. Особенно отличился один из друзей Сергея – Алексей. Он как заправский альпинист помогал очищать скалу на высоте. Но труд этот все же очень сложный, требующий настоящей силы и недюжинного терпения. Сергей тратит на проект все свободное время, личные средства, покупает материалы и инструмент. Расходы довольно большие. А впереди еще планы по созданию инфраструктуры. Для туристов, путешествующих на машинах или в автобусах, нужно сделать парковку. Обустроить места отдыха. Чтобы можно было где-то с комфортом посидеть, перекусить в дороге. И все это обязательно, уверен карельский мастер, должно быть бесплатным для людей.

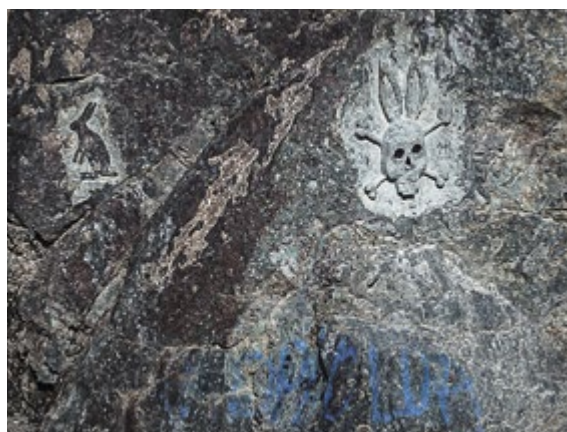
Мы ходим вместе по Долине зайцев, обсуждаем проект, и у меня тоже в мыслях вырисовываются

картинки: вот тут бы поставить столики и скамейки, по обеим сторонам скалы у обочин разместить стоянки для машин. А наверху есть большие красивые валуны, на них растет мягкий зеленый мох. И стоят они кружочком, как будто приглашают отдохнуть компанию уставших путников в тени высоченных сосен и елей. Можно сделать и тропу для прогулок желающих подышать хвойными ароматами. Очень хочется, чтобы эти мечты реализовались.

– Представляешь, – возвращает меня из мечтаний в реальность голос Сергея, – нашлись умники, решившие сделать тут платную парковку и брать деньги за стоянку транспорта. А ведь я хочу

«Здесь я чувствую себя в гармонии с природой»

Некоторые посетители Долины вкладывают в глаза этого необычного зайца свои пальцы и загадывают желания. Интересно, сбывались ли?

что-то создать такое, что привлечет туристов в Карелию. Чтобы людям со всего света было интересно посетить наш регион и посмотреть его достопримечательности. И здесь точно не должно быть никакой выгоды. Они и так помогут: турфирмам, отелям, общепиту, сувенирным мастерским и магазинам. Людям и организациям будет работа, а бюджету республики польза от поступления налогов с их доходов. Ведь многие страны используют свой туристический потенциал в полной мере и только выигрывают от этого. Я думаю масштабно, а не локально и узко: мол, как заработать на Долине зайцев. И пока вкладываюсь в нее и материально, и физически, и душой.

Скульптор хочет поскорее завершить работы здесь и осознает, что без поддержки не обойтись. Поэтому однажды пришла идея делиться зайцами со всеми желающими внести свой небольшой вклад в продвижение работ. Так появился сайт, представительство Долины зайцев в Интернете. Людям стало интересно, многие захотели даже приобрести себе личного зайца. А почему бы и нет? Покупает же народ участки на Луне или звезды. Вряд ли владельцы когда-нибудь на них попадут, но можно порадовать себя сертификатом на столь необычную покупку. Так и с зайцами на каменной скале: под некоторыми появились номера, каждый номер вносится в сертификат, который может приобрести любой желающий. Разница в том, что своего зайчика можно увидеть, потрогать, показать друзьям, детям, а в будущем – может, и внукам. А еще подарить его по какому-нибудь хорошему поводу своим близким.

На этом, конечно, не заработаешь. Сергей все так же тратит заработанные в семейном бизнесе деньги, но уже может позволить себе взять помощников-резчиков, заказать технику для благоустройства территории и немного ускорить свой путь к достижению цели – тысяче каменных зайцев.

ПЕЛЬМЕНИ ЛЕНИВКИ

АВТОР

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

О, КАК Я ОБРАДОВАЛСЯ, УЗНАВ, ЧТО НИКАКОЙ СТАНЦИИ МЕТРО «ВОЛХОНКА» НЕ БУДЕТ! ЧТО НЕ БУДУТ КОПАТЬ В ЧЕРТЕ БУЛЬВАРНОГО И САДОВОГО КОЛЬЦА, ГДЕ И ТАК-ТО УЖЕ МНОГО КЕМ НАКОПАНО И ГДЕ ТАК ХОРОШО ХОДИТЬ, ГУЛЯТЬ, СМОТРЕТЬ, ПОГРУЖАТЬСЯ В СТАРУЮ, НЕИЗМЕННУЮ МОСКВУ, КОТОРУЮ С ТАКИМ ПОКАЗАТЕЛЬНЫМ РВЕНИЕМ ВСЕ ХОТЯТ И ХОТЯТ УЛУЧШИТЬ.

ЧЕМ МНЕ БОЛЬШЕ ВСЕ-го милы 70–80-е годы московские? Неизменно пейзажа. Стабильностью. Устаканившимся давным-давно порядком вещей, логикой и продуманностью, без выкрутасов. «Кропоткинская»... 1979 год... С закрытыми глазами можно было выходить из метро под небольшую арку, от которой так и веяло 30-ми... Так... Слева будочки телефонов и два киоска – с прессой и газиро-

ванными безалкогольными напитками.

Сзади – любимый москвичами, киношниками, артистами, писателями, местными бабушками, детьми, приезжими, всеми людьми доброй воли – Гоголевский бульвар. То ли он первый в череде бульваров столичных, то ли на нем все завершается – это как посмотреть.

Впереди и чуть слева – популярнейший бассейн «Москва», открытый и зимой, и летом для всех желающих.

За углом, после туалета – поворот на Волхонку, где Институт русского языка, единственная в центре старинная автозаправка, Пушкинский музей, Музей Парижской коммуны и другие красоты...

Справа, через переход, дремлет философ Энгельс, а поближе булочная, в которой стоило постоять за свежими бубликами, ватрушкой, калорийкой или просто за стандартным набором – «батон и половинка черного» за 22 копейки.

Ну и, конечно, – впереди река.

А сама площадь, как всегда гнутая по краям, полна троллейбусов, солидно разворачивающихся кто куда: или на Метростроевскую, или в Соймоновский проезд, а после влево на набережную, или вправо и чуть вверх на Кропоткинскую, или в обратную сторону – на бульвары...

И отчего-то всегда здесь охватывало меня бодрое, солнечное настроение – эх, хороша Москва-матушка, куда ни глянь. И Энгельс, и остатки древней стены, и переулочки здешние, и перспективы двух главных улиц, и бассейн, и запах сдобы, и река впереди –

все это радовало меня с малых лет, с самого детства.

И, приезжая сюда часто и в детстве, и в юности, и потом, именно с детства и уловил – совсем в этих краях иная Москва, непохожая на другие места и районы, и именно здесь вот она мне больше всего нравится. А кругом – повернись во все стороны! – ни одного привычного дома из кирпича, ни одной блочной пятиэтажки, а всё усадьбы, дворцы, флигели, покои, солидные доходные дома из прошлых веков. Дворянский город.

Здесь так легко представить себе гуляющего Пушкина, спорящих декабристов, старенького графа Л.Н. Толстого, легкого на ногу автора «Белой гвардии» или кибитку Бориса Годунова, увозящую будущего царя в Новодевичий монастырь...

*...Пушкин жил, Пушкин жил,
Пушкин с Вяземским дружил...*

Князь Петр Вяземский родился неподалеку...

Ох, как скучаю, когда долго не бываю в этих местах. Теперь так случается. Зато есть что вспомнить.

Пречистенка – легендарная улица Москвы. Кто здесь только не ходил не гулял... К примеру, Сергей Есенин с женой Айседорой Дункан под ручку

В начале 90-х я работал в городском спортивном еженедельнике. Мы уже знали – работа такая! – бассейн «Москва» скоро закроют. А на его месте вновь выстроят храм Христа Спасителя. Мы оказались единственной газетой, что выступила против. Все остальные средства массовой информации переполнились от восторга, словно только и делали, что обивали пороги церквей.

Конечно, мы выступили аккуратно. Чтобы не вызвать гнев тогдашнего градоначальника. Мы лишь заметили, что массового, демократического, доступного решительно для всех москвичей и гостей столицы бассейна в городе больше нет.

В успешности строительства храма мы не сомневались. Законное его место не оспаривали.

Мы выразили надежду, что духовные традиции не повлекут гибель традиций физкультурных. И что бассейн или даже бассейны уровня сносимого появятся в городе, станут нормой, привычкой, необходимостью. Как rassудила жизнь?

Так называемая Кремлевская заправка на Волхонке – единственная в пределах Бульварного кольца – памятник архитектуры советского стиля ар-деко

Храм Христа Спасителя занял свое законное место. Своей массивностью, величиной, могучестью он поначалу – что уж греха таить – даже напугал горожан. Теперь люди привыкли. Золотой купол на Волхонке – своеобразный ориентир города, он издали виден.

Бассейны – маленькие, платные, разные – появились во всех районах города. Бассейна, похожего на «Москву», больше нет.

Дело в том, что это был огромный открытый бассейн, бассейн на воздухе, гигантская чаша, из которой по зиме шел пар. Чтобы посетить его, не требовалась никакая медицинская справка. Ты просто покупал билет, как в кино. Днем билетик на 45-минутный сеанс стоил 30 копеек, вечером – 50. Строго говоря, купальные принадлежности тоже были не обязательны. У местного служащего в раздевалках всегда можно было прикупить на прокат плавки, купальник, шапочку и даже мыло с мочалкой. Удовольствие – искупаться в центре Москвы зимой, среди мороза и снега – знает только тот, кто его испытывал. Да и летом, в оглушительную жару...

Оазис среди плавящегося под ногами асфальта. Я-то в этом бассейне два года занимался спортом и вяло тянул на первый разряд, там был специально выделенный спортивный сектор с натянутыми 50-метровыми дорожками, был сектор для прыжков в воду, с вышкой и трамплином, но обычные горожане купались в удовольствие в своих шести секторах, где, кажется, четный номер был за мужчинами, а каждый нечетный – женский.

О каких-то болезнях и спорах про гигиену никто и не слышал. Врачи бассейна «Москва» свое дело выполняли исправно. Хлорки в воде – хватало. Самое тяжелое было – бегать кросс. Округлые стены секторов бассейна – замечательная дистанция. Попробуй намотай кружков восемь перед заплывами... Прятаться в окрестных

Храм Христа Спасителя – самый большой храм Русской православной церкви. Он может вместить до 10 тысяч человек. Воссоздан в 2000 году

кустах и деревьях – бесполезная штука. Внимательный тренер за эти прятки добавлял еще пару кругов бега и четыре по сто – комплекс на воде.

А с противоположной стороны, со стрелки, плыл к тебе и над тобой сладкий кондитерский запах... Теперь там – офисы и выставки, кафе и рестораны, а раньше-то – конфеты делали. И шоколад. А еще занимались там академической греблей. Потом нашего тренера и нас с ним перевели в Люблино. В ма-

ленький крытый бассейн, где дорожки в 25 метров длиной. Но я посещал бассейн «Москва» почти до закрытия. Нравилось мне купаться в здешних местах, да и все тут.

Первая историческая книжка, что я закупил в свою личную историческую библиотеку, была такая – Фридрих Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Знаменитая стрелка – пятак суши между рекой Москвой и Обводным каналом. Теперь там не работают, а в основном отдыхают...

Нам сказали на историческом факультете мудрые профессора: «Без личной библиотеки, которую надо собирать всю жизнь, дело у вас, товарищи, не пойдет». Главное, мол, читать хорошие книги. А плохие читать не стоит...
А где их взять? После долгих раздумий я и купил Энгель-

са. По сию пору думаю, что выбор мой обусловил памятник на Кропоткинской. Ведь я частенько ездил в вуз на 15-м троллейбусе мимо этого памятника. Книжка оказалась интересной. Стоит ли она теперь, сорок лет спустя, в моей «личной исторической библиотеке»? Не помню, надо бы посмотреть.

На Пречистенской набережной велосипеды особенно кстати. Муниципального транспорта здесь нет

15-й троллейбус теперь исчез. Как и прочие местные троллейбусы. Его заменил автобус с таким же номером. Что тоже неплохо.

Знаете ли вы, что на Пречистенской набережной – от метро «Кропоткинская» до метро «Парк культуры» – не ходит никакой общественный транспорт?

Это единственное такое место на левом берегу реки в центре города. Хочешь не хочешь – иди пешочком мимо Энгельса вниз и направо до Крымского моста... Зато какие там открываются виды!

Булки я покупал в булочной на углу, пачки чая и сахара приносил из дома и размещал вместе с кружкой и ложкой в верхней полке стола (нижняя полка принадлежала сменщице бабе Нюре). Еще я приносил толстую книжку князя Кропоткина «Великая французская революция» и тетрадь с ручкой, чтобы в ночные часы не терять времени даром, а конспектировать, готовиться к семинару по новой

Памятник Фридриху Энгельсу у метро «Кропоткинская» установлен в 1976 году. Не снесен в 90-е годы благодаря личному вмешательству тогдашнего мэра столицы, Юрия Лужкова

истории. И кипятильник! Куда же в СССР без кипятильника? Никак невозможно.

К 22 часам «Дом науки и техники» на Волхонке замолкал. Последними выходили, часто слегка покачиваясь и дыша в сторону, директриса и две ее заместительницы. Я закрывал дверь до утра, баба Нюра заступала в 8.00.

Как же мне повезло, думал я, поглядывая на Пушкинский музей и в сторону Боровицкой площади, сижу, сторожу культуру, науку и технику прямо на Волхонке, одно название улицы чего стоит... Вол-хон-ка... Через две ночи на третью тут сторожу – за 57 рублей в месяц! Солидная прибавка к стипендии. И до вуза совсем недалеко... И тишина какая в Москве. Только гулко отдаются вверх мои шаги в пустом вестибюле.

А вот ужинать я успевал только в одном месте, других рядом и не было – в маленькой, неприметной пельменной на улице Ленивке. Как правило, я там был последним посетителем, закрывали в семь, но не спешили выгнать тех, кто доедал

В Пушкинском музее прекрасно все. Включая околomuзейный ландшафт

«Волхонка такая узенькая... Успеем перескочить. Добавь газку, подружка!»

или допивал принесенную с собой бутылку. Пустая посуда шла уборщице – маленький, но гешефт!

Пельмени казались ужасно вкусными, 32 копейки за порцию, с уксусом, и я, как правило, брал полторы. Но все же я точно знал, что в «Пеньках», на Кропоткинской, рядом с Зубовской площадью, пельмени вкус-

нее, а обстановка богаче. На березовых пнях можно сидеть, а тут ты ешь стоя, за высоким, серым от времени пластиковым столом. Но зато это рядом, до работы два шага, нет риска опоздать, волнуясь за троллейбус... Я ел не спеша, потому что знал, что у ночного сторожа все ночи длинные, а аппетит почему-то волчий.

Я сторожил «Дом науки и техники» на Волхонке почти два счастливых студенческих года. Теперь в этом здании галерея знаменитого художника Глазунова.

Ни разу, признаться, не был внутри.

А вот вмятинки от слова «Пельмени» в доме на Ленивке, приглядевшись, отметил.

Хороша улица Ленивка, тихая, коротенькая, незаметная, подкармливала она меня – век не забуду. А название? Прелесть просто.

Первые данные нами уроки – в школе на практике – мы обсуждали на лавочке Гоголевского бульвара примерно в том

самом месте, где ныне появился ужасающий не только детвору памятник Шолохову со словно отрезанными ловким скульптором лошадиными головами. Но тогда все было спокойно, Шолохов в лодке поперек бульвара не плыл, кони тоже, а царил на бульваре в одиночестве и покое бронзовый и благодушный Н.В. Гоголь, и мы, будущие учителя истории, тоже упивались благодушием и спокойствием.

А как иначе? Спецшкола в арбатских переулках досталась! Зря, что ли, у Высоцкого: «Жил я с матерью и батей на Арбате, всем бы так...»
Всем, да не всем, а вот нам повезло, точно...
Арбатские переулки – это вам не Бирюлево Западное...
Мы обсуждали первые уроки согласно всем имеющимся в нашем распоряжении методическим правилам. Под руководством кандидата педа-

Художественная галерея Ильи Глазунова (Волхонка, 13) образована 31 августа 2004 года

гогических наук. Урок длился 45 минут, обсуждение раза в три больше.

Но на Гоголевском бульваре спешить никогда не хочется. Сидишь себе да сидишь, говоришь, слушаешь да по сторонам смотришь. Как будто и не торопишься никуда... Смешно теперь вспоминать. И печально одновременно.

И все же те посиделки, наверное, помогли в будущих, настоящих уроках в школе, где мы плотно осели на долгие и долгие годы, а некоторые из нас и на всю жизнь.

Гоголевский бульвар – это... как первая любовь.

Хотя почему – первая? Здесь же, на Гоголевском, я и завершил свою педагогическую практику. Правда, учил уже не истории, а журналистике... Можно ли журналистике научить, ребята?..

В этот раз, весной 2019 года, мы приезжаем сюда на метро. Хотя можно прирулить сюда от Таганки на автобусе, можно пройтись, сравнивая пушкинские, арбатские и пречи-

«Куда и зачем гребет Михаил Шолохов на Гоголевском бульваре?» – довольно частый вопрос москвичей и гостей столицы

стенские переулки от самой Тверской, можно степенно спускаться вниз по бульварам...

Но как-то давно не были мы на станции метро «Кропоткинская». Вечный шедевр архитектора Душкина... Чудо! Этаким Парфеном советской эпохи... Сколько воздуха здесь, под землей... Какие колонны-вазы. Из них идет мягкая подсветка станции. Мрамор.

И никаких эскалаторов! Ножками, ножками, давай, вверх, по ступенькам. Зато какой осмотр на площадке, обернись, путник...

Станцию собирается ставить на реконструкцию неугомонное московское начальство... Жена волнуется: эх, лишь бы не испортили ничего. На прежнем месте лавочки, похожие, но не те, что были раньше. Прежние были чуть-чуть пошире, посolidнее и потемнее.

А так за сорок лет станция метро «Кропоткинская» почти не изменилась. Народец, правда, иной... Вот рассекает какой-то мужичка широкий вестибюль на самокате... Видимо, это стильно.

Ленивка такая маленькая улица, что не все ее знают. Для многих она – только правый поворот на Волхонку...

Но нас больше впечатляют заметные вмятинки от миллионов ног на отдельных каменных ступенях... С 1935 года люди здесь ходят и ездят.

А вот и родная площадь у Пречистенских ворот. Плитка. Лавочки. Знаменитая арка над входом. Молодежь... Стакан-

чики с кофе. Неужели мы тоже когда-то так громко разговаривали? Вон, у дамы с короткими брючками накладка на щиколотке – розовые цветочки... Говорит дама в мобильный телефон, что ее парень достраивает им квартиру, но со спальней много проблем, «он пытается уловить мой вкус, понимаешь, да?».

Станция «Кропоткинская» – одна из самых красивых в столичном метро. Архитектор – Алексей Душкин. Открыта в 1935 году

Мы осматриваемся. Пейзаж почти что без изменений. Вместо туалета – кафе, вместо булочной – обувной, нет ни одного киоска с газетами и водой, нет телефонных будок, а все остальное – есть... Здравствуй, философ Энгельс. Вон за ним «Книжная палата». Вот подъемчик на Пречистенку, вон заворот на Остоженку. А вот сияет на солнце гранитный берег Москвы-реки... И кругом чарующие дома из далекого XIX века...

Куда же пойти сегодня?

По Пречистенке, в Дом ученых, где, рассказывают, столовая хороша, а главное – заодно можно навестить интерьер этого славного здания...

Или по Остоженке, к монастырю, огибая пузатые машины и дворовые шлагбаумы, в те места, где мы раньше привольно тянули пивко, а заведение на природе прозывалось в народе местном «Коробейники»? А теперь здесь «золотая миля», рай столичных толстосумов...

Дорога к Храму

А может, все-таки по бульвару, к Гоголю, поглядывая на особняк Василия Сталина, вспоминая удивительный мирок «Фотоцентра», наблюдая, запоминая, покуривая?

Когда в нем был впервые? В 1988 году. Выставка на 50-летие Высоцкого. Столько фото – впервые... Продавались плакаты и стилизованные афиши спектаклей Таганки с его участием. Сходил, а потом приехал еще разок. С учениками, школьниками. Народу на выставке было много.

Или вот другой вариант. Навестить Александра Второго со львами, а дальше новым мостиком через реку и на стрелку...

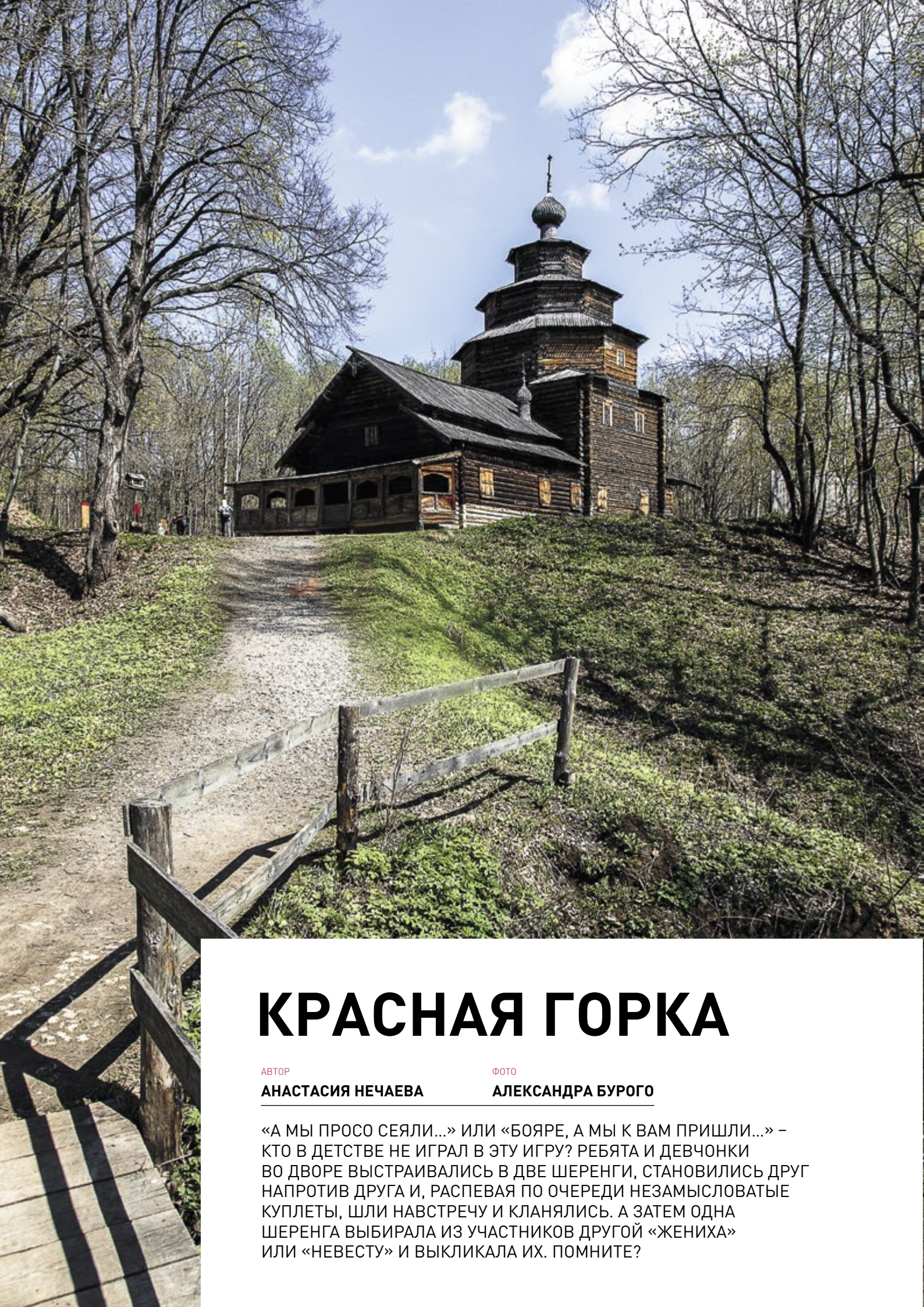
Или есть у кого настроение на Пушкинский музей? Тогда вам левей, на Волхонку.

Выбирайте сами, дорогие друзья. Как сердце подскажет... Все пути от метро «Кропоткинская» хороши.

Почему-то сегодня могучий храм Христа Спасителя уже не кажется нам таким уж огромным. Привыкли? ☹

Какой москвич не любит Гоголевский бульвар?..

КРАСНАЯ ГОРКА

АВТОР

АНАСТАСИЯ НЕЧАЕВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

«А МЫ ПРОСО СЕЯЛИ...» ИЛИ «БОЯРЕ, А МЫ К ВАМ ПРИШЛИ...» – КТО В ДЕТСТВЕ НЕ ИГРАЛ В ЭТУ ИГРУ? РЕБЯТА И ДЕВЧОНКИ ВО ДВОРЕ ВЫСТРАИВАЛИСЬ В ДВЕ ШЕРЕНГИ, СТАНОВИЛИСЬ ДРУГ НАПРОТИВ ДРУГА И, РАСПЕВАЯ ПО ОЧЕРЕДИ НЕЗАМЫСЛОВАТЫЕ КУПЛЕТЫ, ШЛИ НАВСТРЕЧУ И КЛАНЯЛИСЬ. А ЗАТЕМ ОДНА ШЕРЕНГА ВЫБИРАЛА ИЗ УЧАСТНИКОВ ДРУГОЙ «ЖЕНИХА» ИЛИ «НЕВЕСТУ» И ВЫКЛИКАЛА ИХ. ПОМНИТЕ?

На «Щелоковском хуторе» в Нижнем Новгороде Красную горку празднуют с размахом

Заводилой быть непросто

ГЛУБИНА НАРОДНОЙ памяти неисчерпаема. Эти простые песенки, сопровождающие столь же простые действия игры, пережили не одну сотню лет. Ничто не могло с ними справиться: ни христианизация Руси, ни советские годы борьбы с религией и народными традициями, ни, как выясняется, нынешний цифровой век. И это удивительно. Ведь играя в «Бояр» и в «Просо», дети, сами того не подозревая, отдавали и получают дань традиции, дошедшей до нас из далекой древности... Семарглов день. Так славяне-язычники звали этот праздни-

к, отмечавшийся в конце апреля. Праздновали освобождение земли от снега, закликали весну, кормили рыбу в реках, чистили колодцы и родники, совершали тризны и катали яйца с курганов. Жгли костры и чествовали своих богов – Семаргла, Сварога, Стрибога, Ладу, Дажьбога и Ярило. Молодежь собиралась на поросших первой зеленью холмах и пригорках. Здесь водили хороводы, пели песни, жгли костры и проводили обрядовые игры. В том числе и хорошо знакомую нам «А мы просо сеяли...», которая в упрощен-

Все – на качели!

Отсиживаться дома на Красную горку нельзя!

«А мы просо
сеяли, сеяли!
А мы просо
вытопчем,
вытопчем!»

Пока жены
танцуют

ном виде представляет собой древний свадебный обряд. Для православных этот день – Антипасха, или Фомино воскресенье. Иными словами, первое воскресенье после Пасхи. Фоминым оно зовется потому, что в этот день вспоминают явление Иисуса Христа апостолу Фоме на восьмой день после Воскресения. Тому самому – Невеющему. Он отсутствовал, когда Христос явился своим ближайшим ученикам после Воскресения, и потому не поверил остальным апостолам, когда они рассказали ему, что Учитель воскрес. И тогда Христос пришел к Фоме-Близнецу

на восьмой день и показал ему раны, полученные на Кресте. Только тогда апостол Фома поверил в случившееся чудо. Ну а в народе этот праздник зовут Красной горкой, реже – Радостным воскресеньем, и считают, что с этого дня весна полностью вступает в свои права. «Красная горка – сватать спóрко». Именно на Красную горку проходили смотрины и сватовство, а позднее – и свадьбы. Говорили: «Кто на Красную горку женится – век не разженится». И еще: «На Масленицу – сватовство, на Красную горку – свадьба».

Устали

Время петь
веснянки

Один – без пары, другой – с гармонью

На Красную горку обязательно красят яйца

«Сейчас мы вас научим одной древней игре»

Считалось, что сидеть в этот день дома юношам и девушкам нельзя, нужно обязательно идти на праздник, надев самый лучший наряд. Вот тут-то и пригождались хороводы, игры, плетение венков, а также «Бояре» и «Просо». И на других можно было посмотреть, и себя показать. Правда, до того, как отправиться на праздник, девушка, мечтающая выйти замуж, должна была тщательно убрать свою избу. Причем начать с самого дальнего угла и закончить у порога. Рекомендовалось также очистить дом от старых и ненужных вещей. Весь отслужив-

ший свое хлам выносился из избы и сжигался на костре. Нередко на Красную горку девушки гадали на суженого, выливая расплавленный воск в плошку с чистой колодезной водой. На рассвете девушки собирались на пригорках и пели закличания весне. Они складывали в центр хоровода крашенные яйца и специально приготовленные к празднику угощения, после чего начинали обряд. Причем каждый из нас знает, как они к весне обращались: «Весна-красна!» Такие песни называются веснянками и закличками. В них, как правило,

«Новоженки» ждут поздравлений

Кто кого?

Так катают
с «горки»
яйцаНа Красную горку
женщины и девушки
надевали лучшие нарядыТанцуют
все!

призываются птицы, поскольку именно с прилетом пернатых славяне связывали приход весны. В некоторых областях на горке ставили еще и соломенное чучело на шесте, которое сжигали вечером с песнями и плясками.

А после закликания начинался сам праздник. Устраивали балаганы, ярмарки невест, потешные бои, качались на качелях, катались на повозках, запряженных лошадьми (причем последних обязательно украшали: вплетали в гривы алые ленты), гадали и загадывали желания. Например, верили,

что если на Красную горку бросить в колодец монетку и загадать желание, то оно обязательно сбудется. И, конечно, катали с горок крашенные в красный цвет яйца. Считалось, что чем дальше укатится яйцо и при этом не разобьется, тем дольше будет жив и здоров его хозяин. Ну а если кто-то из юношей выбрал себе суженую, то по традиции он обязан был облить ее холодной водой. После этого сватовство должно было состояться обязательно, в противном случае рассвирепевшие родственники девушки могли намять бока ветреному жениху.

Деревенская
кадриль

Не забывали на празднике и о молодоженах. В некоторых областях был принят такой обычай: все поженившиеся после прошлой Пасхи пары становились отдельно от веселящейся толпы и начинали подзывать к себе женщин и девушек. Те подходили к «новоженам» с песнями, за что и получали какой-нибудь подарочек: кусок пирога или яйцо. В Поволжье этот обычай выглядел несколько иначе: односельчане ходили по домам молодоженов и окликали их, пели и плясали, желая здоровья и богатства: поэтому в таких местах Красную горку иногда называли Кликушиным воскресеньем,

а само «окликанье» молодых – выюнинами или юнинами. В ответ молодожены «одаривали» всех стопочкой и закуской. В северных краях на Красную горку обязательно проводили «опахивание села». Мужчины в этом обряде не участвовали. В полночь все женщины выходили за околицу, распевая песни. Здесь их уже поджидали три молодухи и три старухи с почитаемой иконой. Девицы расплетали свои косы, а замужние женщины снимали платки. Поверх сохи клали доски, на которые садились несколько женщин. А все остальные тащили соху вокруг села, оставляя глубокую борозду.

«Захому́тать»
жениха можно
с помощью платка

Без песен –
никуда

Обязательные
атрибуты
праздника

Без хороводов
не обойдется
ни один праздник

Старухи с иконой шли впереди шествия. Считалось, что таким образом от села можно отвести напасти: беды не смогут «перейти» проложенную борозду. После «опахивания села» обычно устраивалось веселое застолье, которое продолжалось до утра.

Еще одна традиция Красной горки, с которой начинается Радоницкая неделя, – поминки по умершим родственникам. И если для молодежных гуляний яйца красили в красный цвет, то «для усопших» их красили в зеленый и желтый цвета, после чего оставляли на могилах. А затем дома устраивали поминальную трапезу, для которой готовили коливо, блины, кутью...

Ну, и как же на Руси без примет и поговорок? Если на Красную горку выпадал теплый безветренный день, то ждали хорошего урожая зерновых. А еще старые молодых предупреждали: не ругайтесь на Красную горку, иначе до Троицы не удастся помириться. С учетом «свадебного» характера праздника это был, видимо, актуальный совет. Говорили также, что на Красную горку нельзя грустить и плакать, иначе весь год будет неудачным. И завершим красивой поговоркой: «Сочтемся весной на бревнах – на Красной веселой горке; сочтемся-посчитаемся, золотым венцом повенчаемся!» 🍷

Удаль
молодецкая

Угощают
всех

Где же наши
суженые?

Подписывайтесь на журнал **РусскийМир.ru**

Во всех почтовых отделениях России:

по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог.
Пресса России.
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

В почтовых отделениях стран СНГ:

по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«ИНФОРМНАУКА» на сайте
www.informnauka.com

Корпоративная подписка по Москве (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@ruskiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru